

АНДРЕЙ ЗЕМЛЯНОЙ

ПРОЕКТ «ОБОРОТЕНЬ»

ПРОЕКТ «ОБОРОТЕНЬ»
УСПЕТЬ ДО РАДУГИ
ДЕНЬ ДРАКОНОВ

Странник

Андрей Земляной

**Проект «Оборотень»: Проект
«Оборотень». Успеть до
радуги. День драконов**

«Издательство АСТ»

2008

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Земляной А. Б.

Проект «Оборотень»: Проект «Оборотень». Успеть до радуги.
День драконов / А. Б. Земляной — «Издательство АСТ»,
2008 — (Странник)

ISBN 978-5-17-136138-9

В ходе операции на Африканском континенте майор ГРУ находит таинственный перстень, который кладет начало череде удивительных событий. Из защитника своей родины он становится защитником жизни на Земле, вступает в схватку с воинством тьмы и делает нелегкий выбор – пожертвовать своей жизнью ради спасения остальных. Но души воинов бессмертны, и новая жизнь в ином теле и на другой планете снова приведет его к выбору. Неважно, что на стороне врагов супертехнологии мира, ушедшего далеко вперед. Сердце воина не позволит остаться в стороне, когда идет война, а честь подскажет, где враги, а где друзья.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-136138-9

© Земляной А. Б., 2008
© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Проект «Оборотень»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Андрей Земляной
Проект «Оборотень»: Проект «Оборотень».
Успеть до радуги. День драконов

© Андрей Земляной, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Проект «Оборотень»

С самого начала я хотел бы извиниться перед теми, кто не найдет своего имени в этом списке. Но если бы я написал его полностью, то места для книги не осталось бы.

Но я помню вас. Всех, кто читал мои первые пробы, критиковал и помогал сделать текст лучше.

Но ничего не было бы без моего *папы Бориса Яковлевича Земляного* и *мамы Ренин Каматовны Каримовой*. Самые лучшие *Папа* и *Мама* на земле, они научили меня всему в жизни. Я помню вас.

Во вторую очередь хотел бы поблагодарить писателей *Вадима Давыдова*, *Иара Эльтерруса*, *Юрия Ивановича* и особенно *Игоря Поля*. Их дружелюбное внимание и поддержка в разные моменты моей жизни сильно мне помогли и помогают сейчас.

И своих друзей *Виталия Смагоринского*, *Михаила Русина*, и свою любимую жену *Наталиюшку*, а также многочисленных внимательных и строгих читателей и писателей *Мошковского СамИздата*. Именно их дружеское подталкивание в спину заставило меня писать больше.

На свете есть много вещей, насчет которых разумный человек мог бы пожелать остаться в неведении.

Эмерсон

1

Шесть человек в грязно-зеленых комбинезонах прорубались сквозь зеленое месиво джунглей, не щадя ни длинных зазубренных клинков, ни сил. Буквально на пятках у них висели как минимум пять групп преследователей, желавших только одного – догнать и уничтожить тех, кто сжег дотла шедевр высоких японских технологий и основу благосостояния маленькой центральноафриканской страны – завод по очистке героина. Вместе с заводом начисто сгорела и база военно-воздушных сил державы. Составляли ее два легкомоторных самолета Cessna и три древних «вертушки» Chinook. Их списали с вооружения USAF бог весть сколько лет назад, и до последнего времени они стояли рядышком на бетонке аэродрома, как на выставке. Расправа с базой только добавляла преследователям энтузиазма.

Группа, уходившая от преследования, не имела знаков различия, документов, национальности и даже имен. Французский спутник, осуществлявший мониторинг этой территории в рамках программы разделения зон ответственности, транслировал на землю только короткие кодовые пакеты, расшифровать которые не представлялось возможным. Так что они могли быть и немцами, и англичанами, и даже американцами. Хотя, впрочем, нет. Слишком жестко группа отрывалась от преследования.

А те шестеро, на которых делались многочисленные ставки в Центре слежения на Рю ди Маржери в тихом пригороде Лиона, на короткое время остановились. Командир группы одним движением выдернул нанесенную на прочный пластик карту и расстелил ее на коленях. Потом вынул радиокompас и, сверив координаты и направление, жестом подозвал одного из спутников.

– Змей, смотри! – он ткнул пальцем в карту. – Здесь и здесь нас наверняка ждут. Войска из Анбо и Нгаты если переброшены, то вот тут их и разместили. По болоту мы не пройдем, на реке уже все кишит от патрулей. Остается только сюда...

– На горное плато? – недоверчиво хмыкнул тот, кого называли Змеем. – Хочешь взобраться и вызвать «вертушку»? А черные за нами не ползут? А, Паш?

– Ну, горы не джунгли, – резонно заметил Паш, он же подполковник Павел Сидельников, командовавший группой в этом сомнительном предприятии. – Сильно там не повоюешь...

Змей, он же майор по прозвищу Змей, некоторое время внимательно рассматривал карту, словно уже мысленно штурмовал эти горы, и, задумчиво почесав лоб, произнес:

– Вот только...

– Что только?

– Гляди: вся карта точнехонькая, можно в лупу разглядывать. – Он провел ладонью по гладкому листу пластика, словно сметал невидимые крошки. – А здесь, – ладонь сжалась в кулак прямо над районом небольшого плато, примыкавшего к горной системе, – как будто кто поверх сетку натянул! Так, одни общие очертания.

– Да я вроде эту карту еще на корабле получил, – с сомнением протянул Павел. Он сложил карту и стал заталкивать ее в карман куртки.

– Ладно. На месте разберемся.

– Это так же, как в Сирии? – саркастически заметил Змей. – Много мы там наразбирались!

– Есть варианты? – сухо осведомился подполковник. И, получив в ответ отрицательное покачивание головой, скомандовал, повысив голос:

– Попрыгали, волки!

Офицеры диверсионной группы «Изумруд» УСО ГРУ, привыкшие за годы службы ко всему, преодолели стометровый скальный подъем практически с ходу. Но никто не ожидал того, что они увидели на плато в густом переплетении тропической зелени. Покинутый много лет назад город, почти полностью разрушенный джунглями и дождями, сохранил свое величие.

Полуосыпавшиеся, но все равно прекрасные скульптурные изображения давно забытых богов и чудовищ, тонкие колонны, поддерживавшие когда-то высокие, а ныне просто обвалившиеся своды, поражали красотой и изяществом резьбы. Многие куски стен еще сохраняли фрагменты штукатурки с цветными росписями. Из крошечного фонтанчика на заросшей травой площади сочились прозрачная, чистая вода. Пораженные открывшимся зрелищем, матерые волки войны разбрелись по забытому городу, словно школьники на экскурсии. Сам подполковник первым делом подошел к фонтанчику, сунул в воду серебристый карандаш портативного анализатора, дождался, пока загорится зеленый огонек, и, удовлетворенно хмыкнув, наполнил флягу до краев чистой прохладной водой.

Задумчиво прихлебывая из горлышка, Сидельников отошел в сторону и, наткнувшись глазами на кусок красочной росписи, остановился.

На фреске была девушка в длинном, до пят, красном платье. Видимо, роспись изображала некий ритуальный танец. Партнером девушки был тщательно выписанный дракон. Не менее странным было также то, что лицо девушки, ее руки и ступни ног были белыми. Удивительно, если учесть, что фреска находилась почти в центре африканского континента.

Красиво, конечно, но сначала – дело. Нажав на тангенту передатчика, Паш коротко бросил в микрофон:

– Третьему – эфир.

Почти сразу из зарослей выскочил капитан Сойкин по прозвищу Шило – радист группы.

– Там плешка, типа площади. Так я туда. Йес?

– Хрен с тобой, пошли до плешки.

Через две минуты, установив через спутник связь с подразделением, которое должно было выдернуть их из джунглей, они узнали, что вертолет по куче причин будет только к утру...

Собрав группу, Павел распределил задачи. Истратив последние гранаты и мины, они превратили небольшой кусочек города в относительно неприступный бастион. Постепенно возбуждение от первых минут знакомства с затерянной цивилизацией стало спадать. Наконец практически все, кроме часовых, вырубилось, забывшись коротким тревожным сном.

Лишь Змею не спалось в этом археологическом раю. Он все ворочался с боку на бок, вспоминая совершенно нетронутую временем статую, изображавшую девушку, почти подростка, привставшую на цыпочки, с веткой пальмы в протянутых руках. В ней начисто отсутствовала женская притягательность, во всяком случае, для майора, предпочитавшего гораздо более сформировавшиеся фигуры. Но была в ней какая-то... мольба, что ли. Немая, непонятная и тем страшная.

– Паш? – окликнул он командира.

– Ленька, чего не спишь? Твоя вахта аж к утру.

– Да тревожно чего-то. Пойду, пройдуся...

Самое удивительное, что он почти не соврал. И к желанию вновь увидеть тонкую фигурку девочки из серого гранита примешивалось какое-то неясное щемящее предчувствие. Предчувствие, не раз спасавшее всю группу от самых изощренных ловушек.

Видимо, подполковник вспомнил именно об этом. Тяжело перевернув свое могучее тело на другой бок, со старческим кряхтением он выдавил:

– Ладно, погуляй. И не геройствуй там. Все...

И тут же заснул снова.

Змей вздохнул. Все так все. Пошелкав клавишами на пульте управления, он переключил радио на маячок, передававший на командирскую рацию его биометрию. Если с ним не дай бог чего случится или просто прервется связь, его, может, и не вытащат. Но резкий писк в командирском шлеме наверняка поднимет группу раньше, чем гипотетическая опасность успеет сотворить какую-либо пакость.

Бесшумно, словно призрак, он скользил по развалинам покинутого города, временами останавливаясь, и, словно прислушиваясь, внимательно оглядывался вокруг. Кто были эти люди? Почему построили свой город в таком неудобном месте? Почему ушли? Куда?

А вот и девочка со своей веткой тянется вверх. Ночь, расцвеченная в сине-зелено-оранжевые цвета нашлемного блока ночного обзора, совершенно явственно рисовала ее фигурку ярко-оранжевого цвета. Он стянул перчатку и посмотрел на ладонь. Цвет такой же интенсивности, как и у него, кстати. То есть, переводя на общедоступный язык, это означало, что у статуи температура человеческого тела.

Он нагнулся, дотронулся до постамента. Холодный. Как и следовало ожидать. И на лицевом стекле-экране он «холодного» синего цвета. А скульптура?... И тут он резко одернул от нее руку, словно прикоснулся к раскаленной стали. Статуя была согрета тем мягким человеческим теплом, которое поддерживает гудящая в наших жилах живая кровь.

Змей воровато оглянулся, наступил одной ногой на постамент и, зацепившись правой рукой за свисавшую лиану, подтянулся так, что его голова оказалась вровень с лицом статуи.

На каменном лице, которое пощадило время, из черных глазниц блеснули живые человеческие глаза...

За много лет войны майор научился не бояться никого и ничего. Но тут и его стальные нервы дали сбой. Чудовищным усилием воли он заставил себя остаться на месте и еще раз внимательно посмотреть ей в глаза.

Ее зрачки, казалось, показывали на нечто за его спиной. Скосив глаза, он почувствовал, как что-то надвигается из темноты леса прямо на него. Все, что он делал потом, было просто проявлением профессионализма, помноженного на опыт.

Змей мягко отпрыгнул в сторону, одновременно опустив бронестекло шлема и сбросив с плеча АН-93, затем он перекатился и встал на правое колено. Чуткие микрофоны шлема доносили до него многократно усиленные шумы ночного леса, а по листве скользил невидимый без специальной оптики зайчик лазерного целеуказателя. Он помедлил долю секунды, а потом сунул руку в кармашек разгрузки, нашарил бронебойную гранату и зарядил подствольник. Даже не предполагая, что может скрываться в темных зарослях, Змей не без основания полагал, что бронебойная граната, протыкавшая даже легкий танк, запросто разнесет черепушку неведомого супостата.

Вдруг заросли расступились. Тяжело ступая по проросшим травой плитам, из темноты вылез, другого слова не подберешь, настоящий монстр. То ли диплодок, то ли тиранозавр (с криптозоологией у Змея всегда были проблемы) метров десяти ростом. Он стоял, крутя головой на толстой шее и разыскивая противника.

Ухнув, «скорпион» отправил гранату прямо в объемистое брюхо реликтового зверя. Чешуйчатая костяная броня, которую не брали ни стрелы, ни мечи доисторических охотников, и даже пули более поздних неудачников оставили на ней только несколько царапин, вломила внутрь, раздирая своими острыми гранями мягкое нутро динозавра. Чешуйки еще подрагивали, застряв в виде многочисленных осколков в его внутренностях, когда сработал самоликвидатор гранаты.

Сначала тело ящера на долю секунды раздулось, словно шар, а потом из пробоины в брюхе хлынула струя темной жидкости и каких-то ошметков. Обратной отдачей зверя толкнуло назад, и он завалился в заросли, раздирая ветки и хрустя собственными ломающимися костями.

Змей постоял еще какое-то время, ожидая продолжения атаки, но все было тихо. Он мгновенно перезарядил гранатомет, сменил автоматную обойму на бронебойную, и, не торопясь, стал поджидать спешащих к нему друзей.

– Ну? – спросил командир группы.

Вместо ответа Леонид переключил целеуказатель на световой жгут и направил его в сторону неподвижно распластанной туши.

– Эт чо? – обалделым шепотом спросил подполковник, разглядывая поверженного зверя. – Они ж все вымерли. Вроде, – добавил он неуверенно.

– Теперь, наверное, да, – спокойно предположил Змей. – Слышь, Паш, надо бы глянуть. А вдруг еще не все вымерли?

– Чем ты его? – спросил Павел, рассматривая дыру в брюхе.

– Из подствольника. Бронебойной.

– И ведь затарился втихаря, тащил с собой... Ты что, с танками воевать собрался?

– Да так, на всякий случай прихватил. Видишь, пригодилось.

– Ну-ну, – хмыкнул Павел. – Шило, Крот! Аккуратно прочесать от двенадцати до трех. Змей и Сник – сектора от трех до шести. Я и Гор – на семь-десять. Связь в обычном режиме. Все, как всегда. Попрыгали!

Без шума и шелеста группа растворилась по секторам. Осмотр не мог быть долгим. Само плато представляло собой крошечный уступ, примыкавший к двухтысячметровому пику. Шедший со Змеем параллельным курсом капитан Карин, или просто Сник от английского snicker, сосредоточенно сопел, скользя сквозь плотные заросли лиан. Змей сделал еще пару шагов и остановился. Черный провал темноты был ясно виден даже сквозь плотное переплетение зелени.

– Подземный ход на пять.

– Понял, – коротко отозвался Паш.

– Сник, подстрахуй! – бросил Змей своему напарнику и начал аккуратно стравливать веревку, опускаясь в черный провал подземелья. Когда ветки расступились и пропустили

его, автоматически включилась инфракрасная подсветка, и в черно-зеленом свете показалось обширное помещение. Все стены, пол и даже потолок были покрыты матово мерцавшими плитами из какого-то металла. Из дальнего перехода отчетливо завоняло. Даже беглого обзора было достаточно, чтобы понять: именно тут находилось лежбище неведомо как уцелевших реликтовых животных. Зверей, похоже, было два. Второй где-то бродил. Змей только было собрался доложить об этом командиру, как в шлемофоне кто-то крикнул:

– Справа! – И через паузу в несколько секунд: – Все, отбегался... Здесь Шило. Командир! Есть второй.

– Ребята, не расслабляться! Могут быть еще.

– Нет, Паш, – встрял Змей. – Я тут лежку нашел. Их, похоже, всего двое тут ютилось.

– Продолжать поиск! – тоном, не терпящим возражений, произнес командир.

Ну, продолжать так продолжать.

Через десяток шагов ход неожиданно уперся в высокие, выше человеческого роста массивные двери. Две драконьи морды на них держали в пасти кольца. Сомнительно, конечно, что дверь вот так просто откроется. Сколько лет прошло. Все же Змей потянул за одно кольцо. Неожиданно мягко, но тягуче медленно из-за огромного веса, дверь пошла вперед. Заклинив дверь ножом в косяке (мало ли чего там наворотили древние строители!), Змей шагнул вперед.

Как ни странно, свет в помещении был. Несильный и какой то мерцающий, но все равно свет. Это Змей понял по тому, как неожиданно все вдруг обрело краски. Отключился опто-электронный усилитель, переводя псевдооптику шлема на обычный режим.

Он сделал еще шаг и медленно обернулся, переводя дыхание. Центр зала, точно выписанный геометрический круг, окружали драконьи морды с широко раскрытыми пастьями. Искусно вырезанные из камня, они, казалось, вырастали из самих стен подземелья. Можно было разглядеть даже бугры мышц под чешуйчатой шкурой.

Змей шагнул ближе и, приблизив голову к одной из драконьих морд, увидел невероятной красоты перстень с зеленым кабошоном идеальной сферической формы. Он лежал на остром языке глубоко в драконьей пасти. Начитавшийся в свое время достаточно литературы о похождении различных искателей приключений, Змей отчетливо представлял, что именно может последовать за попыткой достать перстень. Поэтому он вынул боевой тесак с широким листообразным лезвием и накрепко вогнал в пасть, заклинив таким образом возможную ловушку.

Аккуратно, словно работая с минной закладкой, он просунул руку в пасть и мягким движением взял кольцо, а на его место водрузил пистолетный патрон. «Ну не электронные же весы у них там, в самом деле?» – успел он подумать перед тем, как, противно хрустнув, распалась хваленая патентованная сталь тесака Smatchet. Но свою задачу он все же выполнил, дав Змею долю секунды, чтобы выдернуть руку из ловушки. Только вот один из зубов дракона все-таки зацепил руку, пропоров и Гор-Текс, и термозащиту, и даже кевларовую подкладку, и оставил на руке длинную кровоточащую борозду.

Зашипев от неожиданной боли, Змей потянулся было к аптечке, как резкий хруст со стороны двери заставил его обернуться. Скрежетал сминаемый массивной дверью нож. Одним прыжком проскочив между дрожащих от напряжения и никак не могущих сомкнуться створок – «Это тебе не железо! Металлокерамика, блин!» – Змей рванул к выходу, не дожидаясь новых сюрпризов.

Остаток ночи до прихода «вертушки» прошел без происшествий. О найденном в пасти дракона кольце Змей благоразумно умолчал, считая свои долги Родине уплаченными еще на заре лейтенантской юности. Правда, совершенно неожиданно воспалилась царапина на руке. И как результат, после возвращения на базовый корабль Змей загремел в медотсек.

2

За сутки воспалительный процесс охватил весь организм. Его постоянно пичкали какими-то лекарствами и даже травами, благо начальником медчасти оказался целый доктор медицинских наук. Но все было тщетно. Змей все чаще и чаще проваливался в забытие, постепенно теряя контакт с окружающим миром.

В одну из ремиссий, очнувшись и сообразив, что находится уже не на борту крейсера, а в нормальной палате, он услышал голоса, неясно доносившиеся из соседней комнаты. Абсолютно незнакомые люди вели беседу, и, немного напрягшись, он смог различить слова, произносимые старчески скрипучим и смертельно усталым голосом.

– Вы, батенька, просто отказываетесь меня понимать!

Шелест.

– Смотрите сюда. Это обширнейшая опухоль. Затронут практически весь мозг. И не только. Метастазы по всему телу. Своего рода уникальный случай. Инфекционный рак. Сколько ему жить, я не знаю. Может, неделю, может, месяц. Но он практически мертв. Только его могучий организм дал ему возможность продержаться так долго...

И вновь неразличимое «бу-бу-бу».

– Нет, и нет! Какая операция? Вы что, предлагаете ему весь мозг удалить? Самое лучшее, что вы можете сделать – это отпустить его помирать, оплатив все возможные расходы. Я не знаю, на Канары там, или еще куда. По опыту я знаю, у него будет короткая ремиссия перед окончательным ухудшением. Несколько дней... Не знаю. Но сейчас ему нужнее священник, чем все ваши игры в секретность.

Что ответил его собеседник, Змей снова не расслышал. Но старик был непреклонен:

– Мое мнение вы знаете. И учтите, начальник медицинской службы проинформирован. Так что делайте выводы.

Умирать, конечно, было совсем не сладко. Но Змей не жалел себя. Он славно пожил. Видел такое, что нормальному человеку не увидеть и за сто жизней. Его любили женщины и уважали друзья. А жизнь... Так ведь рано или поздно все равно умирать. Плохо, конечно, что придется загнуться от какой-то тропической хворобы, но, в конце концов, не все ли равно как? Искомый результат все равно один.

3

Из Конторы не уходят. Эту истину ему доходчиво разъяснили еще тогда, когда его, зеленого курсанта учебно-боевого центра, пригласили на собеседование в строевую часть. И вот теперь, полулежа в удобном кресле генеральской «чайки», летящей в аэропорт, Змей с горечью осознал, что, сам того не желая, стал основателем прецедента. Перед отъездом он пытался связаться с ребятами, но никого не оказалось на месте. Или топчут палубу перед очередной «прогулкой», или, что вернее, парятся в каком-нибудь закрытом санатории курортно-тюремного типа. Бассейны, девушки и колючая проволока с тремя кольцами охраны. Правда, охраняли не от тех, кто изнутри, а от тех, кто снаружи, но это слабое утешение.

Аэробус «Аэрофлота» доставил его в город, где он родился и вырос. Прямо из аэропорта, где уже ждала новенькая «Волга», его привезли пред ясные очи местного губернатора.

Губернатор был неподдельно любезен и учтив. Это, наверное, сам Канцлер ему позволил и чего-то такого наговорил, что безраздельный хозяин окрестных весей разве что себя не предлагал столичному гостю.

Змея уже начинало подташнивать, как бывало перед очередным приступом, и он, прервав губернаторские словоизлияния, просто и коротко изложил суть дела:

– Виктор Александрович! Мне не нужна квартира или дом. Я хочу просто пожить в глухомани. Без телефона и телевизора. Желательно, чтобы кто-нибудь присматривал за мной. Старичок или бабушка. И все. Тихий дом, и ни одной живой души вокруг!

Губернатор внезапно просиял лицом, как будто угадал сокровенное желание Императора, и проникновенно воскликнул:

– Есть! Именно то, что вам надо. Роскошный старик, бывший профессор истории, живет один на заброшенном хуторе. Он у нас вроде местной достопримечательности. У него большой дом, бывшая барская усадьба, так что места хватит. Хотите отправиться прямо сейчас?

– Если можно...

Пока губернатор улаживал проблемы, Змей успел удалиться в туалет и, справившись с очередной волной тошноты, сделал себе укол прямо сквозь штанину.

Через четыре часа по тряской дороге «лендровер» губернаторских конюшен доставил его к облупившимся воротам бывшей усадьбы. Миновав развалины, они подрулили прямо к двухэтажному, все еще крепкому дому из красного кирпича. На автомобильный сигнал из дома степенно вышел высокий и плечистый, почти под два метра ростом, старик, одетый в заношенный китель без знаков различия.

– Валерь Игнатьич, принимайте гостя! – сказал, вылезая из машины, молодой крепыш, сидевший на месте рядом с шофером.

– Это кто гость? – проскрипел старик. – Ты, что ли?

– Не я, – делано рассмеялся парень. – Вот, из столицы привез!

Змей сделал попытку открыть дверцу, но долго сдерживаемый приступ навалился с неотвратимостью тайфуна, и все пропало.

Очнулся он уже под вечер, в небольшой и чисто прибранной горнице. Широкая постель, застланная белоснежными хрустящими простынями, была явно сработана в прошлом веке. «На такой кровати богатырей зачинать», – подумал он вяло, перекатываясь на бок. Страшно хотелось пить. Леонид глазами поискал какую-нибудь емкость, не нашел, встал, преодолевая вязкую дурноту, и пошел к дверям.

В просторной гостиной на первом этаже было пусто. Но стоило ему ступить на скрипучую лестницу, как неведомо откуда появился старик и птицей взлетел по ступенькам.

– Эх ты подхватился. Захотел куда? – участливо спросил он, подставляя свое костистое плечо под руку Змея.

Пересохший язык ворочался с трудом, и Змей смог только прошептать:

– Пить...

– Пить это мы сейчас, – засуетился старик, бережно сводя его по лестнице. Усадив его за широкий стол, он исчез ненадолго, а когда появился, перед Змеем стоял большой глиняный кувшин и такая же кружка. Прозрачная карминно-красная жидкость прохладным потоком полилась по пищеводу, и, отдышавшись немного, он благодарно посмотрел на старика. Змей хотел что-то сказать, но новый приступ смыл его в беспомыслие.

Когда он вновь очнулся, перед его кроватью стоял небольшой столик для карточных забав, судя по остаткам зеленого сукна, некогда устилавшего его поверхность. Но теперь на почерневшем от времени дереве красовался давешний кувшин и кружка, до краев наполненная клюквенным морсом.

«Господи, как же он меня дотащил! – покаянно подумал Змей. – Во мне же без малого килограмм сто. Хотя нет, теперь, наверное, поменьше».

И кривая усмешка исказила его рот.

4

Возвраты в реальность становились все короче. Но вместо мутной пустоты забытья появился странный бред. Полусон-полуявь, тонкая грань между светом и тьмой стала заполнять его мозг.

Какие-то медведи и волки наполняли его бред невнятной, но деятельной возней. В эти моменты мучавшая его боль постепенно отступала. Несколько раз сон был настолько ярким, что запомнился вплоть до запахов и звуков. Тогда ему показалось, что его погружают в огромное корыто с пахучими лесными травами и ягодами, и сладкий сок словно вытягивает из его тела черный яд.

Кошмары закончились резко и внезапно. Он вынырнул из забытья в реальность, когда его окунули в ледяную воду. Он рванулся, пытаясь освободиться, но старик держал его на удивление крепко.

– Ты, мил человек, никак помирать собрался?

«Мил человек» тем временем шумно отплевывался и вяло отбивался от новых попыток засунуть его под бурлящую струю небольшого лесного водопада. Вода была холодная, как лед, и упоительно пахла свежестью и лесом.

– Ты, что, старик, уморить меня решил до срока?

– А срок твой уже давно весь вышел! – И старик зашелся странным клекочущим смехом. – Ты же, почитай, вторую жизнь живешь.

– Давно я так?

– Шестой месяц пошел.

– Странно. Доктора больше месяца не обещали.

– Ну и хрен с ними, с докторами.

Старик проворно отскочил к большому плоскому валуну, на котором бесформенной кучей лежала одежда.

– На вот, – он протянул ее Змею. – Одевайся.

Через некоторое время, когда они уже подходили к дому, старик участливо спросил:

– Ну, как?

Змей прислушался. Вместо тягучего черного комка, к которому он привык за время болезни, внутри его тела гудела нормальная размеренная жизнь. Шелестела селезенка, переминалась, очищая кровь, печень, и ровно, словно нефтяной насос, ухало сердце. Похоже, предсмертная ремиссия, о которой так заботливо предупреждали доктора, все-таки совершилась.

– Хорошо, – ответил Змей на вопрос старика. И почти про себя добавил: – Жаль, не надолго...

– Ну, надолго или нет, – засмеялся старик, – это тебе решать.

– Это как? – поспешил уточнить не любящий неясностей Змей.

– Потом, потом, – старик замахал руками. – Пока спать. Нынче ночью нам не до сна будет. Ты ведь не из пугливых? – поинтересовался он как бы мимоходом.

– Да вроде не замечалось.

– Вот и отлично.

Проснулся Змей резко и сразу. Он буквально кожей чувствовал, как вокруг дома собирается нечто. Черная мгла, сочившаяся из окон, дышала злом и ненавистью. И не человеческой ненавистью за что-то и к кому-то, и даже не дьявольской. Злом без цвета. Ко всему, в чьих жилах течет кровь, а не черный песок.

Змей беззвучно встал и бесплотным облаком скользнул к дверям. Как раз в это время дверь рывком распахнулась.

– Не прячься, я тебя вижу.

Странно покачиваясь, на пороге стоял Валерий Игнатьевич. Лицо его было белее снега, а руками он обнимал себя за плечи, будто не давая вырваться чему-то изнутри.

– Времени у меня мало. Так что слушай. – Он гулко и протяжно закашлялся. – За мной пришли.

– Кто?

Он снова закашлялся или рассмеялся. Не разобрать было в этом клекочущем звуке, который вырвался из его горла.

– Если хочешь увидеть, то держись поближе к окну, но не выходи и не открывай двери.

– Ясно, значит, вас там убивать будут, а я смотреть? – спросил Змей со злой иронией.

– Я сделал для тебя все, что мог. У тебя, возможно, ремиссия, и если будешь экономить жизнь, то проживешь еще месяц-два. Я примерно догадываюсь, какая у тебя болезнь. Но вылечить тебя мне не под силу.

Он остановился, набирая дыхание, и продолжил:

– Если дождешься Зарги, то он тебя залатает. Но он придет только через два месяца. Это твой единственный шанс.

Неожиданно Змей широко улыбнулся.

– Валерий Игнатьевич, да ну их на хрен, все эти шансы. Это, может, последняя драчка в моей жизни, а вы собираетесь лишить меня этого развлечения? Нет. Так не пойдет.

Вместо ответа старик бессильно махнул рукой и, пошатываясь, пошел прочь.

Змей секунду постоял, соображая, что теперь делать, и метнулся к своему чемодану. Легкие, почти невесомые черные брюки из текрона и такая же рубашка. Не фотохромный комбинезон, конечно, но... Главное лежало на дне, заботливо завернутое в масляную тряпочку и полиэтилен.

Beretta – 93-AF/A. Nightmare. Почти ручная работа. Штука, которую Змей взял бы с собой даже в могилу. Так, на всякий случай. А вот выходит, что пригодится аппарат.

Сбруя привычно легла на плечи мягкими плотными ремнями. Затем лазер. Большая обойма встала на место с мягким щелчком. Пять запасных в кармашках под левую руку, на всякий пожарный, и патроны россыпью, совсем уж на крайний случай. Туго скрипнул уплотнитель глушителя, и коротко мигнул рубиновым пятнышком зайчик целеуказателя. И перстень... На всякий случай.

Попрыгали?

Беззвучной тенью Змей спустился в холл. Там, кроме танцующих на стенах отсветов от каминного огня, никого не было.

Змей уже дал команду мышцам на движение, когда мгновенный блеск на стене заставил его остановиться. Кто видел блик лунного света на оружейной стали, тот знает, что спутать с чем-нибудь другим его невозможно.

Вот и Змей не спутал.

В полутемной нише, на подставках из черного дерева, покоился меч японской работы. Настоящая, знакомая Змею с бурной юности катана, и вакидзаси в черных полированных ножнах.

И прошел бы Змей мимо этих великолепных убийц, черными рыбками притаившихся в тени глубокой ниши, если б не зеркальная гладь сюрикена, словно медальон, подвешенного на тонкой цепочке.

Как из рук монарха, принял Змей меч на ладони. Правая рука сжалась на рукояти и пошла в сторону.

С тонким звенящим шелестом из ножен потек тонкий сверкающий ручеек стали. Змей качнул меч, проверяя баланс, и легчайшее, словно крыло бабочки, лезвие завибрировало, предвкушая свежую кровь.

Уже не раздумывая, Змей нагнулся за сложенным здесь же поясом и, повязав его прямо поверх ремня, вложил сначала катану, а потом и вакидзаси.

Чувствуя себя готовым сразиться хоть с целым полком, Змей распахнул входную дверь и от неожиданности замер.

Спиной к нему, прямо на каменных ступеньках крыльца, сидел огромный белый медведь. Не успел Змей хоть как-то отреагировать, как тот с густым рыком обернулся, и Змей с внезапно похолодевшим сердцем узнал на огромной, покрытой белым мехом голове зверя глаза Валерия Игнатьевича.

Медведь что-то невнятно рыкнул, качнув огромной башкой, и снова отвернулся к поляне. И хотя рык его был вполне медвежьим, что-то вроде «Сгинь!» почудилось Змею в его голосе.

Не обращая на это внимания, Змей сместился немного в сторону, не выпуская медведя из поля зрения. Тут его поджидал второй сюрприз.

Перед крыльцом, полукругом, стояли странного вида люди в длинных черных балахонах числом около тридцати. Один из них, наверное старший, что-то неразлично гудел низким вибрирующим голосом. Похоже, он ругался, а медведь отвечал ему хриплым рыком. Шерсть на медведе стояла дыбом, и Змей почти физически ощущал, что зверь готов броситься в драку. В руках тип в черном небрежно держал что-то неразлично блеклое. Змей с яростью и брезгливостью узнал ребенка. Скорее всего, это девочка. Она была мертва. Голова ее была вывернута под таким углом, какого у живого никогда не бывает.

Несмотря на всю бредовость происходящего, Змей вел себя так, как вел бы в любой похожей ситуации. Занял наиболее удобную для атаки точку, проверил, не перекрывает ли директории атак партнера, которым он назначил этого медведя со странными, ярко-синими, почти сапфировыми глазами, и окинул взором поле конфликта.

5

Что за орлы столпились перед широким барским крыльцом, Змей не знал. Но выглядели они серьезно. Длинные черные плащи, скрывавшие их фигуры, лежали мягкими тяжелыми складками, словно были сделаны из хорошей кожи или толстого шелка. Лиц почти не было видно из-под глубоких капюшонов. Что они за бойцы, разобрать было нельзя из-за статичности поз. Но почему-то драться с ними не хотелось. От каждого исходила такая гнусь, что возникало желание поскорее отойти и вымыться.

Пока Змей разглядывал визитеров, луна, занимавшая, кажется, полнеба, наконец полностью вышла из-за туч и засияла так, что стало видно каждую травинку. И, несмотря на легкую ночную прохладу, лучи ее жгли кожу Змея сильнее пустынного солнца.

Вдруг на поляне начались перемены. Змей только успел подумать «Опа!», как медведь поднялся во весь свой огромный рост и качнулся вперед, стоя на задних лапах.

Восприятие, переключившееся на круговой режим, четко фиксировало и трехметровую тушу медведя с огромными когтями, и резко распавшийся полукруг черных плащей, и две серые тени в кустах у ворот.

Капюшоны полетели в сторону. Змей увидел гладкие безволосые черепа и мертвые пустые глаза. Гости подняли руки, и стало видно, что каждый их палец заканчивается устрашающего вида сверкающим когтем.

Как прыгнул первый, Змей даже увидеть не успел. Медведь заревел во весь голос и со всей силы припечатал лапу к земле так, что звякнули стекла в доме. Только между лапой и землей было что-то еще. Не без основания Змей предположил, что там один из черных плащей. Причем вместе с хозяином. Медведь все рвал и рвал поверженное тело. А в это время к нему метнулись еще двое...

По меркам своего подразделения Змей стрелял не так, чтобы очень. На твердую четверку. Но эта оценка, стоявшая в нормальной жизни, может, мастерского разряда, а может, и выше, не помешала ему всадить две пули прямо в то место, которое находилось между ушами чужака.

Голова незадачливого плащеносца еще катилась по траве, когда и второй, разрезанный почти пополам очередью из «беретты», красиво крутанулся в предсмертной агонии и рухнул на землю. Тридцать патронов были отстреляны менее чем за десять секунд и пустыми гильзами упали в траву вместе с двенадцатью трупами.

Но сменить обойму Змей уже не успевал. Правая рука вбила «беретту» в кобуру и, скользя немного ниже, плавно подхватила шершавую рукоять меча. Веер сверкающей стали рассек очередного врага от бока до плеча. Не останавливая движения по дуге, Змей развернулся, и ему только оставалось немного подправить направление, чтобы сонная артерия нового врага выбросила в воздух туманно-серое облако. Последнего злодея из этой компании Змей уже не успевал достать никак. Откинувшись назад и пропуская удар, он увидел мелькнувшие над головой когти огромного волка, выскочившего словно из-под земли. Страшного вида пасть сомкнулась на горле черного воина. Крутанувшись всем телом, волк одним движением оторвал ему голову напроочь.

Тело, словно забыв о болезни, работало, как идеально отлаженный механизм. Ритм боя захватил Змея. Черные плащи нападали парами и пытались навалиться всем скопом, но результат был все тем же.

Увидев впереди спину медведя, Змей тоже повернулся к нему спиной. Теперь их было четверо. Замыкали их круг два огромных волка. И хотя они припадали к земле, холка каждого была почти вровень с плечом совсем не низкорослого Змея. А вокруг безмолвной, едва колышущейся массой стояли оставшиеся враги.

Вдруг один из волков, не сводя настороженного взгляда со сгрудившейся вокруг нежити, завыл, начав с низкой вибрирующей ноты и, модулируя, повел ее вверх почти в ультразвук. В какой-то момент в его вой включился второй, а затем и медведь ответил грозным ревом.

Змей уже открыл рот, чтобы выкрикнуть что-то злобно-матерное. И тут его глотка исторгла длинный шелестящий звук, на мгновение перекрывший и медвежий рев, и вой волков. Как ни странно, именно после этого шелеста черных как-то передернуло, и они со всех сторон двинулись на стоявшую спиной к спине четверку.

Два клинка Змея слились в один сверкающий в свете полнолуния стальной веер. Мысли и чувства были где-то далеко, остался лишь легкий шаг танца смерти. Трава уже была скользкой от крови, когда один из черных, до поры неподвижно стоявший и безучастно наблюдавший, как его соратников кромсают на куски, медленно, почти лениво расстегнул плащ, и тот, скользя лаково-сверкающим водопадом по широким плечам, упал на землю. Он повернул темное лицо, на котором резко выделялись огромные сверкающие ртутью глаза, больше похожие на солнцезащитные очки, и безгубый тонкий рот. Сначала Змей подумал, что на нем надето нечто вроде бронежилета, но, присмотревшись, понял, что все тело врага покрыто плотными квадратными наростами.

Звякнула, опадая, пустая обойма. Клацнул затвор, отправляя в патронник патрон с черно-красной маркировкой. Но бронебойно-зажигательные пули жирными малиновыми искрами срикошетили в сторону, заставив черного лишь дернуть головой. Змей отбросил бесполезный пистолет и нырнул вбок. Длинный коготь проскользнул в миллиметре от гортани, а другая рука, изогнувшись под немыслимым для человека углом, вновь атаковала горло. С металлическим лязгом лезвие клинка и рука встретились. В тысячную долю секунды рука врага сжалась, схватив меч, и резким движением вырвала его из рук Змея. Короткий страшный удар, и свет выключился.

6

Очнулся Змей от нестерпимой боли. Все его тело словно терзали тысячи игл. Он открыл глаза и понял, что валяется в глубине двора, почти за сараем.

«Не слабо, однако, меня унесло».

Вокруг суетились уцелевшие в драке фигуры в черном. Змей попытался еще что-нибудь разглядеть, но яростная опаляющая боль застилала глаза. Последнее, что успел увидеть Змей, это лежащее недалеко неподвижное тело одного из спасших его недавно волков.

Бессилие, ненависть и боль захлестнули его разум волной огня. И в этой волне рождалось что-то новое, чему не было названия. Превозмогая дичайшую резь во всем теле и сковывающий мышцы могильный холод, напряжением всех сил он заставил повиноваться помертвевшее тело. По миллиметру, делая усилие над каждой сведенной болевой судорогой мышцей, он перевернулся на живот и подобрал под себя руки. Словно огромный маховик, неторопливо, но мощно, странный вихрь, зародившись где-то на правой руке, обволакивал все тело, отдаваясь непонятной ломкой болью в мышцах и потоками, пронизывающими тело от головы до ног. Пошатываясь, он встал, чувствуя и слыша, как еще невнятно, но уже по-новому отзывается тело и новая, чужая сила наполняет его до краев. Бьется изнутри во внешний слой физической оболочки и откатывается назад. Что-то словно выпирало наружу, а он сопротивлялся, как мог, пока не почувствовал, что может, если и не управлять этим вихрем, то, во всяком случае, сдерживать его.

Незаметно ушла боль, оставив только облако звенящей пустоты. Мягко, словно включаясь, ночь осветилась целым водоворотом феерических красок. Никогда не виданные им оттенки расцвели окружающий мир, заструились по всему телу. Он поднял руки к глазам и на мгновение был ослеплен хороводом темно-фиолетовых, оранжевых и перламутрово-красных огоньков, круживших на ладонях. Дракониный перстень на правой руке сиял ярчайшим голубоватым светом, и было в этом свечении нечто победно-дерзкое. Что-то повернулось в его голове, и теперь он уже воспринимал происходящее на поляне по-другому. Черные фигуры вдруг перестали суетиться, и движения их стали плавными и неторопливыми, словно все происходило в воде. А когда Змей выпрямился и попытался сделать шаг вперед, он тоже почувствовал это невидимое препятствие. Он поводил рукой в воздухе и, ощущая бугорки клубившихся вихрей, внезапно понял, что это просто ветер. Он двигался с такой скоростью, что даже воздух был для него препятствием. И только голова была тяжелой и пустой, словно после серьезного застолья. Мысли даже не текли. Они вяло переваливались с боку на бок, лениво ковыляя в неизвестном хозяину направлении. Он поднес руку к глазам и тупо наблюдал, как из пальцев неторопливо и уверенно ползут, словно ростки бамбука, тяжелыми черными когтями, сверкающими в свете полной луны, отростки того самого вихря, который бушевал сейчас в его теле. Когти ему чем-то не понравились, и так же медленно они вновь втянулись в пальцы. Он с натугой повел ставшей вдруг неповоротливой шеей, и взгляд переместился к парадному крыльцу. Судя по диспозиции, «люди в черном» собирались сжечь старика заживо. Это следовало из сооружаемой над костром затейливой конструкции.

Даже не очень соображая, что делает, Змей медленно, как ему казалось, пошел навстречу врагам.

Колдуны, готовившие жертву к ритуалу, оторопело глазели на мутное облако, которое метнулось в их сторону, и вдруг оно, замерев на месте, оказалось вроде давно уже убитым противником. Один из колдунов, повинувшись команде, кинулся наперерез. Змей схватил его руками и поднял в воздух. Тело хрустнуло и обмякло. Но инерция злости была столь велика, что Змей напряг мышцы чуть сильнее и одним движением разорвал труп пополам.

Внезапно справа полыхнуло голубым светом, и в плечо ударило резкой ослепляющей болью. Змей рывком развернулся и, машинально удлинив руку почти на полметра, пробил окостеневшими пальцами хрусткую, будто тельце насекомого, гортань. Удерживая труп на весу, он медленно обернулся в ту сторону, откуда пришла боль.

Справа, держа наперевес, словно копье, сверкающий узорный шест, стоял колдун, вырвавший меч из его рук. Небрежно наброшенный на левое плечо плащ открывал мерцающие красноватым отблеском пластины на теле. Черный коротко взмахнул шестом, и с его навершия в живот Змею хвостатой спиралью ударил хлыст сине-голубого света. В этот раз и боль, и удар были намного сильнее, но это лишь окончательно разозлило Змея. Резким движением он ударил ногой вперед. Мышцы словно сами собой поджали все пальцы на ногах, кроме большого. И с оглушающим хрустом Змей насадил черного на мгновенно выросший полуметровый коготь. Не удовлетворившись зрелищем дергающегося на когте колдуна, он подтащил его поближе, глубоко вспахав подергивающимся телом траву. Нагнувшись, Дракон склонил голову к лицу врага. Но вместо длинной и не очень приличной фразы на чистом русском языке из его глотки вырвался сноп бешеного пламени, мгновенно превративший в пепел и колдуна, и несколько метров земли вокруг.

Последний из уцелевших попытался было спастись бегством, но ленивое, небрежное для оборотня, а на самом деле мгновенное, будто мысль, движение – и подобранная с травы пустая гильза пробила его насквозь, вылетев с кровавыми лохмотьями наружу...

7

После этой памятной ночи прошло еще полгода. В таежной тишине и уединении Змей, получивший новые способности, учился обращаться со своим телом. Ему вдруг открылся целый мир с неведомыми звуками и красками. Словно кто-то стер пыль с экрана. И зрение, оказавшееся намного совершеннее человеческого, и слух, улавливавший даже инфразвук зарождающегося над далеким океаном шторма, и, самое главное, способность синтезировать все это в ясные и понятные мыслеформы.

Потом появилось другое видение пространства. Стоило закрыть глаза и сконцентрироваться особым образом, как место, где он стоял, представало в виде странного двумерного отпечатка, зато эти отпечатки можно было листать, как страницы книги. Правда, только картинки прошлого отличались ясностью и четкостью деталей. Картинки же будущего были расплывчатыми и блеклыми, а при попытке заглянуть дальше вообще исчезали. Связано это было, естественно, с неопределенностью будущего. Старик называл это состояние «Кархи». И на все вопросы майора ограничивался только краткими указаниями, как сделать то или иное состояние более устойчивым.

Было еще странное и приятное открытие. Каждая вещь имела не только обычный, видимый всем облик, но и еще несколько, которые накладывались, словно отражение в полупрозрачном зеркале, и свой истинный облик, который порой кардинально отличался не только от верхнего, но и от нижнего.

Для Змея же, обретшего вторую жизнь, было упоением просто дышать. А уж то, что в результате непонятно чего он обрел новые возможности, было просто царским подарком. По ночам он носился с Волком, оказавшимся вовсе не тварью бессловесной, и с трудом приноравливал гортань под непривычный волчий язык. Волк показывал свой лес, представший перед Змеем единым организмом. Волк учил Змея не просто быть в нем своим, но жить одной жизнью с этим сложнейшим конгломератом сущностей.

Дни, заполненные разговорами с Валерием Игнатьевичем, тоже не проходили даром. Поворачивая немного по поводу «оборотня непонятно во что», старик обстоятельно и подробно разъяснил, что и как теперь в жизни Змея изменилось окончательно и бесповоротно, а что,

по его мнению, только на время. Потом началась странная и невероятная учеба. Старик делал какие-то непонятные движения и заставлял Змея повторять все в точности. Затем он что-то напевал или наговаривал и также принуждал запоминать и воспроизводить все до буквы. Змей относился к этому как к части лечебного процесса, но, чувствуя, что в теле включаются механизмы, о которых он и понятия не имел, начинал понимать, что дело не только в лечении.

Учеником Змей оказался хорошим. Спасала не только природная, практически абсолютная память, но и то, что он был психокинетиком. Змей запоминал любое движение не по его виду, а по сумме моторных биотоков чужого тела, которые он чувствовал, словно свои собственные. Возможно, из него мог бы получиться хороший хореограф. Но в детстве Змея главным навыком были не танцы, а умение драться.

И только тогда, когда все выученное стало частью рефлексов, ему открылся подлинный смысл этих манипуляций. Произошло это, когда он по просьбе старика пропел одну из заученных фраз, сопроводив весь этот вокализ сложной системой жестов. Воздух вокруг него неожиданно за клубился плотным и тягуче-медленным вихрем, сделав предметы смазанными и нерезкими.

– Ну вот. – Валерий Игнатьевич удовлетворенно потер руки. – Если в тебя сейчас стрелнуть, ну, например, из лука, то, скорее всего, стрела пролетит мимо.

От удивления Змей опустил руки. Через секунду вихрь истаял в воздухе, распавшись на серебристые льдинки.

– Скорее всего? – переспросил он, а в голове вдруг всплыло все то, что он когда-либо слышал или читал о магии.

– Ну... – Старик задумчиво почесал затылок. – Вихрик-то ведь так себе. Я бы сказал, бледноватый получился вихрик.

– А пуля? – неожиданно для себя жадно спросил Змей.

– Эх тебя разобрало! – засмеялся старик. – Можно и пулю. Только надо...

Он как-то странно опустил плечи, выдавил из себя низкий клекочущий звук и раскрыл руки в красивом и плавном движении. Не успели руки завершить свой путь, как вокруг него возник тонкий, переливающийся радужными отблесками пузырь. Змей опасливо подошел и после непродолжительных колебаний потрогал оболочку пальцем. На ощупь она была похожа на тончайший надувной шар и так же, как шар, колыхалась под тихим ветерком.

– Пулю, говоришь? – ехидно поинтересовался Змей и несильно ткнул в оболочку кулаком. Но неожиданно для него после первых относительно легких сантиметров кулак словно увяз в плотном желе. Он резким движением выдернул руку и уже не раздумывая, ударил в полуповороте с левой. Удар этот, он знал, был способен отправить неподготовленного человека если не в морг, то уж в реанимацию точно. Однако эффект был абсолютно тем же. Он попробовал еще несколько раз, меняя вектора и динамику фокусировки удара, пока не сдался.

– А я так смогу? – безнадежным голосом спросил он.

– Заниматься будешь – сможешь! – твердо пообещал старик и удалился медленной шаркающей походкой.

8

Первым желанием Змея после того, как он частично поправился, было рвануть поскорее в аэропорт. Друзья, подруги и любимая, хотя и опасная работа, манили его, словно шприц старого наркомана.

Но охладил его пыл тот же Валерий Игнатьевич:

– Ну, приехал ты к себе...

– Ну, – недоумевал Змей.

– И поволокли тебя по врачам... – неторопливо продолжал старик.

– Так я ж здоров, как бык!

И Змей радостно потянулся всем телом.

– Не как бык, сынок... – Валерий Игнатьевич склонился к его лицу. – Ты здоров, как дракон. Ты даже маленькой пробы крови не выдержишь!

– Эт почему ж? – недоверчиво покосился Змей.

– Ты дурак или как? – возмутился старик. – Да ты кровь свою видел?!

– Ну, вообще-то не раз... – неуверенно сказал Змей.

– Нож!

Старик требовательно протянул руку, и Змей вложил в нее свой Farben/Sikes, с которым расставался только в постели. Старик ногтем попробовал остроту металлокерамического лезвия и удовлетворенно крикнул.

– Немецкая работа?

– Американская.

– Хорош! Теперь давай свою руку.

Змей неуверенно протянул левую руку, как он полагал, для кровопускания. Предчувствие, впрочем, не обмануло. С кошачьей ловкостью Валерий Игнатьевич схватил его за запястье и коротко полоснул ножом по ладони.

Густая фиолетово-красная жидкость жирным потоком потекла по руке. И не было в этой жидкости ничего человеческого. Даже запах крови был тяжелым, сладковато-серным. Змей потянулся было за платком, чтобы остановить кровь, но рана прямо на глазах стала потихоньку затягиваться.

– У тебя то же самое? – глухо спросил Змей старика.

– Ну, примерно... Только медведь все же земное создание. И по метаболизму, и по структуре он мало чем отличается от человека. А ты...

– А я? – спросил майор.

– А ты до конца своих дней теперь не готов даже к самой халтурной медкомиссии. От твоих анализов у любого аппарата крыша съедет. Чего уж говорить о людях!

– Откуда же все это? – высказал давно мучивший вопрос Змей.

– Если попроще, то Земля – это некий передаточный узел между нашей Вселенной и миром с совсем иными законами. Ты как с компьютерами?

Змей просто кивнул.

– Ну, тогда представь себе, что кристалл, на котором вы живете и называете Землей, – это последний сервер на магистральной информационной линии между нашим миром и мирами Раводо и Абадок. Сюда сходятся информационные потоки из нескольких очень важных мировых узлов. И, в свою очередь, информационный обмен между нашим миром и его изнанкой, чем является мир Раводо, идет исключительно через Землю и ее антипод, планету И-Ринден.

Тот храм, в который ты сдуру залез, является регулировочным узлом этой системы. Как ты выдернул руку из ловушки, я даже не представляю. Может, у тебя фантастическая реакция. Но, скорее всего, это просто случайность. Яд на клыках Охранительного Дракона – это комбинированный токсин, схожий по действию с вирусом иммунодефицита. Только, пожалуй, посильнее будет. Родина этого вещества – И-Ринден. Строго говоря, там это не яд, а так, компонента окружающего мира. И, кстати, не самая смертоносная. Для того, чтобы избавиться от всей этой гадости, жители того мира вынуждены время от времени перекидываться в зверье разное, чистку организма устраивать. Ну и не только поэтому. Мир Раводо настолько сложен для выживания, что высшему разуму волей-неволей пришлось обрести способность к изменению тела. Универсальной оболочки там просто не существует.

Давным-давно связь между нашими мирами была куда прочнее. Можно было переходить из мира в мир, и многие этим пользовались. Так появились в нашем мире Драконы и другие полиморфы. Каким-то образом в твоих генах сохранились их осколки. Может, стресс, а может

еще что, – старик с короткой усмешкой кивнул на перстень, мерцавший загадочным зеленым светом, – активировало эти гены. Они и выжгли болезнь. Но такой накал невозможно вызвать по своей воле. Это, скорее, вспышка защитных сил организма.

Словом, настоящего оборотня из тебя не получилось и вряд ли получится. Да и зачем? Двухное прямоходящее – одно из самых универсальных существ во всей нашей галактике. Да и хлопотно все...

– Что хлопотно?

– Полиморфизм этот, – пояснил старик. – Скачки лунными ночами, питье свежей крови... Не для тебя все это. Да и драконы радикалы из крови наверняка потихоньку убывают. Так что ты, мил друг, не сильно радуйся. Земля не место для полиморфов. Хотя, конечно, кое-кто ухитряется жить на Земле в двух, а то и в трех обличьях. К тому же оба мира погрязли в невежестве и пороках, и поэтому почти все каналы между мирами были закрыты. А ведь мы необходимы друг другу! Дополняем жизненно важными компонентами... Так что учись, пока вся черная кровь не вышла. Глядишь, и останется чего!

– А чего от тебя хотели эти чудики в балахонах? – поинтересовался Змей.

– Да того, собственно, и хотели. Переползти в мир Ринден через мой канал.

– Твой чего? – опешил Змей.

– К-а-н-а-л! – как слабоумному по буквам повторил старик. – Я его сторож, или привратник, точнее.

– А на хрена им канал?

– Канал – это не просто власть. Это власть неограниченная. Правда, только в рамках Земли. Ну и еще в паре мест.

– А этот, главный их. Он-то вообще на человека не похож!

Старик-Хранитель поморщился.

– Демон хренов. Вылезли из какой-то задницы. Сильны, как черти, но, слава Создателю, энергетика никакая. Разве что кучей соберутся...

– А как он выглядит, этот канал? Ну, ворота там или что?

– Пойдем. Будешь хотя бы знать, ради чего сражался.

Они поднялись на крыльцо. Подойдя к стене в каминном зале, Хранитель приложил ладони к почерневшей панели красного дерева. Что-то едва слышно скрипнуло. Бесшумно крутанувшись на невидимых глазу петлях, панель отворилась.

Длинный подземный ход, начинавшийся от неприметной стеной панели, был вопреки ожиданию сухим и теплым. Даже воздух сквозил по-летнему сочный. Видимо, ход постоянно продувался. Шли достаточно долго. Насколько Змей мог судить, они уже отошли от дома примерно на двести-триста метров и находились где-то в районе озера.

– Если быть совсем точным, – ответил на невысказанный вопрос старик, – то под озером. Да и не озеро это вовсе. Чаша фокусировки. Вот, для маскировки водой залил.

Еще один поворот. Они оказались у массивной двери. Валерий Игнатьевич вновь прижал руки к двери, но на этот раз пауза была гораздо дольше. Змей мог только предположить, что сейчас считывались куда более тонкие параметры организма.

Резкий щелчок эхом ускакал вглубь коридора. Дверь с тяжелым шелестом поехала в сторону.

Майор с опасливым интересом заглянул через плечо Хранителя и с удивлением увидел лишь пустую комнату. Ну, если быть точным, почти пустую. Точно в центре лежала большая дискообразная черная плита. Вот, собственно говоря, и все. Но по мере того, как Хранитель подходил к плите все ближе и ближе, над ней, словно марево, разгоралось веретено голубого света. Оно пульсировало и вспыхивало пробежавшими по нему сверкающими золотистыми змейками.

– Вот, это и есть канал.

Змей был немного разочарован.

– Красиво, конечно. Но...

– Нет, ты все-таки дикарь! – засмеялся Хранитель. – Как же тебя убедить?

Он легонечко пошевелил пальцами в воздухе.

– Вот ты можешь представить себе место, в которое очень трудно попасть?

– Да зараз! – удивился Змей.

Таких мест он знал множество. От Центра ПВО России в Раменском, до комнат, где располагалась картотека агентур Службы Внешней Разведки или Центра Внутренних Резидентур ГРУ Генштаба. Но в памяти неожиданно всплыли виденные когда-то фотографии Fort-Кнох – хранилища золотого запаса США.

Вдруг веретено как-то поплыло. В нем сначала туманно, а потом все четче стали проступать очертания огромной двери. За ней, насколько Змей знал, и располагалось одно из хранилищ золота. Не успел он съязвить по поводу такого громоздкого аппарата для ментосканирования, как дверь стала раскрываться. В поле зрения появилась тележка с крупными желтыми брусками, которую толкали три мужика в форменных комбинезонах с буквами FRS (аббревиатура федеральной резервной системы США). Четкость изображения была такой, что можно было разглядеть даже серийные номера на слитках. Ясно был слышен скрип колес и тяжелое дыхание людей.

– Ну и кино... – промолвил Змей.

– Это не кино, – возразил Валерий Игнатьевич. – Смотри!

Он достал из кармана монетку и бросил ее прямо под ноги одному из мужчин. Громко звякнув, она упала на бетонный пол, подняла фонтанчик пыли и покатила куда-то дальше.

– Fuck off, Benny! – крикнул мужчина куда-то вверх. А потом, переведя взгляд на своих напарников, доба- вил:

– Let's go, it's does not finish race.

Валерий Игнатьевич вновь что-то сделал руками, и картинка расплылась.

– Да, круто... – почесал в затылке Змей. – А вот этот, Раводо, показать сможешь?

– Это еще проще, – улыбнулся старик.

На этот раз картинка стала четкой мгновенно, словно сдернули покрывало. И несмотря на ее полную ирреальность, первое, что поразило Змея, был запах. Даже не запах, а скорее его предчувствие, тонкое и невероятно изысканное. Это было так приятно, что Змей от неожиданности закрыл глаза. Когда он сделал глубокий вдох и открыл их, перед его взором, полулежа в легком кресле, была девушка такой красоты, что Змей растерянно вдохнул еще. Слегка удивленно девушка смотрела в лицо Змея.

Была в ней такая расслабленная нега, что Змей неожиданно для себя сделал шаг назад, и сияющее облако погасло.

– Да... – ошарашенно протянул Змей. – За такую девку не то что полцарства, а шашку и коня в придачу отдать не жалко!

– А теперь смотри.

Старик вновь как-то повел в воздухе рукой, и Змей увидел то самое здание, где располагалась его любимая Контора. Только вместо вывески «Чегототамснабсбыт» на нем красовалась черная полированная доска, на которой золочеными буквами значилось гордое имя Лохобанка. И ни одного знакомого лица, ни одного гвоздя! Контора словно никогда и не существовала. Изображение сменилось еще несколько раз. Из всех знакомых Змею опорных точек один «Аквариум» на Ходынском поле стоял твердо, словно монолит.

– Все еще не передумал возвращаться? – ехидно поинтересовался Хранитель и, отвечая на немой вопрос, добавил: – Правитель ваш после очередной смуты так от страха обосрался,

прости Господи, что повелел самых страшных имперских волков разогнать по домам, словно деревенских шавок.

– Да как же это... – Не в силах переварить увиденное, Змей тупо уставился в пол. Все, что создавали многими столетиями кропотливого труда лучшие умы великой, действительно великой Империи, пустить прахом?!!

– Водка и деньги, сударь, еще никому мозгов не прибавляли, – безжалостно вынес вердикт Хранитель. – А этот и последнего разума лишился.

– И куда же я сейчас?

– А хочешь – здесь оставайся, – просто предложил старик. – Будешь новым хранителем? Змей промолчал. А старик только улыбнулся устало и немного грустно.

– Конечно, такая жизнь пока не по тебе, – тяжело вздохнул он. – Ладно. Я вроде твой должник, а долги надо отдавать.

– Ну и как ты мне pomoжешь? – еще не веря, спросил Змей.

– Иди-ка ты в дом, воин!

И не терпящим возражений жестом отправил Змея назад.

Через два часа, когда Змей заканчивал заниматься во дворе, из дома донесся довольный окрик старика:

– Эй, кончай руками махать, колдун недоделанный! Давай в дом.

Тонконогий изящный столик в гостиной просто ломился от огромной кучи барахла, которую навалил на него Валерий Иванович.

– Так. Здесь твой новый паспорт и документы. Все подлинное. Несчастный, не имевший ни близких друзей, ни родственников, утонул третьего дня во славном городе Твери.

Цени. Лицо, рост и комплекция почти твои. Ну, комплекция – ерунда. А вот лицо просто не отличить. И самое главное – нигде не засвеченные отпечатки пальцев.

Змей рассматривал все это богатство, не веря своим глазам.

– Все очень просто, – пояснил Хранитель. – Ты, наверное, знаешь, что все человеки сделаны по крайне ограниченному количеству моделей. Кому-то даже в жизни везет встретить своего полного двойника. Но ты вряд ли знаешь, что двойников этих не два и не три. И учитывая то обстоятельство, что каждый день десятки тысяч людей уходят в последний путь, нам оставалось только дожидаться, когда нужный нам клиент откинет лапы.

– Дак ведь Тверь за... – Змей замолчал, высчитывая количество тысяч километров, отделяющих этот дом от города, где скончался этот несчастный без друзей и родственников.

– Помнишь, я говорил тебе, что Канал, или Врата, если хочешь – это неограниченная власть? Так вот, с помощью Врат можно не только перетащить такую вот ерунду, – он показал старческой дланью на документы, – но и создать из ничего что-то.

Вытряхнутые из объемистого пластикового мешка на свободный участок стола одинаковые зеленоватые пачки совершенно не впечатлили Змея, видевшего североамериканские доллары исключительно в штучном варианте и в купюрах мелкого достоинства.

– Ты ведь кубышки не скопил?

Утверждение это было настолько недалеко от истины, что спорить было глупо. Русский офицер и служащий получали примерно одинаково. Как раз столько, чтобы не подохнуть с голоду. И демократы вслед за большевиками только упрочили эту традицию.

– Здесь что-то около полумиллиона, – и отменяя всяческие возражения Змея, добавил: – Бери-бери. Я, если надо, себе еще миллиард нашлепаю!

– Так это фальшивые?

– Беспокоишься о финансовом благополучии вероятного противника? – подколот старик. – Не бойсь, не фальшивые.

Он точным движением выдернул одну купюру из пачки и поднес ее к глазам.

– Лучше настоящих. Даже Федеральный Резервный Банк не отличит. Кроме того, я заменил твои отпечатки во всех базах данных на пальчики покойника. Лишние хвосты, я думаю, ни к чему.

Прошло еще несколько месяцев. Драконья кровь вопреки ожиданиям вовсе не желала покидать тело Змея.

Все состояния полиморфной ипостаси давали о себе знать и в значительно ускоренной моторике мышц, и в некоторых структурных изменениях тканей. Еще в теле поселилось замечательное умение накапливать энергопотоки и управлять ими. Болезнь, сожженная в том памятном бою, более не напоминала о себе, кроме как легкой тошнотой и головными болями по утрам.

Но в целом он был здоров и потихоньку начал собираться в дорогу.

9

Возвращение в жизнь было довольно хлопотным делом. За те два года, которые Змей провел в доме Хранителя, многое изменилось. Теперь за его спиной не стояла всемогущая организация, и о себе нужно было заботиться самому. Впрочем, при таком количестве денег это было скорее приятным, нежели обременительным делом.

Змей поехал в город, «чтобы уточнить диспозицию». В областном центре он пробыл недолго. Лишь убедился, что ни один из телефонов его прежней жизни не отвечает, похлебав какой-то бурды в привокзальном ресторане, разменял несколько зеленых сотенных купюр на рубли да купил билет на самолет.

Рейс был только на послезавтра, и поэтому Змей спокойно отправился обратно, надеясь без спешки проститься со стариком.

10

Дым, стелющийся над тайгой, был обычным явлением в это время года. Поэтому Змей, даже не заподозрив ничего худого, катил по плотно утрамбованной лесной дороге, погружившись в свои мысли. И даже перед домом он не сразу понял, что произошло. А поняв, выкатился из машины на ходу, сорвав замок, и скользящим шагом побежал к развалинам. Труп волка он нашел сразу. Серый брат, располосованный когтями, был холоден, словно лед. А Валерия Игнатьевича он обнаружил только на краю огромной обугленной воронки, которая еще утром была озером.

Хранитель был еще жив, когда Змей бережно поднял его голову и положил себе на колени.

– Видишь, как вышло-то...

Слова давались Хранителю с трудом, и он постоянно замолкал, чтобы отдышаться.

– Суки эти... не успокоились. – Он вновь замолчал. – Но Врат им не получить. Я... успел взорвать... Озеро вот погубил... Жаль. Я только не успел...

Он закашлялся и захрипел, потом собрался и, глядя своими пронзительно синими глазами прямо в лицо Змея, ясно и внятно прошептал:

– Это воины Тьмы. Не успокоятся твари, пока не получат свое...

Он снова закашлялся, тело его выгнулось дугой и словно опало. И уже сквозь смерть, застилавшую ему веки, Хранитель произнес громко и ясно:

– Дождись Зарги.

Змей мягким движением провел по мертвому лицу Хранителя, закрывая глаза, и тихо прошептал:

– Покойся в мире.

Он похоронил Валерия Игнатьевича и волка на холме, на котором любил сидеть и смотреть на заходящее солнце. Потом еще пару дней он разбирал завал, разыскивая свои вещи и документы, сделанные Хранителем. И уже после того, как все дела были сделаны, ночью, когда он ворочался, пытаясь уснуть в уцелевшей части дома, его разбудило тонкое пение колокольчиков. Проснувшись, он подумал, что вернулись воины Тьмы, и оделся, готовый к последнему бою.

Нисколько не опасаясь, он вышел в темноту и пошел на звук. Мягко, не потревожив ни единого листика или травинки, он скользил по ночному лесу так, как учили его Старик и Волк, отдавшие свои жизни за превращенный в руины какой-то там канал, гори он синим пламенем.

Верхушка холма, превращенного в курган, светилась бледно-голубым светом. Четверо высоких людей могучего телосложения стояли вокруг могил, сомкнув руки, и монотонно напевали одну и ту же фразу на незнакомом майору языке. Затем они воздели ладони к небу, из холма вверх ударил яркий луч изумрудного сияния, и все стихло.

Змей стоял тихо, как мышь под веником, не двигаясь и даже дыша через раз. Но, судя по всему, его заметили.

– Подойди ближе.

Голос, казалось, прозвучал в его голове. От неожиданности Змей вышел на склон и несколькими шагами поднялся вверх.

– Виден ли Свет во тьме? – тихо, но внятно произнес один из четверых.

– Определен ли путь Света? – спросил второй.

– Ясен ли выбор Света? – подал голос третий.

– Светел ли дух избравшего? – сказал четвертый, и все вокруг стихло.

И совсем другой, мягкий, но мощный, словно рокот надвигающегося тайфуна голос, шедший буквально отовсюду, произнес:

– Ты честно сражался в чужой битве. Что хочешь ты в награду?

Змей помолчал. Деньги его давно уже не интересовали. Просветление – это скорее процесс, нежели результат. А потом твердо и ясно, словно эта фраза была готова уже давно, сказал:

– Знаний. – И, помедлив буквально секунду, добавил: – И рассчитаться за хранителей.

Высокий широкоплечий старик немного постоял молча, вздохнул, а затем, подняв руку вверх, раскрыл кисть, и из каждого пальца веером ударили тонкие, будто спицы, лучики золотого сияния.

– Будет так.

Он медленно опустил руку на уровень груди, лучики из пальцев скрестились, и в ладони его майор увидел мягко пульсирующий шарик бледно-голубого света.

Затем каждый из стоящих сотворил такой же шарик, только разных цветов. Переливающиеся всеми оттенками своего цвета шары повисли в воздухе и медленно поплыли навстречу друг другу, а слившись, образовали одну сферу, нестерпимо ярко горевшую белым светом.

– Знание, Сила, Честь и Добро даруют тебе Знание и право Суда.

Вдруг все вспыхнуло ослепительной вспышкой белого света и пропало.

11

Проснулся Змей от неприятной ломоты во всем теле. Вчерашний сон стоял перед глазами, словно кадры из фильма. Он подошел к бочке с дождевой водой и плеснул воды в лицо. И словно граната, в голове вспыхнул и замелькал мириадами граней немыслимый шар. Каждая его грань была полна знаниями, но не сухими столбцами текста, а такими, словно Змей их пережил лично, полными красок и запахов. Тут было все: история мира, народов и религий. И даже его родовая память тоже была здесь. Тугая тетива лука, поющая под набегающим ветром, и вороной жеребец, уносящий от настигающей орды. Десятки тысяч книг, языки и

обычаи народов живых и ушедших, но, самое главное, вся информация о картине мира и роли астральных хранителей или Защитников мира «Земля». Победы и неудачи, дни мира и войн, враги и друзья – все было здесь. Запретный язык, словами которого звучали страницы тайных трактатов, и сами книги, повествующие о войне, древнем искусстве магии и прочих любопытных вещах. Иерархия «верхнего» мира и структуры «среднего» и «нижнего». Даже простое перечисление всех разделов могло составить огромный том.

Но самым главным подарком неизвестных Змею была полная память обо всех предыдущих перерождениях, каковых оказалось на удивление много. Известные и не очень люди, коллизии пережитых историй, накопленные навыки и опыт. Любовь и ненависть. Величайший груз и огромное счастье обретения утерянных жизней.

Не доверяя озарениям, он тщательно перебирал всю информацию по крупинкам и заучивал снова, дабы не потерять ничего из самого ценного в мире – Знания. Сначала быстро, чтобы только зафиксировать опорные точки, а потом все более и более тщательно, пока не начинала трещать голова, переполненная информацией. И все равно огромные ее куски таяли, словно лед на солнце. Но и того, что оставалось, могло хватить на сотни лет размышлений.

И уже закончив ревизовать свои новые сокровища, Змей понял, в какую ловушку угодил.

Не бывает абстрактного знания. Каждое несет в себе не просто особый эмоциональный настрой, но и позиционирует определенным образом носителя этого знания по отношению к миру.

Все, что получил Змей, не только жестко и однозначно определяло его сторону в этой битве. Обладая обостренным чувством справедливости и крайне мстительным характером, он не мог оставаться сторонним наблюдателем, и, естественно, вступал в драку. И *Ipso facto*, становился одним из Защитников мира «Земля». Конечно, стоило бы покопаться поглубже, чтобы разобраться со всем этим хозяйством, но, к сожалению, времени на это совершенно не было.

Круг второй. Прелюдия

Грязный переулок между заброшенными домами и сияющим неоном и фарами машин проспектом.

Людей в столице государства Российского было так много, а воздух, камни и дома настолько пропитаны эмоциями и мыслями живых и живших ранее людей, что он просто сбегал в первый попавшийся дворик, чтобы привести в порядок растрепанные чувства. Помойка, крысы и мокрая от дождя скамейка. Змей несколько раз вздохнул, погружая тело в расслабленное состояние безмыслия, и только почувствовав, как отпускают его невидимые щупальца, осмотрелся. В самом дальнем углу двора, у стены полуразрушенного нежилого дома стояла небольшая группка людей в блестящих кожаных плащах. Стояли они молча, и их расслабленно-угрожающие позы в принципе могли бы насторожить и самое безмятежное существо. Но Змей не хотел сейчас никаких скандалов. Он успокоительно поднял руки и уже направился к выходу со двора, когда вслед ему донеслось свистяще-шелестящее слово. В том, что это было именно слово, а не просто звук, Змей не сомневался. Что-то смутное забрезжило в памяти, а когда через долю секунды услужливая память высветила, словно серию слайдов, дворик перед домом Хранителя, черные плащи и окровавленное тело у дымящейся воронки, Змей, не раздумывая, развернулся и пошел легким скользящим шагом в сторону воинов Тьмы...

1

Рубиново-красный луч, рассекий воздух прямо над ухом, не давал слишком много времени на размышления. Я ушел под защиту реликтового мусорного бака, вросшего в щербатый асфальт, и затаился, выравнивая дыхание после невероятного кульбита и жесткого приземле-

ния. Вторая серия пришлась точно по баку, и вокруг отчетливо завоняло горелой помойкой. Если срочно не предпринять что-нибудь, буду я, любимый, подан им в собственном соку и с помоечным соусом. Или с гарниром?

Верхнее зрение выдало на сетчатку глаза расположение атакующих и примерную оценку вооружения. Получалась картина средней степени паршивости. Четверо. Двое с пехотными лазерами или чем-то подобным и один с автоматом «Вул». Неизвестно, что хуже. Один без оружия и вроде не двигается. Командир, что ли? Ладно, сдохнуть не сдохну, но энное количество часов на восстановление оболочки точно понадобится. А этого времени у меня, кстати, может и не быть. Неизвестно, смогу ли я регенерироваться. Еще ведь не пробовал...

Тонкое пение набирающего обороты генератора лазера прервало мои раздумья. Мгновенным движением я вынырнул из-за мусорного бака и, спрессовав пространство между собой и врагом, смял его физическую оболочку, словно бумажный пакет, и вспорол все энергооболочки, рассеивая их в пространстве. Остальные тут же окутались едва заметной голубоватой дымкой. Не желая сдаваться на милость врага, они ошетинились короткими, но от этого не менее смертоносными щупальцами. Продолжая движение, я взлетел на несколько метров вверх, выдернул «беретту», воткнул шесть пуль веером и, перевернувшись, шлепнулся, как большая жаба, на брюхо, лишь слегка смягчив падение локтями и коленями.

Я, конечно, вовсе не маг, но мои оппоненты этого не знали и защищались от меня как от мага. Но пуля 44-го калибра – это просто кусок металла, летящий с весьма приличной скоростью. Так что их защитные штучки им не помогли.

Четвертый сейчас должен был биться в судорогах от ужаса, зная, что ему предстоит долгий и неприятный разговор и скорая гибель. Наверное, это и должен чувствовать почти бессмертный человек, знающий, что его очень скоро не станет.

Я поднялся и, шагнув вперед, вдруг понял, что он совсем не боится! То есть страх есть, но какой-то другой. Подойдя еще ближе, я обнаружил обычного человека, причем связанного дважды. Моей «Тонкой Сетью Ардаро» и чужим, на редкость примитивным и грязным заклятием «Бурхи».

Скорее всего, это был просто человек, оказавшийся в плохом месте в плохое время. Его светло-серый плащ и темно-серый в синюю полоску костюм, несмотря на грязные разводы, совсем не гармонировали с помойкой.

Освободив аборигена от обоих заклятий, я направился к выходу из грязной подворотни. Но тут меня остановил его хриплый окрик.

– Эй, стой!

Я недоуменно обернулся.

– Да?

– Подожди, – попросил он, ковыляя на негнущихся ногах в мою сторону. – Я вроде твой должник. Может, тебя хоть кофе угостить?

Он вопросительно глянул на меня и немного натянуто улыбнулся.

Я всмотрелся в него пристальнее и четко произнес вслух:

– Генерал-лейтенант Логинов Виталий Алексеевич. Военная разведка. Центральный аппарат. Управление Специальных Операций, Центр Внутренних Резидентур. Подразделение «Оборотень». Мотивация контакта – получение информации и возможная вербовка. Предложение отклонено. Еще что-нибудь?

Вместо ответа он завистливо покачал головой и тихо выдохнул:

– Ух ты... Круто. Прямо из башки читаешь?

Я только кивнул.

– Ладно, – он поднял руки. – Сдаюсь. Тогда просто кофе, и если хочешь, можешь вообще ни слова не говорить.

«Конечно, конечно... Отвяжешься ты».

Так мы и оказались в отдельном кабинете ночного ресторана на Калининском проспекте. Великолепный джаз, горячая телятина и «шардоне» придавали нашему разговору вполне светскую окраску. Наслаждаясь забытыми вкусами и запахами, я тем не менее внимательно слушал и анализировал услышанное. А рассказывал мой визави вещи преинтереснейшие.

Проведенная их аналитиками работа явно указывала на существование сил, заинтересованных в глобальной дестабилизации положения. Конечно, и у антиглобалистов, и у сепаратистов всех мастей были разные источники финансирования и центры управления, но вот то, что у них и еще сотен других организаций существовал единый синхронизирующий центр, было вычислено с математической точностью. Вылазки террористов, революции и массовые выступления «народа», и даже некоторые забастовки, не явно, но неуклонно тормозили прогресс человечества в целом и подталкивали к неизбежному концу.

С воинами Тьмы логиновская контора столкнулась не так давно, но потери и с той, и с другой стороны были уже весьма существенными. Конечно, на стороне воинов Тьмы были и древнее знание, и самое главное – полное пренебрежение человеческими жизнями. Но и в Конторе тоже не институтки служили, и счет пока в пользу ребят Логинова. Это, насколько я понял, вообще их профиль – маньяки, психопаты и всякая мистика.

Нет, одно только то, что его специалисты сумели вычислить в целой серии совершенно разнокалиберных происшествий некую закономерность и схватить эту закономерность за хвост, безусловно делает им честь. Bravo и троекратное «ура» перед строем. Просто ух и ах. Они сумели найти корни всех этих безобразий. Получалось, что засевшие здесь враги не просто хотели воспользоваться энергоканалом. То есть аналитики, конечно, ничего не знали ни о вселенной Раводо, ни о связывающем нас энергоинформационном жгуте. Просто складывая кусочки мозаики, они выяснили, что готовится глобальный конфликт, который, принимая во внимание накопленные запасы ядерного, бактериологического и химического оружия, станет наверняка последним.

Насколько я понял, используя подаренное мне Знание, Земля всегда была лакомым кусочком, ведь она имела восемь базовых и бессчетное количество информационных каналов второго и третьего порядков. И еще Главную Линию – Основной энергоинформационный жгут со вселенной Раводо. Это все равно, что сосредоточить в своих руках не только все топливно-энергетические ресурсы галактики, но и воду, пищу и даже воздух. А это такая власть, что все Защитники мира «Земля» получали любые ресурсы, помощь и консультации всей неведомой еще землянам Федерации только для того, чтобы это место не принадлежало никому. Экстерриториальность была тем паллиативом, который удалось достигнуть после третьего по счету полного уничтожения населения планеты. В последний раз разразилась катастрофа такой силы, что генофонд пришлось восстанавливать по кусочкам. А без землян с их уникальной нервной системой и биоэнергетическими возможностями энергоканалы, представлявшие в обычное время бурные полноводные реки, напоминали бы быстро пересыхающие ручейки. Конечно, сорок – пятьдесят Высших магов или десять Магистров могли стабилизировать каналы. Но резать бриллиантовым перстнем стёкла? И было решено ударными темпами восстановить население и даже немного сфальсифицировать историю, чтобы удлинить ее.

Лихие браконьеры вовремя отлавливались, и им надолго отбивали желание охотиться в заповеднике. Им вообще все отбивали. Вместе с жизнью и возможностью перерождения. Но соблазн был велик, и дураки не переводились.

Что их влекло? – спросите вы. Да все то же. Имея достаточное количество энергии, можно создать не то что собственный рай, а целую галактику для личного употребления. Ну, для галактики ее, конечно, было здесь маловато, но на пару десятков планетных систем – вполне.

Остальное – мои личные догадки, которыми я не спешил делиться вслух.

– Твои проблемы мне понятны, – сказал я, когда Виталий выдохся. – Проходящие через все кордоны террористы, бессчетное количество наркотиков, которыми только что в детских садах не торговали, оружие и работоторговля. Плюс невероятное количество психических нарушений и неуклонный рост засоренного генофонда. У вас своя война, а у меня абсолютно свои, никак не связанные личные счеты к вашим фигурантам. И, скорее всего, когда я завершу охоту, ваши проблемы во многом тоже закончатся. Воины Тьмы – редкая мразь. Посему я предполагаю просто уничтожить верхушку клана, а затем перебить все, что шевелится. На остальное у меня может просто не хватить сил.

– Я всего лишь предлагаю сотрудничество...

Я сразу и не очень вежливо перебил его:

– Для чего вам я – понятно. А вот для чего мне нужны вы, не очень ясно.

К этому моменту нормальные посетители уже покинули ресторан, а их места заняли улыбчивые широкоплечие парни с такими же улыбчивыми и тренированными подругами.

– Насколько я понимаю, – прищурился он, – прямой поиск в информационном поле при таком количестве стихийных магов – вещь крайне трудоемкая и неблагодарная. Мы сожгли уже несколько опорных точек и храмов Воинов Тьмы, обезвредили десятки связанных с ними террористических групп. Какой тебе смысл бегать за ними в одиночку, когда у нас уже давно идет планомерная война?

Я на мгновение замер. Вот значит как. Выходит, они и до этого докопались. Дела...

– Предложения? – деловито спросил я.

– Становись частью организации. Любая информация по интересующим тебя разделам – без ограничений. Поддержка оперативных групп по всему миру, транспорт, связь, средства технической разведки и помощь аналитиков. Содействие правительственных организаций крупнейших стран...

Он все перечислял, а я потихоньку обалдевал от спектра возможностей его организации. Выходит, не все корешки удалил правитель-алкоголик. У слабой власти, получается, не только минусы, но и плюсы тоже есть. Моя Контора была вовсе не последним винтиком в пирамиде неформального воздействия на геополитическую ситуацию. Но его фирма, судя по перечисляемым возможностям, была просто монстром. И вряд ли свежесозданным. Такое за год не нарисуешь. Даже если в запасе десятки миллиардов полновесных и свободно конвертируемых. Скорее всего, я просто не знал или, что вероятнее, не мог знать о существовании этой Конторы. «Есть многое на свете, друг Горацио...»

– Что от меня требуется взамен?

– Почему ты думаешь, будто нам от тебя что-то нужно? – прошамкал он с набитым ртом. Потом обвел глазами стол и, обнаружив пустую бутылку, тихонько стукнул по ней вилкой.

Несмотря на достаточно громкую музыку, к нашему столу тут же подскочил официант с новой бутылкой. Наверное, он тоже слушал, что доносится из микрофона в настольной лампе. Верхним зрением я видел микрофон, он выглядел как крохотная черная воронка, дымчатый жгут от которой тянулся в сторону служебных помещений ресторана.

– Не шути, – я понюхал пробку и, удовлетворившись качеством, плеснул сначала себе, потом ему.

Он немного поскущел. Сразу стало ясно, что это самая скользкая часть разговора. Генерал усмехнулся немного нарочито и опрокинул бокал в свою бездонную глотку. Сначала он, видимо, собрался что-то сказать. Но вдруг неожиданно ему в голову пришла новая мысль. Он привстал, доставая из кармана мобильный телефон.

– Минуту.

И отошел в сторону. О чем и с кем он говорил, мне было как-то не очень интересно. Но, видимо, разговор закончился вполне удачно. Он вернулся к столу и, не присаживаясь, предложил:

– Прокатимся?

– Далеко?

– Средне. – Он снова усмехнулся, но уже как-то невесело. – Хочу тебе кое-что показать...

Выходя из ресторана, я успел увидеть, как официант бережно подхватывает бутылку, которую я только что держал. Нет, конечно, я и подумать не мог, что они собираются снимать мои пальчики для прокачки на своих дактилоскопических базах данных. Просто это у них, наверное, такой обычай. После каждого клиента недопитую бутылку нежно брать двумя пальцами за дно и горлышко и скачками нестись в подсобку.

2

У выхода уже ждал седан несколько тяжеловесного вида. А когда автомобиль, мягко рывнув многоцилиндровым мотором, грузно тронулся с места, я понял, что внешнее впечатление не было обманом. Машина была явно бронированной.

Так почти в молчании мы добрались до стеклянной призмы невыразительного конторского здания у кольцевой автодороги. На вывеске, гордо сиявшей неонам над крышей, значился некий банк. Такая же табличка, только из начищенной до золотого блеска бронзы, была и у самых дверей.

Нас, видимо, ждали. Двери распахнулись еще до того, как мы подошли. Ковры, хрусталь, кожаная мебель и массивные бронзовые урны. Все тихо, но недвусмысленно намекало на финансовую мощь располагавшейся здесь организации. Генерал лишь несколько нарочито кивнул лениво развалившимся у мониторов охранникам, и мы проследовали дальше. Про себя я отметил не только расслабленные позы охранников, их цепкий профессиональный взгляд, но и спокойную тигриную грацию, с которой сидели офицеры.

Длинный коридор, лифт вверх, пост охраны, опять коридор и еще один лифт вниз, и вновь пост. Только на этот раз трое охранников располагались за двадцатисантиметровой толщины стальной перегородкой, наблюдая за комнатой через миниатюрные телекамеры. Тут мой провожатый уже не отделался дружеским кивком. Он обстоятельно и неторопливо вынул небольшой прямоугольник и положил его в маленький лоток, торчавший из стены. А после того, как кусок стены отъехал в сторону, открывая какую-то систему, прижал к ней лицо. Что характерно, охранники на нас и не смотрели. Они смотрели на свои приборы. Наверное, то, что они увидели, их удовлетворило, так как абсолютно гладкая на вид стена разошлась в стороны, освобождая проход.

Простой коридор конторского вида меня немного разочаровал. Впору было ожидать чего-то более монументального, хотя кабинет, в который мы пришли, вполне подошел бы и директору приличного завода.

Большой и абсолютно чистый стол с телефонами, удобные, прочные стулья вдоль стены и несколько кресел вокруг кофейного столика в углу. Компьютер, проекционный видеомонитор и некоторые другие вещи говорили о том, что это помещение используется в основном для совещаний.

Виталий Алексеевич так же неторопливо подошел к стене, за которой туманно просматривался какой-то отросток. Чего-то нащелкал на клавиатуре, и по загудевшей от воздуха трубе в нашу сторону двинулось нечто. Еще через пару секунд в приемный лоток упал продолговатый цилиндр с двумя толстыми кольцами у торцов. Пневмопочта. Примитивно, но быстро и надежно.

Он развинтил цилиндр и вынул пачку листов.

– Присаживайся.

Он показал на одно из кресел вокруг низкого кофейного столика и плюхнулся сам.

– Это, – он протянул мне первый листок, – серийный насильник. Десять убийств с изнасилованием. В основном девочки до шестнадцати лет. Ищем уже полгода. А это, – он протянул другой, – банда ублюдков. На их совести восемь пунктов обмена валюты. Шестеро убитых охранников, пять кассирш, примерно такое же количество тяжелораненых. Ищем три месяца. Наверное, гастролеры... – добавил он тоскливо.

Я смотрел на короткие, в две-три строчки, описания преступлений и небольшие фотографии с мест происшествий, подколотые к листку разноцветными скрепками, и чувствовал, как помимо моей воли во мне набухает тяжелый черный ком злости.

– А вот это, – он, поморщившись, протянул новый листок, – наша самая большая головная боль. Крадут детей. На органы.

– Как на органы? – не понял я. А через секунду догадался и внутренне похолодел. – И что будет, если вы их найдете?

– Не если, а когда, – поправил он меня. – Когда мы их найдем. В зависимости от необходимости их ждет громкий суд – это политика, тут ничего не поделаешь, – а потом несчастный случай в тюрьме или в лагере. Если, конечно, никто не пристрелит на месте.

– И только это? – уточнил я. Никаких сейфов с военными секретами и прочих шпионских номеров?

– Господи! – простонал он и уставился тяжелым взглядом в стену. – Да ты помоги мне хоть с одной из этих (он потряс пачкой листов) проблем, и я сам расскажу тебе столько военных секретов, что тебя стошнит от этих глупостей. Раньше мы занимались совсем другими делами. Скорее политикой, чем войной и вообще всякой мистикой. Но криминальная ситуация такова, что на нас стали сбрасывать «тяжелые всяки». Милиция в болоте, контрразведка зализывает раны. В общем и целом, пока, кроме нас и еще пары контор, заниматься этим некому.

Я секунду размышлял о том, как половчее обставить мою помощь, а потом махнул рукой.

– Ладно. Гори оно все огнем. Давай свои бумажки. Тебе что нужно? Внешность, местонахождение, что еще?

Он немного опешил.

– А что еще?

– Ну, я не знаю... Другие подвиги, например?

Он махнул рукой.

– Внешность – уже хорошо. Адрес – идеально. А другие подвиги, – он пожал плечами. – Так ведь три раза не расстреляешь.

– Одно «но», – предупредил я.

Он встрепенулся, словно охотничий пес, увидевший, как уже убитая дичь собирается дать деру.

– Мои способности временные. Причем я не знаю, сколько они продержатся. Месяц – точно, дальше не ясно, – и гася скептическое выражение его лица, добавил: – Я и вправду не хочу сходить с корабля. Но ты должен знать, что вся лафа, возможно, продлится лишь короткое время.

– Ну, – он рассудительно приподнял брови, – ты, главное, сам себя не топи... А насчет способностей посмотрим. – И добавил назидательным тоном любящего папы: – Преодолевай сложности по мере их поступления.

– Мне нужен художник, и пройтись по местам событий.

– Тогда завтра с утра...

Теперь был мой черед удивляться.

– Ты хочешь, чтобы эти уроды еще что-нибудь натворили?

– Господи, да нет, конечно! – он одним движением вылетел из кресла. – Посиди немного. Я организую. Чего тебе? Кофе, чай? Душ там.

Он пальцем показал на неприметную дверь и выскочил прочь.

Душ – это хорошо. Но потом.

Отсутствовал он примерно минут двадцать, а, вернувшись, задумчиво и весело проговорил:

– Спать удумали, сволочи. Я им дам спать. Работать, негры!

– Ну что, поехали? – спросил я.

– Поехали, – кивнул он. – Художника, правда, подвезут уже на место.

– Только смотри! – предупредил я его. – Художник должен быть хороший. Иначе все напрасно.

– Нормальный, нормальный. Слушай, а как тебя называть-то? – спохватился он. – А то неудобно как-то выходит...

Я представил себе, как он будет напрягать язык и память, называя меня полным именем, и назвал то, что значилось и в моем давно утерянном настоящем, и в новоприобретенном паспорте.

– Андрей.

Та же машина, но в сопровождении трех массивных внедорожников доставила нас к подножью бетонного улья, светившегося редкими окнами.

Не обращая более внимания на сопровождавших, я погрузился в состояние «Кархи».

Несмотря на то что прошло уже больше трех месяцев, картина преступления живо встала пред моим взором. Вся боль и отчаяние маленькой девочки, убиваемой здесь, в тени новостройки, ударила по нервам, словно пушечное ядро. Я видел лицо насильника так ясно, что, наверное, мог бы сосчитать каждый прыщ на опухшей роже. Я с трудом вынырнул наружу, оглядывая столпившихся вокруг людей, в первые секунды не понимая, кто они и зачем здесь.

– Художник, – позвал я.

Из толпы выскочил крепкий лысоватый гражданин лет сорока в объемистой куртке, делавшей его похожим на состарившийся колобок.

Я посмотрел в его глаза и спросил:

– Ты, уважаемый, крепкий человек или как?

– Пять лет войны, – степенно ответил дядя.

Зря спросил...

– Закрой глаза, – приказал я и положил свою ладонь ему на голову.

Короткий разряд информационного пакета, и он тяжело замычал и зашатался, пытаясь обрести утраченное вдруг равновесие.

Пока я приходил в себя, он неистово скрипел карандашом, временами ошалело поглядывая на меня.

Через несколько минут мне показали его работу. В других обстоятельствах я бы, наверное, похвалил его, настолько точно были схвачены черты насильника. Почти фотография. Остальное было делом техники. Я даже не вгонял себя в транс. Хватило старого заряда. Опять, словно на пыльном экране, я увидел небогатую обстановку московской двухкомнатной квартиры и улицу, на которую выходило окно. Пытаясь найти зацепку, я внимательно прошелся взглядом по улице и наткнулся на торговый павильон. «Цветы на Каретном» – было красиво выложено светящимися трубками...

Я жестом подозвал Виталия.

– Живет в четырехэтажном, но высоком доме, из которого хорошо видно цветочный павильон «Цветы на Каретном». Квартира двухкомнатная на последнем этаже. Есть или была собака. Хватит?

– Да ты что! И половины, – замахал он руками.

Так мы и ездили. Меня привозили на место, я снимал картинку, художник ее переводил на бумагу, а потом я давал примерное представление о местонахождении преступника. Уже из

машины, с помощью телефона и компьютера, генерал командовал своим штабом, в который поступала вся полученная информация.

В итоге к утру меня, выжатого, как лимон, привезли в какой-то дом, где я, содрав с себя одежду, рухнул на кровать.

3

Разбудил меня легкий перестук каблучков по паркету. Голова немного гудела от усталости и энергопотери. Сквозь закрытые глаза верхним зрением я видел своего посетителя как великолепный нежно-розовый бутон, окруженный бледно-желтым ореолом и с оранжевыми прожилками. Собственно говоря, прожилки эти были боевыми цепями ауры моего раннего визитера. Или, если точнее сказать, визитерши. Вглядевшись чуть пристальнее, я рассмотрел даже несколько крохотных фиолетовых вихрей, зарубками оставшихся на ауре после убийства разумного существа. Открыв глаза, я увидел прелестное и тонконое создание женского пола с длинной гривой отчаянно-рыжих волос. Я представил, сколько неприятных сюрпризов могла бы доставить эта нежная барышня вздумавшим ее обидеть, и ухмыльнулся.

За три часа сна нижнее тело настолько стабилизировалось, что я даже почувствовал мгновенный укол плотского вожделения, рассматривая этот прекрасный образец человеческой расы.

– Завтрак? – мелодично пропел образец с вопросительной интонацией.

– Завтрак, – покладисто согласился я и обвел глазами комнату в поисках своей одежды.

Несмотря на ночные эскапады, костюм выглядел вполне прилично, хотя и был куплен у смуглокожего торговца на заплеванном вокзале. Пока я питался, с удовольствием поглощая разнообразную и высококачественную еду, в комнату довольно шумно ворвался Виталий Алексеевич.

– Ну что, не передумал? – бросил он прямо с порога.

Жестом я попросил его помолчать, а сам дожевывал нежно-розовый, упоительно пахнущий ломтик ветчины, на который капнул немного лимонного сока.

– Все-таки мы совсем не ценим, что имеем, – задумчиво произнес я, начисто проигнорировав его предыдущий вопрос и имея в виду все: это великолепное утро, и свежайшую ветчину, и прелестную фею, порхавшую вокруг меня.

– Отчего же? – удивился Логинов и одним движением смахнул в себя содержимое одной из тарелок.

– Варвар, – лениво прокомментировал я и протянул руку за бумагами, которые он держал в руках.

– Это протоколы допросов, – предупредил он. – Интересно?

– Нет, – махнул я рукой. – Если я ничего не напутал, там просто цистерна дерьма и помоев в пропорции пятьдесят на пятьдесят.

– Не напутал, – грустно ответил он. – Восемнадцать арестов за одну ночь, и ни одной пустышки.

– Не выбивали пыль? – как бы вскользь поинтересовался я.

– Зачем? – он вполне искренне удивился. – Вполне цивилизованно. Инъекция даиноско-поламина, и если он не специально подготовленный агент, то вспомнит даже цвет трусов своей первой подруги.

– И вправду, – согласился я.

– Слушай, – он немного замялся. – Там шеф хочет лично вручить тебе...

– Белого слона? – Я зацепил ложечкой верхушку яйца и понес ко рту.

– Ну, что-то вроде...

– А надо?

В ответ он только развел руками.

– Политика, понимаешь. Начальник мужик-то хороший, хотя и занудный.

– Не переживай. «Ура» перед строем, «рад стараться, ваше сиятельство!» и так далее.

– Учти, – предупредил он, – я тебя представил как оперативника ПГУ, «с холода».

Я улыбнулся.

– Ты ведь сказал это для того, чтобы узнать, насколько я в курсе вашего внутреннего жаргона? Не беспокойся. В курсе.

Он почесал затылок.

– Откуда, конечно, не скажешь? – грустно предположил он.

– Скажу, – пообещал я. И, гася его вдруг проснувшийся энтузиазм, продолжил: – Но в свое время. Пальчики-то уже прокачали? – спросил я довольно ехидно.

Мой собеседник только руками развел.

– А не будет бомж и мелкий воришка компрометировать славные ряды борцов с нечистью? – тревожно спросил я.

– Ты на себя в зеркало когда последний раз смотрел? – с ласковой иронией доброго отца отозвался Логинов. – Да твоя рожа просто кричит о высшем образовании, фамильном серебре и ненависти к люмпен-пролетариату. А руки? – Он насмешливо кивнул. – Даже сквозь мазут твоя белая кожа выдает тебя с головой.

– Что? Все так плохо? – с деланным ужасом спросил я.

– Ну не все... – нехотя согласился он. – Пальчики, конечно, потом воспоминания приятелей, уверенно опознавших тебя. Самый главный аргумент в твою пользу тот, что если бы у наших вероятных «друзей» был такой специалист, он выходил бы на улицу только в сопровождении полка телохранителей и звена штурмовых вертолетов. Ладно, – он хлопнул своей крепкой мясистой ладонью по колену. – Пойдем, покажу твои апартаменты.

Я быстро оделся, и по короткой лестнице мы спустились в роскошный холл, главным украшением которого был большой изразцовый камин. Узкая тропинка из бетонных плит в обрамлении проросшей травы привела нас к такому же, но чуть поменьше, двухэтажному домику.

Холл был обшит панелями настоящего красного дерева, был там негромко журчащий фонтанчик и красивая монументальная лестница, ведущая наверх. Десять просторных комнат, даже своя библиотека, правда, насколько можно было судить, литература была подобрана достаточно случайно, поскольку старинные почерневшие от времени переплеты из кожи соседствовали с новенькими изданиями в ярких пластиковых обложках.

На столе персоналка с огромным монитором. Присмотревшись внимательнее, я отметил необычный дизайн – сталь даже на лицевой панели и очень сложную систему электропитания.

Главным же достоинством дома мне показалось то, что из окна спальни открывался превосходный вид на лес и реку. Чуть-чуть портило ощущение толстое бронестекло, которым был полностью закрыт балкон. Зато спать спокойнее.

Пока мы ходили по комнатам, появился седенький старичок с кучей фотоаппаратуры. Он довольно быстро нащелкал мою физиономию на фоне белой двери душевой и удалился восвояси.

– Ну, как, нравится? – спросил Виталий Алексеевич, наблюдавший за моими перемещениями из глубокого и, видимо, очень удобного кожаного кресла.

– Нравится, – честно признался я. – Только вот стекло на балконе...

– А чем тебе стекло не угодило? – немного удивился он.

– Да нет, просто люблю свежий воздух.

– А, это... – он махнул рукой. – Вон там, – он показал пальцем, – пульт климатизатора. Количество и качество воздухообмена, влажность и температура. Хоть Сахару здесь устраивай, хоть Бангалор во время муссонов.

– Бангалор, пожалуй, не стоит.

Я улыбнулся, вспоминая сплошной поток воды с неба и вязкую, по колено, жижу под ногами. Дождь, чтоб его...

– А что? Приходилось? – мгновенно отреагировал Виталий Алексеевич.

– Ну, зачем тебе все и сразу?

– Работа такая, – развел он руками. – Рефлексы, словно у сторожевого пса.

– Рефлексы, – проворчал я. – Что дальше?

– Дальше... – Он помолчал. – Мне бы хотелось знать, что ты вообще умеешь делать.

– В каком смысле? – поспешил уточнить я.

– Да в прямом. Нужна ли тебе охрана, насколько ты знаешь оперативно-розыскную работу... Да нет, – он поднял руки, словно сдавался. – Охрана совсем не проблема. Хоть полную обойму, хоть три. И оперативной работе научим, не велика наука.

– Это как посмотреть, – усомнился я.

– Да, это как посмотреть, – согласился он и вдруг оживился. – Значит в курсе?

– Слушай, – не удержался я от ехидства. – Мне казалось, свою часть договора я уже выполнил. Или не так?

– Так, – грустно подтвердил он. – Но ведь тебе и в самом деле нужна помощь.

Он немного наклонился вперед и напоминал сейчас не матерого контрразведчика, а, скорее, доброго учителя.

– Мы эту помощь тебе можем предоставить. Но для этого тебе нужно стать не просто ценным наемником, а членом команды в полном смысле слова. И тогда все, что нужно, у тебя будет. Оружие, деньги, связь, и главное – за твоей спиной встанет государство. И ты знаешь, не самое хлипкое государство на этой планете. Ты, конечно, крутой парень. На моих глазах буквально порвал в клочья ребят, спеленавших меня, словно салагу. А я, поверь, не первый день ем этот хлеб. Так что в твоих способностях у меня сомнений нет. Но сможешь ли ты быть сразу в двух местах – еще вопрос. А, главное, тут простая математика. Один человек, даже супермен, это одна точка сбора информации. Двое – уже лучше, как два глаза лучше одного. А если это целая система? Система сбора и переработки оперативной информации, с аппаратом мгновенного и адекватного реагирования? Не торопись. Лучше хорошенько подумай, а потом ответь.

Все ответы у меня уже были. Разумеется. Но кое-что я все-таки уточнил.

– Только давай договоримся. Никакой политики. Я сам выбираю дела, за которые берусь. Никаких медиков и анализов. Никаких поисков родословной и друзей. Если вы меня хоть раз подставите, договор автоматически расторгается.

– Это значит «да»? – он расплылся в улыбке.

– Черт с тобой, – я махнул рукой. – Я просто подумал, окажись я в твоей ситуации, то вел бы себя не в пример наглее.

– Ух! – он отер воображаемый пот со лба и взмахнул рукой, словно сбрасывал капли с ладони. – Все! Я в город. А ты пока отдыхай. Все остальное вечером.

– Одна просьба.

– Да?

– Хотелось бы приобрести одежонки. А то у меня, кроме этого...

Я развел руками, показывая свой нехитрый наряд.

– Черт! Мог бы сам догадаться... – он на секунду задумался. – Я поехал, а к тебе подошло Леночку. Она все организует. Well?

– Намасте, – ответил я и слегка поклонился.

Буквально через пять минут в холл вошла стройная и высокая девушка, одетая в совершенно невероятно элегантный темно-серый костюм и черные туфли на высоком каблуке. Чуть раскосые темно-карие глаза под большими роговыми очками с простыми стеклами внимательно и, я бы сказал, профессионально окинули мою фигуру, задержались немного на руках – «Дулю с маком тебе, а не род моих занятий» – и пристально и немного насмешливо поднялись вверх.

– Виталий Алексеевич говорил, вас нужно одеть?

– Да. – Я сделал вид, будто слегка смутился. – Что-то в этом роде.

– Поехали?

– Ну, поехали.

Так мы оказались сначала в одном магазине, потом в другом и так далее. Деньги она тратила профессионально и с размахом. Ее кредитная карточка, похоже, была неисчерпаема. Вместительный задний отсек нашего «лендкрузера» понемногу заполнялся пакетами и паке- тиками. Только один раз Лена категорически отказалась от покупки: когда мы проходили мимо отдела, торгующего телефонами.

– Получишь в техотделе, – мелодично пропела она, увлекая меня далее.

В конце концов девушка выдохлась и почти с радостью согласилась сделать перерыв на обед.

Экипировавшись в лучших магазинах столицы, я уже чувствовал себя намного увереннее. Немного смущало то обстоятельство, что расплачиваться за обед будет она. Но, в конце концов, не из своих же, подумал я и успокоился. Мои доллары, оружие и еще кое-какая техника ждали меня в специально оборудованном тайнике. Ждали начала моей личной охоты или непредвиденных обстоятельств. Этот аварийный комплект я подготовил специально, не полагаясь на такую хрупкую и непостоянную вещь, как благосклонность судьбы и государства.

Мы уже почти заканчивали трапезу, когда из-за соседнего столика к нам подошли два парня совершенно босаяцкого вида. Потертые пыльные спортивные штаны, кожаные куртки и такие же потертые пыльные рожи.

Не спрашивая разрешения, они подсели к нам.

– Мужик, – начал один из них. – Одолжи кралю на час. Мы тебе денег дадим...

Он думал, что «макаров», который уперся мне в ребра, сделает меня сговорчивее. Зря, кстати.

– Леночка, – я поднял глаза на свою спутницу. – Это, часом, не проверка нашего общего друга? Ломать коллег в первый день работы – как-то...

– Зачем? – она изящно пожала плечиками. – Такой примитив. Просто залетные уроды.

Затем она положила вилку на стол и кокетливо промокнула губы салфеткой.

– Ты кого назвала уродом, сука? – зашипел другой и тут же смолк, уткнувшись лицом в стол почти синхронно со своим приятелем. Со стороны они выглядели просто упившимися вусмерть до падения мордой в салат. Поскольку салата на столе уже не было, я заботливо пододвинул розеточку с вареньем и, брезгливо морщась, переложил его рожу в сладкое месиво.

– Жаль варенье портить, но картина требует завершения! – пояснил я удивленной Елене. В ответ она озорно улыбнулась и аккуратно вылила недопитый кофе на бритую башку второго.

– Так лучше?

– Угу, – согласился я и предложил: – Еще можешь украсить этот бестолковый чайник парой цветов из вазочки, и пойдем.

Она, не торопясь, выбрала два тюльпана, со вздохом возложила их на бритый череп и подхватила сумочку.

– Пошли?

Мы успели дойти до машины, но тут до нас донесся громовой рык и слова «Убью, падла!». Это нам, что ли?

Я только успел повернуться к подбегающим кабанам, как что-то возле моего уха негромко, но внятно сказало «чпок-чпок», и зверье уткнулось мордами в асфальт.

Обернувшись к машине, я увидел Сергея, нашего водителя. В его лапах совсем не маленькая «гюрза» казалась игрушкой, несмотря на мощный глушитель.

Он, не торопясь, уложил ствол в кобуру и, обойдя машину, вежливо открыл дверцу перед Еленой.

– Спасибо, Сережка... – она как-то по-особому улыбнулась. А здоровенный битюг, способный, наверное, приподнять наш джип за передок, покраснел, словно школьник, и мышкой юркнул на водительское сиденье.

4

В загородном центре нас уже ждали.

– Пойдем, покажу наше хозяйство! – радушно пригласил меня Логинов.

– А там, в многоэтажке? – поинтересовался я, имея в виду помещения, где побывал ночью.

– Это так, один из оперативных центров. А здесь, – он важно поднял указательный палец к небу, – здесь Логово!

Экскурсия была весьма обширной. Сначала меня представили шефу службы безопасности – невысокому, широкоплечему и лобастому дядьке лет сорока. Он только раз глянул на мое лицо, но у меня сразу создалось ощущение, будто карточка с моей фотографией мгновенно ушла в его хранилище информации – до того цепким и внимательным был его взгляд.

Потом был информационный центр, мастерские, лаборатории и спорткомплекс. Все по последнему слову техники. Сразу было видно, на эту организацию государство не жалело ни сил, ни средств. В спортзале я увидел почти всех ночных посетителей того ресторана на Калининском и ребят, сопровождавших нас в поездках по городу. Кто-то фехтовал на бамбуковых мечах и, кстати, делал это очень профессионально, кто-то работал в спарринге, а кто-то просто ворочал железо. Все были при деле. И только короткие взгляды свидетельствовали о том, что нас заметили.

Мое внимание сразу привлекла пара бойцов, работавших кумитэ в дальнем конце зала: светловолосый парень лет двадцати пяти в черном кимоно и девушка в простом спортивном костюме. Девушка была ушуисткой, причем классной. А вот парень, видимо, представлял одну из горных школ. Темп ударов был столь велик, что их дробный перестук мог сойти за капель. Настоящий вихрь древнего танца войны. Я невольно засмотрелся на эту пару, но мои размышления были прерваны.

– Не желаешь попробовать? – невинно поинтересовался мой новый шеф.

– Ну, невтерпеж тебе... – проворчал я. – Раздевалка где?

Противника мне выставили для начала не самого сильного, зато самого аккуратного и спокойного. Чтобы меня, любимого, стало быть, не поранить случайно. Красавец скандинавского типа оказался весьма и весьма приличным бойцом. Мы осторожно протанцевали круг, когда он достаточно предсказуемо кинулся в атаку. Красивые ушира и всяческие другие маваши – это все на публику. А вот жесткий и очень качественный цуки я принял скользящим блоком и, как учил Старик, ушел в полувихрь. Парня просто отбросило за пределы поля, будто центрифугой.

Наблюдавший за поединком кореец лет шестидесяти в старом поношенном кимоно резким окриком прервал бой и, выйдя на татами, склонился в ритуальном поклоне, предлагая схватку.

Я всегда с недоверием относился к таким вот тихим дедушкам. Ведь не зря он оказался в этом зале.

Так же коротко склонив голову, я принял предложение. Легко и расслабленно мой оппонент разrazilся целой серией маховых ударов, которые только издали казались легче детского прикосновения. Воздух под его руками стонал, будто под лопастями турбины. Сначала я уклонялся за счет скорости, а затем, даже сам не понял как, вошел в ускоряющий режим. А противник все наращивал и наращивал темп. И в итоге, не успевая заблокировать его «Тигриную лапу», я почти на автомате закрылся «Железным веером». Аура магической защиты вспыхнула изумрудным сиянием, гася чудовищной силы удар, а затем и сама рассыпалась мириадами искр. Но кореец только крутанулся и вместо логичного в этом положении «Крыла цапли» сделал движение, будто плеснул мне в лицо водой. Пожалуй, я уже был готов к чему-то подобному, так как закрылся глухим блоком и, ломая ритм боя, а точнее, взвинчивая его на предельную для себя скорость, провел серию атак в ураганном темпе, меняя вектора и точки атаки. Наступил его черед уходить в защиту. И тут я неожиданно для себя сотворил кокон, но, «прочтя» его в обратном порядке, накрыл своего оппонента вторым слоем и остановил руки, продолжая насыщать кокон энергией. Обычно после заклинания сфера растворяется в пространстве, увеличиваясь в размерах и истончая свою оболочку. Но сейчас вместо расширения обратный кокон начал сжиматься, утолщаясь и становясь плотным, словно бетонная стена, одновременно высасывая из меня энергию будто насос. Давление внутри мгновенно возросло настолько, что мой противник был вынужден подать сигнал окончания боя.

С мягким хлопком опали, растворяясь, защитные сферы, а кореец вновь поклонился и подошел ближе.

– С кем имею честь? – спросил мой недавний противник на чистейшем русском языке. И без паузы, перейдя на Запретный, представился: – Учитель Минокасанэ Энеидо.

Сказать, что я был удивлен, значит не сказать ничего. Я просто превратился в соляной столб.

– Защитник Андироданго.

– Магистр Энгеросайдо Теавис предупредил меня о твоём появлении.

Он улыбнулся.

– Теперь я вижу, его оценка твоих способностей была более чем скромной. Ты окажешь мне честь, приобщая к Свету моих учеников?

– Это высокая и незаслуженная честь для молодого путника, Учитель Энеидо.

Слова Запретного давались мне с трудом и словно помимо воли.

– Будет так, – степенно ответил он и, сделав короткий пасс пальцами правой руки, сбросил свой и мой ускоряющий режимы.

Не знал, что такое вообще возможно. Настолько глубокая и сильная вещь ускорение. А тут пальчиками прраз, и все?!!

Обалдевший от всего произошедшего, я стоял столбом, когда ко мне подскочил Виталий.

– Что это было? – он был удивлен не меньше моего.

– Что «это»? – не понимая, переспросил я.

– Да вы вроде начали спарринговаться, а потом словно растворились в воздухе!

Он размахивал руками, показывая, как именно мы, по его мнению, «растворились».

– Только в конце вдруг появились, чего-то чирикнули друг другу и разошлись...

– Ну, – промямлил я. – Подрались – разошлись. Обычное дело.

– Нет! – он рассмеялся и хлопнул меня по плечу. – Ты все-таки чудо. Причем в перьях.

5

Прошел месяц, а я все еще торчал на базе своей новой Конторы. Правда, не без пользы. Библиотека в моей комнате казалась подобранной наспех только на первый взгляд. Составляла ее оккультная, религиозная и магическая литература всех направлений и конфессий. Сильно урезанный «Герметический корпус» шестой редакции мило соседствовал с «Основами боевой магии» и бредовейшим «Астральным карате». Много было явной ерунды, но многое из того, что я мысленно про себя проговаривал, вдруг отзывалось в моей голове легким шелестящим звоном и покалыванием в пальцах. Кое-что оказалось настолько засорено лишними движениями, что работало едва на несколько процентов от возможного.

Еще я тренировал ребят и тренировался сам под руководством Ли Донга. Таким было мирское имя Учителя Энеидо. И гонял он меня словно зайца. Был еще один мастер, к которому я убегал, как только выпадало свободное время.

Майор Савостин Виктор Николаевич. Лихая доля, выпавшая этому старику, была только отчасти компенсирована тем вниманием и любовью, которыми он пользовался у всех без исключения жителей городка. Тихий и согбенный старец был прирожденным Стрелком. Человеком, укладывающим из кошмарного творения господина Макарова восемь «десяток» с расстояния пятьдесят метров за пять секунд, а из «Беретты 92» попадал в подброшенную копейку с десяти шагов. И при этом никакой патетики в общении с оружием. Оно было для него инструментом, и не более. Он учил меня видеть полет пули и даже управлять этим процессом – называется, и такое возможно. Учил стрелять из всего, что в состоянии проделывать подобное действие. С его подачи я полюбил длинный лук и даже научился «держат» до четырех стрел. Это когда четвертая стрела уже покинула тетиву, а первая еще не поразила мишень. Сам он делал это виртуозно, поражая даже выдавших виды оперативников. Хвала богам, что от уроков по оперативной работе, минновзрывному делу и прочим глупостям меня освободили. Правда, только после получения зачета-допуска. От всех нездоровых метаний, мне, впрочем, отвалились новенькие полковничьи погоны, приличная квартира и неприлично высокая зарплата.

Я понемногу входил в дружный коллектив подразделения и обрстал новыми друзьями. Несмотря на то что команда состояла в основном из молодых ребят и девчонок, лет по 25, мы легко находили общий язык и совместные интересы.

Но отдых внезапно кончился, когда однажды под вечер к подъезду моего коттеджа подрулил командирский вездеход.

Не один, а в сопровождении целой делегации немолодых статных мужчин в штатском, что, впрочем, только подчеркивало их офицерскую выправку. Шеф, едва заметно нервничая, дождался, пока я соизволю спуститься вниз и, привстав, коротко представил меня присутствующим.

– Сотрудник Иванов.

– Конечно, Иван Иванович? – Тоном университетского профессора уточнил один из сидящих, крупный седой мужчина в дорогом черном костюме и роскошных туфлях.

– К вашим услугам.

Я коротко поклонился и вопросительно посмотрел на Логинова.

Тот немного поерзал в кресле и, махнув мне рукой – садись, мол, – обвел всех взглядом.

– Иван Иванович, – начал тот, который сидел напротив меня. Светло-серый костюм, седая, почти львиная грива и холодный пронизывающий взгляд из-под золоченой оправы. А стеклышки-то, кстати, с секретом! Уж больно плотный информационный сгусток клубился вокруг них. На верхнее зрение я переходил уже машинально, но тут меня ждал почти полный облом. Все трое были настолько плотно прикрыты защитными коконами, что даже настроение

угадать было сложно. Но, несмотря на это, запах Силы и Власти был столь силен, что звучал в каждом слове или жесте.

– Мы обратились к вашему руководству с просьбой подыскать нам наиболее квалифицированного сотрудника для проведения крайне важной для нас операции.

Я спокойно ждал продолжения.

– Примерно полтора года назад военно-космическая служба раннего обнаружения и оповещения заметила приближение к Земле довольно крупного космического тела. Оно, как обычный астероид, было захвачено полем тяготения и почти полностью сгорело в атмосфере. Но какая-то часть упала на поверхность. В район падения была направлена экспедиция РАН для отыскания уцелевших фрагментов. Через сутки после выхода в район катастрофы группа прервала радиокontakt. На поиски были посланы группа спасателей и вертолет. Они тоже исчезли. Так же, как и отделение егерей второй воздушно-десантной дивизии. Одиночная разведка, космическая и аэрофотосъемка результатов не дали.

– Почему? – не удержался я.

Мой шеф неодобрительно зыркнул на меня, а сидевший до той поры тихо мужчина с вытянутым лицом, делавшим его чем-то похожим на волка, пояснил скучным голосом:

– Наши елочные игрушки горят, стоит им навести объективы на этот квадрат. Три наших сгорели, тысяча четырехсотой серии, и один американец. Время от времени запускаем аэростат с камерой, но эффект тот же.

И, сделав знак продолжать говорившему ранее, он снова откинулся в кресле.

– Следующий наш шаг – это проведение плановых испытаний термоядерного оружия в этом районе. Однако устройство не сработало...

Тут львиногривый сделал паузу, спокойно и, как мне показалось, немного иронично посмотрел мне в глаза и продолжил:

– В случае вашего выпадения из эфира более чем на пять суток мы планируем накрыть весь район химическим, а затем термитным оружием...

Он замолчал.

Молчал и я, ожидая продолжения.

– Ваша задача провести скрытое наблюдение района падения и по возможности обнаружить личный состав пропавших групп. К границе района выдвинется группа «Крест» и по вашему сигналу начнет зачистку.

Он вновь замолчал.

– В случае успешного завершения операции вы можете помечтать. А мы подумаем, как воплотить ваши мечты в жизнь.

Они словно по команде поднялись и, сухо кивнув на прощание, отбыли восвояси, оставив меня в совершеннейшей прострации. Вопросов у меня было столько, что можно было издать их отдельной книгой. Но ответов ждали все-таки от меня...

6

Через пять часов я уже трясся в тесной кабине «МИГа»-спарки, перебросившего меня вместе с бараклом на военный аэродром, откуда я уже почти своим ходом, на новеньком «УАЗике», покатыл к своей цели. Ехать было всего ничего. Километров триста. На подробной карте весь район был обведен густым красным карандашом и тоненько заштрихован. Чтобы это я, стало быть, не перепутал. Такая трогательная забота, аж слеза прошибает...

Обычно приближение к району поиска осознается лишь тогда, когда очередной раз сверяешь свои координаты. Но здесь было все по-другому. Я специально остановился, чтобы рассмотреть ЭТО подробнее. Тончайший, будто кисейный, дымчато-мутный купол словно огромной чашей накрывал всю расположенную меж невысоких лесистых холмов равнину. Высотой

эта штука была, наверное, в несколько километров. И если на карте зона выглядела неровной кляксой, то живьем она, скорее всего, описывала ровный круг диаметром около сотни километров. Именно здесь упал, но не взорвался килотонный ядерный заряд, и бесследно исчезли несколько поисковых групп. В общем, прогулка, судя по всему, предстояла нескудная.

Я загнал машину поглубже в лес и как мог замаскировал ее от посторонних взглядов. А потом еще и заминировал специальным запаховым зарядом. Машину он не повредит, а вот подойти после его срабатывания к ней можно будет только в глухом противогазе. Запах – нечто среднее между год не стиранной портянкой и вонью от взбесившегося скунса, только раз в десять сильнее.

Ну, вот и славненько. Я попрыгал, проверяя плотность подгонки снаряжения, и потихонечку направился к куполу. Примерно через час я осторожно коснулся призрачной границы рукой в перчатке и, естественно, ничего не почувствовал. Ни хрена это, разумеется, не значило. До меня тут уже спалились очень серьезные ребята. И надо постараться, как минимум, не повторять их ошибок, а как максимум – не наделать собственных.

Я засек место и, тщательно замаскировав, спрятал первый из «аварийных» контейнеров. А потом вошел в зону.

Ощущение было такое, словно я погружался в прохладную воду. Но оно быстро проходило, по мере того, как я удалялся от границы. На всякий случай я связался с командованием, и убедился, что связь, во всяком случае пока, проходит нормально.

Еще двадцать километров таежного бурелома, и я вышел к краю «черного» болота. Имело, конечно, смысл поискать обход, но и прямой путь был тоже не лишен резона. Я поддул небольшой плавжилет, приобрел необходимую плавучесть и пополз по топкой грязи, очень скоро пожалев, что не стал искать путь полегче, поскольку уделался липкой жижей по самые брови. Плотик со снаряжением тащился сзади, цепляясь за все, что попадалось по дороге, и недвусмысленно намекал о вреде жадности и торопливости.

Только к вечеру я выбрался на относительно сухое место. Сбросив второй контейнер в крошечную заводь с твердым дном, я привел то, что планировал взять с собой, в рабочее состояние. Только снайперская винтовка покоилась в сложенном виде в непромокаемом пенале за спиной. Став таким образом легче еще на десять кило, я бодренько поскакал дальше.

Еще через двадцать километров я даже не увидел, а почувствовал близость людей. Что-то было такое в лесу, что незримо оставляет за собой человек.

Я удвоил осторожность и почти сразу был награжден за старание. Под ногами змеились тонкие нити, едва различимые в освещенной закатным солнцем траве. Не толще волоса, они казались совершенно безвредными, словно шальная паутинка. Но это вовсе не означает, что таковыми они и являлись. Дальше я шел, выверяя каждый шаг, словно на минном поле. Нити шли не сплошняком, а полосами, будто кто развернул огромную спираль. Я прикинул по карте, где должен находиться центр этой гипотетической сети, и выходило, что он расположен немного в стороне от небольшого карстового озерца, оно лежало прямо впереди меня на расстоянии полсотни метров.

Первый патруль я заметил случайно. Звякнула плохо подогнанная железка, и я растворился в зарослях, не шевелясь и даже не дыша. Звякнуло совсем рядом.

Два человека в камуфляже. Пожилой с симоновским карабином и молодой с пехотным вариантом «калашникова». Шли бесшумно и привычно, выдавая навык бывалых таежников. Я выскользнул прямо перед ними, и не успели глаза старого раскрыться от удивления, как он уже оседал на траву. Молодой даже не успел скинуть ремень автомата с плеча, когда я опрокинул его рядом.

Но разговорить их мне не удалось. Ни спецпрепараты, ни жесткие методы не помогли. Старый лишь надсадно хрипел, а молодой хлопал глазами. Я первый раз встретился с такой мощной психоблокадой. Даже простые вопросы вызывали у них ступор. Я попробовал прямой

контакт ментополей. Но в их головах не было ничего, кроме белесого тумана. Ни воспоминаний, ни даже самых примитивных мыслей. Только злоба и ярость. Впрочем, этого добра хватило бы на десятерых. Я провозился почти до заката, но так ничего и не добился.

Напоследок, оттягивая неизбежный конец, я решил порыться у них в карманах и сразу же нашел дивную вещичку. Зажигалку, сделанную из корпуса минного взрывателя, с шутилкой надписью «Не спались, Эркен!» и клеймом мастера-изготовителя. Совершенно случайно я знал и автора зажигалки, и того, кому она была предназначена. Потому что гремучую ртуть из корпуса взрывателя выковыривал собственными руками. А еще я знал, что перед тем, как расстаться с зажигалкой, владелец, которому она очень нравилась, наверняка расстался с жизнью...

Поэтому я почти с легким сердцем произвел два выстрела и даже не похоронил, а просто закатил трупы в кусты.

На самом деле я совершенно зря возился так долго. После потери одного из патрулей счет пошел на часы. Может, конечно, не все так страшно, но исходить надо из худшего.

Разбираясь с покойниками, я рукой случайно зацепил одну из белых нитей на траве. И тут же, словно прорванная плотина, в мозг хлынул поток невероятного нечеловеческого наслаждения. И если б не очередное чудо, сотворенное моим организмом, лежал бы я, истекая слюной, словно дорвавшийся до сладкого олигофрен. Зародившись где-то в не захваченном уголке сознания, плеть боли стеганула вдоль по моим нервам и покатила едкой волной по нити. И тут же будто раскаленное шило в мозг с болью и грохотом ворвался нечеловеческий рев.

– КТО! КТО! КТО!

Волевым усилием справившись с мгновенным шоком от неожиданности, я понял, что наслаждение и последовавшая за тем боль была не такой уж и сильной. Просто все произошло так внезапно, что впору было заорать. Первым делом я машинально отдернул руку, которой коснулся нити, и, увидев, что она тянется, словно приклеенная, рубанул по ней первым попавшимся. А именно бросковым ножом. Боль тут же стихла, оставив взамен немоту в руке и звенящую пустоту в голове, а такая невзрачная на первый взгляд ниточка преспокойно улеглась на траву.

– Ну, тварь... – Я сплюнул. А потом вынул из кармашка разгрузки небольшой, но очень мощный электрошокер, воткнул в землю специальный штырь для преодоления проволочных заграждений и поднес шокер к нити.

Короткий треск разряда. Нить мгновенно съежилась и почернела. И, словно порыв ветра, по лесу прошелестела волна, и все смолкло.

– Кто, кто... Дракон в пальто!

Я опять сплюнул и растер сапогом обугленную нить в пыль.

Натянув от греха подальше толстые, армированные сверхпрочным пластиком, перчатки, не особенно таясь, одним броском преодолел оставшиеся до озера метры и залег на невысоком холмике. В сумерках белой ночи и озеро, и поселок на другой стороне были как на ладони. Вот только на карте никакого поселка не было и в помине. А тут тебе дома, надворные постройки и даже церковка под куполом с крестом. Степенно прогуливались старики, орала на все лады ребятня и домашняя живность, деловито сновал разнообразный люд. Лепота...

Смотрим мы на всю эту пастораль, выходим поинтересоваться, не случилось ли чего, а нас кирдык по чайнику. Чтобы не умничал.

Н-н-да. А ведь наверняка кто-то из ребят спалился именно так. Но никаких других мыслей в голову не приходило. Солнце давно скрылось за горизонт, и я уже собрался скатиться с пригорка, чтобы подготовиться к ночному поиску. Но вдруг тихий печальный звук, похожий на стон и протяжный выдох, прокатился надо мной, словно круги по воде. Как таракан, я быстро

вполз назад и залег. Народ в поселке тоже засуетился и толпами повалил на берег озера. Там все встали на колени и склонили головы.

В этот момент они более всего были похожи на мусульман, творящих намаз, но никак не на православных или староверов, как я полагал вначале. Несмотря на сумерки, оптика давала вполне ясное изображение. Все, от стариков до детей, были полны неподдельного благочестия и внимания, обращая свои взгляды на озеро.

Что-то мне не давало покоя, когда я глядел на ровную, будто зеркало, гладь воды. И только через несколько минут меня осенило. Ни одной, даже самой завалященькой волны или ряби на поверхности! А ветерок-то между тем присутствовал. Словно не вода была в озере, а действительно кусок стекла.

Первое время ничего не происходило. Народ истово крестился на стеклянную гладь, и все явно чего-то ждали. Ждал, естественно, и я, включив на всякий случай портативную камеру и направив ее туда же, где скрещивались взгляды обитателей поселка. Никак началось?

Сначала чуть подернулась рябью поверхность, а затем из середины, словно всплывая из глубины, начал подниматься продолговатый, будто огурец, водяной пузырь. Камера у меня была отличной. Из тех самых «туристических» приборов, которые по цене и качеству не уступают лучшим мировым аналогам, в том числе и производимым специально для спецслужб, и не значатся ни в одном фирменном каталоге. На крохотном экранчике я ясно видел и сам пузырь, и то, что был он совершенно прозрачным.

Понемногу пузырь, а скорее уже водяной столб, поднялся на двухметровую высоту и мгновенно опал, открывая призрачную фигуру в покрове до пят, окутанную золотым сиянием. Через несколько минут фигура уплотнилась. Стало ясно видно ее тонкое, как у нас говорили, породистое лицо с высоким лбом под терновым венком, бородку клинышком и длинные до плеч волосы.

Явившийся мягко шагнул вперед и как-то сразу оказался совсем рядом с коленопреклоненными людьми.

– Дети мои!

Голос его был таким звучным и громким, что отдавался эхом даже в моей голове.

– До срока я оберегаю вас от скверны и зла, которые захлестнули землю. Истинное спасение рядом. Оно для тех, кто уверовал и принял сердцем Слово мое. Вера и послушание – вот путь для истинно любящих меня. Извилисты и хитры дороги зла. Не давайте сердцам вашим впасть в грех ложной любви, ибо нет в моем сердце места для детей Сатаны. Пусть будет тверда ваша карающая длань, и тогда нет на вас греха за смерть исчадий ада. На этот раз зло пришло к нам в образе человека, имя которому – Смерть. И поправ смерть, и развеяв ее прах по ветру, мы очистимся от скверны и обретем вечную благодать.

Пока я наблюдал все это «явление народу», я все время пытался понять, о ком же это с такой страстью говорит сын Божий. Уж не обо мне ли? Вот удостоился, прости Господи. Такая честь от сына Твоего. Да вот только Твой ли сын это?

Все же в этом действе было слишком много несуразностей, они не сразу бросались в глаза, но заставили меня задуматься. Богу, какой бы он ни был, ни к чему разбрасывать защитные сети из «нитей». Незачем обращаться к помощи простых людей, чтобы покарать столь мелкую рыбку, как я. Кроме того, мое верхнее зрение, обычно наполнявшееся в храмах и каплицах исключительно яркими и насыщенными красками, здесь было забито плотным белёсым туманом. Можно все списать на неисповедимость путей Господних, но как-то странно все это выглядит. Так что этот тип скорее сукин сын, чем Божий.

А тем временем обуянные священным гневом граждане, вооружившись подручным дрекольем и факелами, кинулись во все стороны.

Никак за мной?

Я убрал камеру и собрался рвануть в сторону. Но что-то знакомое остановило меня. Я навел на толпу бинокль, и среди пейзажа с колючими кустами увидел то, что мне совсем не понравилось. Гибкие подвижные фигуры в спецкостюмах и с налобными приборами ночного видения. Вооружены они были хорошими короткоствольными автоматами фирмы AUG. Одобряю. Оружие профессионалов. И правильно, ночной поиск – это такая игра, в которой любители просто не выживают.

Я натянул на глаза очки и удовлетворенно огляделся. Последняя разработка неведомой мне фирмы. Оправа с купольными полимерными стеклами, делающая обладателя похожим на стрекозу, позволяла видеть в инфракрасном свете. Правда, в необычных цветах. Лица, например, приобретали все оттенки красного и оранжевого, а глаза – синего цвета. Ну, так нам ведь не картины писать...

Ориентируясь на производимый загонщиками шум, я плавной дугой огибал всю эту толпу, намереваясь попасть в поселок с тыла и пошарить на предмет выживших членов предыдущих экспедиций.

Однако планам моим была не судьба сбыться. Прямо по курсу, еще невидимый, но уже ясно улавливаемый спецприбором «Боевое ухо», раздался длинный скользящий шелест. Они явно имели представление о моем местонахождении. Значит, какая-то система обнаружения все-таки работала. То ли не все нити сжег, то ли они как-то восстанавливались...

Я немного сдвинулся в сторону, смещаясь от центра поисковой цепи, и осторожным мягким движением сбросил с плеча «кобру», давно изготовленную к стрельбе. Легкий шелест. Первый молча осел на землю. Прижав оружие телом к земле, я аккуратно передернул затвор и приподнял голову. Вот второй оказался ближе, чем хотелось бы... А самое главное, в агонии он крутанулся винтом и шумно повалился на сухие ветки. Сразу же громко залязгали автоматные затворы, на меня посыпалась обдираемая пулями кора с деревьев. Для меня отчетливо запахло жареным.

Я бросил на звук гранату и залег. Те же наушники, которые усиливали наружные звуки, погасили удар взрывной волны, но очень четко и красочно донесли крики и стоны раненых. Я выбросил еще одну осколочную гранату и следом за ней две световых. Подождал, пока следователи снимут ставшие бесполезными ночники, и швырнул еще две.

Я отбросил неудачную мысль взять «языка», и просто расстрелял выживших в упор. Самое удивительное, что охотники за моей шкурой, скорее всего, были сотрудниками государственной спецкоманды. Жетоны общевоинского образца и специальные идентификационные татуировки говорили об этом ясно и недвусмысленно. Только вот что они здесь забыли?

Больше меня в эту ночь никто не беспокоил. Я достаточно свободно описал дугу вокруг поселка и выполз на задворки. Вокруг было тихо. Почему-то в поселке напрочь отсутствовали собаки. Во всяком случае, обычного брехливого лая было не слышать. Поскольку недоброжелатели, судя по всему, были далеко, я достал радиостанцию и, подключив камеру, сбросил на спутник снятое мною кино. Интересно, что они там подумают, поглядев это. Наверно, православная церковь многое отдала бы за эти кадры. Впрочем, и католическая тоже. Но мне «Оскар» за операторскую работу никак не светит. И «Пулитцер» за сенсационный репортаж, кстати, тоже. Это точно.

Рассовав по карманам радио и камеру, я тихонечко полез на высокую сосну у самого края поселка, ибо шарить по всему селу в поисках пленников мне было как-то не с руки.

То, что я увидел с высоты птичьего полета, меня скорее озадачило, чем расстроило. Во-первых, озер было два. Одно небольшое, с обвалившимися неровными краями, явно природного происхождения, а второе – идеально круглое, словно его кто-то нарисовал на земле циркулем. Соприкасались они неширокой горловиной в районе дальней от меня окраины села. И еще одна странность. На берегу того, нормального озера стояли несколько бараков явно лагер-

ного типа. Даже вышки с наблюдателями присутствовали на стандартных местах и, судя по всему, не пустовали. По идее, лучшего места для пленников не найти.

Огородами я аккуратно добрался до ржавой колючей проволоки, плотными рядами опутывавшей весь периметр лагеря. Уж не знаю, с какого тридцать кошмарного года она тут висит, но, судя по всему, проволока была еще вполне крепкой. Впрочем, не крепче донецкой стали, из которой был сделан мой резак.

Под мерный перестук небольшого дизель-генератора я прополз под колючими лохмотьями и оказался у изъеденной временем дощатой стены барака. Несмотря на слизь и плесень, держались нижние доски вполне прилично. Так что бесшумно не пролезть. Ну, не очень-то и хотелось. Барак все-таки не сейф. Дорог, дорожек и тропинок достаточно. Хотя такому таракану-террористу даже тропинки не надо. Через десять минут я уже осматривал внутренности обширного помещения сквозь дыру в потолке. В резком свете двух мощных ламп были видны примерно полста человек, которые лежали и сидели в разных позах по всей площади. Остатки сгнивших нар были свалены кучей в дальнем от меня углу. Я уже собирался спланировать на пол, когда заметил легчайший серебристый отсвет, покрывающий тонкой пленкой пространство внутри барака. Вися вниз головой, словно летучая мышь, я исхитрился достать бинокль и еще секунд десять выкручивал колесико, пытаюсь разглядеть, что за хреновина меня поджидает, а, разглядев, совсем не обрадовался. Те самые нити, которые чуть не оттяпали мне руку. Можно было, конечно, повторить номер с электрошокером, но непонятно, как отреагируют на это люди. Не без основания я полагал, что двести тысяч вольт сожгут не только эту серебряную гадость. С высокой вероятностью мозги людей тоже сгорят. Осталось вместо кавалерийской атаки провести планомерную осаду.

Словно птичка на насесте, я, уютившись, как мог, на полуразвалившейся крыше, смешивал имеющиеся у меня химикаты, стараясь при этом не особенно напутать с дозировками.

То, что у меня получилось, думаю, вызвало бы судороги не только у профессора химии, но и у законченного наркомана. Впрочем, нитеобразная пакость тоже съезжилась и обвисала.

Я спустился на тонком тросике вниз и осторожно потрогал кончиком сапога плотно утрамбованный и перевитый серебряной паутиной пол. Вроде ничего...

Насколько хватит действия моего «чертова зелья», я, естественно, не знал, и поэтому двигался быстро.

Большинство людей в бараке, судя по одежде, были как раз теми, кого я разыскивал. Ученый люд, егеря, спасатели и три пилота. Но, кроме того, были и люди мне вполне знакомые. В/ч 4410. Подразделение «Изумруд» в половинном составе. Если их не упомянули при инструктаже, то, скорее всего, просто списали в расход. Или затеяли еще какие игры. Да плевать. Своих ребят я, если надо, на горбе через минное поле перетаскаю. Впрочем, чужих здесь и нет.

Судя по остекляневшим глазам, мой старинный друг и сослуживец Эркен Джаналов пребывал в коме или около того. Но это тьфу для препаратов безвестных кудесников из НИИ тонких химических технологий. Уже через три минуты он расслабленно хлопал ресницами, пытаясь собрать мысли в кучку.

– Я, что, представился?

Я рассмеялся.

– Нет, дорогой. Это пока еще не тот свет. И я не архангел с трубой.

Он подвигал шеей, и я почти явственно расслышал скрип шейных позвонков.

– Все. – Я положил руку на его плечо. – Собирай мозги, и попрыгали.

– А они? – проскрипел Эркен, имея в виду братков, развалившихся вокруг в живописных позах.

Я с сомнением осмотрел свою обедневшую аптечку.

– Ну, может, еще на двоих хватит...

– Тогда Волка и Сника!

– Разумно, – похвалил я выбор Эркена.

Эти двое были, пожалуй, лучшими штурмовиками в нашей беспокойной компании. Остальные пока пусть подождут лучших времен. А уж эти запалят хвост оборзевшим аборигенам...

Еще через десять минут слегка обалдевшие от химикатов и всего, что произошло, ребята, получив GPS и всяческие инструкции и рекомендации по поводу извлечения аварийных контейнеров и непопаданию в подобную ситуацию, уползли в ночь.

Так. Уже легче. Я действительно испытал облегчение, выпустив эту злобную троицу наружу. Даже если я спалюсь на хрен, эти дождут здесь все и без моей помощи.

Но среди лежащего вповалку служивого людя я заприметил еще одного человечка, которого здесь, в принципе, быть не должно. Дородный батюшка в грязной, местами разодранной рясе и спутанными волосами был тем человеком, на которого я извел свой последний шприц-тюбик.

Он тоже долго хлопал глазами, а когда открыл рот, собираясь что-то сказать, я не очень вежливо прикрыл его затянутой в перчатку рукой и приложил указательный палец к губам.

Он сразу все понял, даром что служитель культа, и мелко закивал головой. Ну и славно.

– Ты кто? – прошептал хрипловатым голосом оклемавшийся поп.

Я подумал секунду, подбирая точный аналог, и так же тихо ответил:

– Государев палач.

Он снова кивнул, но уже печально.

– Они же не ведают, что творят...

Я прервал его.

– Для начала я и сам пока не ведаю, что тут происходит. Может, просветите?

Батюшка горестно вздохнул, оправил рясу, провел рукой по седым волосам, огладил бороду и попытался было схватиться за крест, которого не было. А не найдя его на привычном месте, поп вздохнул еще более тяжело.

– Примерно с год назад, на Марью-великомученицу, разбудил нас гром великий. Все, кто ходить мог, из домов повыбежали. Думали сначала – ероплан рухнул, но потом на лугу узрили ямину огромную. Ямина та водою из озера вначале напилась, а потом все стихло. Через какое-то время стали замечать, что в яме и озере вода стала прибывать. Причем быстро. Тогда еще пьяный Киря полез в яму за каким-то лешим и утоп. На моих глазах это было. Враз человека не стало. Как дернули его на глубину. И сразу в воде будто кто молоко разлил. Так мутно-бело все стало. Я тогда еще предлагал пару мин бросить от греха. Не послушали, ироды. Потом вся эта бесовщина и началась. Явления всякие, словно бы чудеса. – Он неожиданно зло сплюнул на пол. – Прости мя, Господи! – и двуперстно перекрестился. – Только от водяного этого чертовщиной за версту несет. Дьяк у меня ночью поперся на берег, прости, Господи, дурака, с иконой. Изгнать беса, стало быть, хотел. И пропал. А через два дня этот водяной ликом стал ну чисто Христос с иконы нашей, и заговорил словами дьяконовыми. Тот тоже, кроме «Жития», не знал ничего. Я и так нашим остолопам, и этак! Да куда мне против расчудесных. Тут и народишко, смотрю, вроде как умом тронулся. Кто на озеро новое молиться ходил, те вовсе пить перестали. Ходят, словно истуканы, а в глазах муть стоит. И по всем берегам словно шелков моток размотали. Тоненько так, серебряно. Только кто на ту нить наступил, прежним уже не воротился.

Ваших-то, кто на нитку ловился и дураком не стал, полумертвых в этот барак сносили. А кого и в озеро бросили. Водяного умасливать. Ну и водяной этот... тоже.

– Что тоже?

– А то: если из того озера студня набрать, в какой вся вода из него превратилась, да тот студень к ране приложить, то через час или мене от раны один шрам будет. Да и тот к утру истает. Мужички наши сначала сами лечились, а потом, кто посметливей, в город подались. И стали к нам гости высокие захаживать. Прилетит такой на вертолете, походит кругами, с водяным поговорит, зачерпнет студню и летит себе восвояси. Только у энтих глаз не от озера мутный. Он с рождения такой. И душа у него мутная. Глянешь такому в очи, так в три дни не отмыться.

Старик все говорил и говорил, а я наматывал его слова на диктофон и сумеречно размышлял, что мне делать со всем этим инопланетным вторжением.

Теперь становилось ясно, почему не сработал ядерный заряд. Видимо, высокие покровители здешних чудес решили не портить экологию и получить все дивиденды сполна.

Занималась заря. Небо сквозь дыру в потолке уже не было серым, а голубело близким рассветом. Знаток этих мест, батюшка, канул в предрассветную синь знакомой ему одному тропкой, а я собирался уже податься в близкий лес, когда с караульной вышки сухо щелкнул одиночный выстрел. Вполне удачный, с моей точки зрения, так как взметнул только облачко пыли далеко в стороне. Диким зигзагом, сбивая прицел-стрелку, я рванул к перешейку между озерами, собираясь по нормальной воде переплыть на ту сторону. Но, ступив на то, что казалось водой, я обнаружил твердую и прозрачную, словно стекло, поверхность под тонким, всего в пару сантиметров, водяным слоем. Было похоже, будто я двигаюсь по ребру огромной чаши.

Когда, казалось, другой берег уже так близко – протяни руку и достанешь, я глянул себе под ноги и обмер. На глубине, сквозь хрустально – прозрачную жидкость, было видно, как колыхались странные, похожие на сдувшийся футбольный мяч с хвостиком, тени. И только разглядев повнимательнее хвостик, напоминавший размахившийся на волоконца канат, я понял, что это. А поняв, похолодел. Человеческие мозги, вкупе со спинным, и все ствольные нервы, неведомо как отделенные от тел, плавали там у самого дна. Почему-то я твердо знал, что мозг еще жив.

Я только вздохнул, переводя дыхание, когда сильнейший удар швырнул меня в воду, и, пропахав по жесткому водоразделу между озерами несколько метров, я въехал носом прямо в кусты.

То, что меня подстрелили, это понятно. Вопрос, насколько качественно. Сквозь горячую боль я аккуратно подвигал левой рукой. Вроде кость не задета. Это хорошо. Пуля, судя по крови на передней стороне плеча, прошла насквозь. Тоже неплохо. Моя замечательная, густая, словно сироп, кровь медленно просачивалась сквозь ткань. Поскольку я уже достаточно налюбовался своей новой дыркой, самое время оказать себе первую помощь. Чертыхаясь от боли, я отполз поглубже в кусты и замер. Вокруг, перламутрово переливаясь, везде, куда глаз хватало, змеились серебряные нити. Стоит мне снять куртку – и все. Привет. Ладно. Посмотрим на чудо естественной регенерации. Кровь уже схватилась плотной корочкой и больше не текла. Но стоило мне высунуться из куста, как над головой звонко вжикнула пуля. Ну, гад! погоди, я тебя достану...

Собирать винтовку одной рукой в лежачем положении было, мягко говоря, неудобно. Я шевельнул ветку и, сориентировавшись на звук выстрела, в быстром темпе трижды нажал на гашетку. Вдалеке что-то вскрикнуло, хрустнуло, и через паузу раздался глухой звук падения.

То-то же! А то развел тут тир, понимаешь...

Нити, переплетающие куст, вились так густо, что нечего было и думать пролезть сквозь них. Сам я был настолько мокрый, что пользование электрошокером имело бы вполне ощутимые обратные последствия.

Если я еще и не в вагоне для некурящих, то, во всяком случае, сильно рядом. Одну из немногих вещей, которые я мог сделать, я сделал, состыковав радио и диктофон. Спутни-

ковая радиостанция сделала исповедь священника достоянием узкого круга общественности. Хорошо, что не нужно ползти через линию фронта, доставляя разведданные. А плохо то, что линии фронта нет. Вокруг своя земля. Вот только крысы на ней завелись. Большие такие, кусачие...

Ладно, посмотрим, кто кого.

Аккуратно, стараясь не зацепить проклятые нитки, я полез вперед. Боль в плече была адской, но обезболивающие препараты, как ни печально, я уже истратил. Так что скрипи, боец, но терпи. Я уже видел просвет среди плотно переплетенных ветвей орешника и, сделав последний рывок, высунул голову наружу. И только успел увидеть летящий в лицо приклад, как мир выключился.

Привели меня в чувство интеллигентно. Нежно, я бы сказал. Всего-то навсего вылили ведро воды на голову. Но, к сожалению, перед этим прикрутили к металлическому стулу так, что я и мизинцем пошевелить не мог.

Обычная комнатка в деревенском домике, с невысоким потолком и маленькими подслеповатыми оконцами.

В комнате, кроме меня, были еще трое, лет, примерно, тридцати-сорока, коротко стриженные, без бороды и усов, а один вообще с бритым наголо черепом. Одеты человеки были в стандартный камуфляж родного российского производства, но при этом меньше всего они были похожи на военных. Двое сидели на почерневших от времени табуретках, а один стоял рядом с ведром в руках и довольно скалился щербатым ртом. По виду и повадкам – типичные зэки. Из какой только дыры вылезли эти тараканы по мою душу!

– Я ж тебе говорил, Коряга, проверенный способ!

Улыбчивый нагнулся и поставил ведро к стене.

– Ты ведро-то не убирай, – лениво с презрительной усмешкой процедил бритый. – У нас такой разговор с этим фраером будет, что оно еще не раз пригодится, – и уже обращаясь ко мне: – Тебя как звать-то, смертничек?

– Меня не зовут. Я сам прихожу.

Тот, который стоял рядом, резко и, как, наверно, ему самому казалось, неожиданно ударил меня кулаком по губам. Эти номера я еще в школе проходил. Но нос он мне все-таки расквасил. А тем временем ведроносец распалился не на шутку. Он пинал мое несчастное тело, размахивал кулаками и вообще вел себя отвратительно. В итоге он огрел меня чем-то тяжелым, и я вновь вырубился. Дальнейшее описывать бессмысленно. Меня снова и снова окатывали водой, потом опять били. Из-за поднявшегося на запредельную высоту болевого порога я расхохотался. Смешным было все. Как пытели мои палачи, пытаюсь ударить по почкам сквозь спинку стула, и как горели их свинячьи глазки...

Кончились танцы внезапно. Резкий окрик, и все стихло. Мой стул опять привели в нормальное положение, плеснули водой. Но уже немного. Видать, кончилась. С огромным трудом разлепив один глаз, я внимательно осмотрел своего неожиданного спасителя.

Лет около сорока, все в том же камуфляже и высоких начищенных до блеска ботинках, с тонким, я бы сказал, интеллигентным лицом в обрамлении аккуратно подстриженной шкиперской бородки и крепкой, даже атлетической фигурой.

– Эх, урла... – он жалостливо осмотрел понурые рожи зэков. – Это же вам не колхозник-деревенщина. Это элита. – Он поднял вверх указующий перст. – К нему нужен особый подход.

Он подошел совсем близко.

– Особый! – повторил он с гордостью и некоторым садистским наслаждением. – До завтра отдохнешь, а потом... – Он помолчал, придавая веский смысл словам. – Девочек... красивых... молоденьких будем резать по кусочкам, а ты, если не хочешь, чтобы их крики снились тебе всю жизнь, запоешь, как соловей.

Идиот. Он не понимал, что даже если вырежет на моих глазах детский приют, то все равно ничего не услышит. Во всяком случае, правды. Вот только жить после этого вряд ли получится. Тут он прав.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но какая-то мысль заставила его вернуться с полдороги.

– И не надейся сбежать.

С этими словами он медленно вытащил из кобуры «ТТ» и, смакуя выстрелы, словно деликатес, прострелил мне обе ноги выше колена.

Очнулся я в грязном вонючем помещении. Судя по несмолкаемому звуку капли – подвал. Темно, словно в гробу. Поэтапная ревизия тела дала такие результаты, что я сразу же попытался о них забыть. Сжав зубы от боли, я усилием воли собирал воедино все резервы организма, но что-то, видимо, разладилось. Усталость и боль раз за разом смывали меня в беспамятство. Будь у меня стимулятор или обезболивающее. А так... Регенерироваться мне не дадут. Это ясно.

Я попробовал пошевелиться и в голос застонал от дикой боли, пронзившей каждую клеточку тела. Не смог сдержаться.

– Ты живой?

Господи! Никак компаньон? Я вновь сделал попытку перевернуться, впрочем, достаточно вялую, и был мягко, но уверенно подхвачен тонкими, но крепкими женскими руками. Внимательные пальчики прошлись по разбитой голове и остаткам комбинезона.

На девичьих коленях голове оказалось намного удобнее, и даже боль, нещадно терзавшая тело, от ласковых прикосновений забила в дальний уголок.

– Ты кто?

Я лишь несколько секунд перебирал варианты ответа.

– Call sign Snake (позывной Змей).

– Call sign Astra (позывной Астра), – просто ответила она.

Никакого душевного разговора, к сожалению, состояться не могло, так как возможность провокации со стороны моих гостеприимных хозяев вовсе не исключалась. Но просто поговорить... Это можно.

– Допрашивают? – проскрипел я.

– Нет. – Она помолчала и глухо продолжила: – Напиваются каждый вечер и насилюют. А других девчонок убили.

Тут ее выдержка дала сбой, и все тело вздрогнуло.

– Ножом вырезали груди, прижигали огнем... А парня одного, совсем мальчишку, изнасиловали и посадили на кол.

Я промолчал. Да и что тут ответишь... Можно сказать, каждый солдат свою смерть в рюкзаке носит. Но так... Вопреки моей воле и даже желанию страшная черная ненависть прорастала во мне. Все тело завибрировало, словно басовая струна. Дикий спазм свел все тело, скомкав его в позе эмбриона. Астра что-то шептала, ласково гладила меня, а я сквозь пляшущие в судороге зубы все пытался протолкнуть какое-то слово.

Голова была пустой и гулкой, и когда мне удалось наконец вытолкнуть его из себя, исторгнуть, словно страшное богохульство, оно отозвалось гулким эхом, прокатившимся по мне, будто по трубе, дробя сознание на мелкие кусочки. Из глаз брызнули искры. И вдруг боль ушла.

Отступила, как вода. А вместо нее белая, пузырящаяся и колко искрящаяся пена заполнила мою опустевшую оболочку до краев.

Испытываемое мной чувство ничем не напоминало ощущения во время боя у Хранителя. Это было и невероятное блаженство, и страшная мука одновременно. Меня долго и обстоятельно рвало, пока я, вконец обессиленный, не затих, свернувшись калачиком. Похоже, дамочка с косой, так долго гонявшаяся за моей шкурой, скоро наконец-то получит желаемое. Не теряя времени, Астра разорвала на полосы остатки своей одежды и перевязала мне раны. И мне как-то полегчало...

Неторопливо капали минуты, а за ними часы. Внезапно сверху раздались тяжелые косолапые шаги и лязг засова.

Когда крышка подпола с грохотом распахнулась, на несколько секунд наступила тишина.

– Ну, ты... Тварь ментовская. Ползи наверх! – Стоявший наверху пьяно захохотал. – Соскучилась, небось? А, тварюшка?

Астра легко коснулась моего плеча и уже собиралась встать, когда я, мертвой хваткой вцепившись в ее крепкую мускулистую руку, отбарабанил «немым» кодом: «Затаись».

Короткая пауза, и Астра мягко и беззвучно кувыркнулась в дальний угол подвала.

– Ну? – стоявший наверху хмыкнул. – Нашла себе козла поспособнее? Ща гранату кину, будет вам обоим... – И после паузы: – Ну, пи...а, держись.

Несмотря на боль, терзавшую все тело, я, как мог тихо, подполз к лесенке. Кряхтя и матерясь, удерживая одной рукой фонарик, а другой пистолет, помогая себе локтями и плечом, по скрипучим перекладам спускался один из моих недавних мучителей.

Он уже оборачивался, подслеповато щурясь, когда я, позабыв о ранах, одним движением подбил ему колени и, обхватив урку за шею, свернул ее набок.

Так, пистолет типа ТТ – хорошо. Пол-обоймы. Нормально. Граната – просто отлично. Запасных обойм и даже патронов россыпью нет. Засранец. Щегол драный.

– Астра, – тихо окликнул я.

– Здесь.

Короткий шорох, и она уже рядом.

Я сунул ей пистолет в руки и тихо скомандовал:

– Зачистка.

Не увидел, но почувствовал, как она согласно кивнула.

Затем, медленно перебирая руками лестничные перекладыны, я тянул свою избитую и простреленную тушку наверх. К моей радости, плечо совсем не болело. А вот ноги, напротив, саднили немилосердно. «Это еще что...» – вяло подумал я. А вот когда мне придется на них встать всем весом...

Извиваясь телом, словно насаженный на рыболовный крючок червяк, я выполз из подвала и прислушался. В соседней комнате кто-то храпел, а невдалеке неразличимо звучали глухие голоса, и звенела посуда.

Подавляя усилием воли нарастающую боль, я медленно встал и сделал первый шаг. Потом еще один, и еще, пока с удивлением и радостью понял, что ходить все-таки могу. Обернулся на слабый шорох, увидев вылезающую Астру, жестом показал на дверь, за которой слышались голоса, и показал два пальца, потом на ту, за которой храпели. Она кивнула и вполне профессионально скользнула к дверному косяку. Затем мягко шагнула в черноту. Храп на какие-то мгновения сменился на бульканье и стих. Потом еще один шорох и легкий хруст, словно неосторожный путник наступил на веточку. Астра появилась в дверях, показывая два пальца.

Молодец. Я одобрительно сморщил губы в жалком подобии улыбки. Потом замер, собирая силы в кулак. Моя неожиданная партнерша уже стояла рядом, хищно скалясь, словно волчица перед прыжком. Так и не придумав ничего путного, я рывком распахнул дверь. Не давая

сидящим за столом ни секунды на размышление, я двумя короткими тычками убил обоих. Третий, неожиданно для меня оказавшийся в этой компании, сидел у самого дальнего конца и уже вставал на ноги, когда фаянсовая тарелка, отсалютовав напоследок брызгами обедков, перебила ему шейные позвонки.

Тишина. Вроде никого не разбудили.

Ковыляя на непослушных ногах, я двинулся в обход дома. Когда мы с Астрой через несколько минут встретились, то были обвешаны стволами, словно две походные оружейные лавки. Своего барахла я, правда, не обнаружил, но зато нашелся раритетный маузер «Астра» со сменной обоймой и «МП-5А 3 Хеклер» с глушителем. Маузер, естественно, я отложил в сторону, а вот тихий и весьма практичный автомат пришелся мне по душе. Конечно, это не «Вал», но по-своему очень приятственная штучка. Тем более что патронов к этому зверю нашлось достаточно.

Покончив со срочными делами, я разделся и принялся методично обследовать тело на предмет повреждений.

Все оказалось не так плохо. Если не брать в расчет внутренние гематомы после побоев, так просто прекрасно. Раны уже зарубцевались, и если не обращать внимание на сильную боль, то я, можно сказать, почти здоров.

Моя спутница молча наблюдала за происходящим. Она уже переделалась в чей-то камуфляж, и если бы не здоровенные синяки под глазами, тоже выглядела бы вполне сносно.

– Ты у нас кто по званию, Астра? – спросил я, морщась от боли и натягивая снятую с одного из бандитов форму.

– Прапорщик, – неуверенно ответила она.

– Ага. – Я закончил одеваться и рассматривал ноги лежащих вповалку на предмет подходящей обуви. Вот это, пожалуй, подойдет. – А я, радость моя, полковник. Так что слушай, голуба, боевой приказ. – Я тяжело выдохнул, собираясь с силами, и продолжил: – Сейчас мы тихо, огородами, выбираемся из этого гадючника и подаемся в леса.

Она с готовностью кивнула, и, подхватив со стола ручной пулемет Калашникова (где только нашла?!), вышла из комнаты. С партнером мне явно повезло...

Я подумал немного, и, расставив гранаты по кармашкам подвески, и прихватив вдобавок к автомату «стечкин» и маузер, решительно похромал на выход.

Едва мы вышли на заднее крыльцо, я поймал боковым зрением очень напряженный взгляд, каким Астра посмотрела куда-то в сторону.

– Какие-то долги?

Она молча кивнула и напряженно облизнула пересохшие губы.

Я тяжело вздохнул.

– Надо оплатить. Веди.

– Не успеем, – с тихим отчаянием сказала она и передернула плечами.

– Успеем. – И дальше разговор пошел только на пальцах.

Тот дом?

Она кивнула.

Заходи сзади.

Домик, который так заинтересовал Астру, был когда-то или сельской управой, или еще чем-то подобным. Широкое крыльцо под навесом, просторные сени и довольно обширная горница. Несколько спящих вповалку мужиков уже никогда не проснутся. Спутниковый телефон. Сломаем. Ворох бумажек. Прихватим. А, в общем, тихо и скучно. Может, второй этаж?

Стоило мне ступить на лестницу, как я понял, что Астра здесь уже побывала. Лежащему навзничь мужчине вырвали кадык, и он тихо булькал, истекая кровью. Старательно обходя кровавые ручейки, я поднялся на второй этаж, когда тихий звук, похожий на всхлип, заставил меня замереть.

Две двери. Одна полуоткрыта – пусто. Кровать холодная. За второй в красноватом свете газовой лампы в затейливой конструкции из веревок висел, подвешенный к потолку, тот самый кадр, который прострелил мне ноги. Именно его придушенный всхлип нарушил ночную тишину.

Астра почти закончила. Из отрезанных гениталий тонкой струйкой сочилась кровь. Жизни ему при такой кровопотере от силы часа два. Но у меня появилась еще одна идея. Острым, словно скальпель, ножом, я аккуратно вскрыл нервный узел, и перерезал нерв, идущий к голосовым связкам. После чего вынул кляп.

С выпученными от боли глазами, он широко раскрывал рот в беззвучном крике.

Увидев, что я сделал, Астра благодарно кивнула мне, после чего мы покинули дом.

К утру мы выползли на южную оконечность озера. Изрядно ошипанные, но непобежденные, как сказал кто-то из классиков российской мультипликации. Уже примерно с час у нас на хвосте висела приличных размеров группа преследования. И самое скверное, что двигаться я до сих пор толком не мог, и соответственно не успевал к месту встречи. Правда, продвижение преследователей было несколько омрачено гранатными растяжками, но в целом, судя по равномерно ухающим разрывам, вполне целеустремленным.

– Астра!

– Слушаю, – мгновенно отозвалась она.

– Давай сюда своего зверя, а сама рысью до окраины болота. – Астра молча кусала губы, но не возражала. – Оно большое, так что не промахнешься. Если пойдешь вдоль края на восток, будет хитрой формы заводь. Она там такая одна. Как допрыгаешь, просто скажи вслух: «Сник, Волк или Джинн». Это мои друзья. Если обернешься быстро, то вы успеете. На, – я протянул ей «хеклер». – Возьми. – И уже совсем другим тоном, жестко и властно: – Исполнять!

Не сказав ни слова, она развернулась и канула в заросли. Ну ладно. Эта девочка уже нахлебалась сверх всякой меры. Дерево, поваленное на пенек, оставило между собой и мягким лесным грунтом узкую, но вполне достаточную для пулеметного ствола дырочку.

Моя запасливая спутница прихватила аж семь больших пулеметных дисков. И я тоже не оплошал. Четыре мощных «эфки» и две «РГД» лежали ровными ребристыми бочонками, ожидая своего часа. И судя по звукам, скорого.

Справа озеро. Там не обойдут. Слева широкая подболоченная проплешина с реденькими клочками осоки. Тоже неплохо. А прямо в лоб – милости просим.

Осторожно, боясь поймать новую растяжку, на поляну вышла троица кое-как одетых преследователей. Сразу было понятно, что их пустили вперед, как свиней на убой. Не будем разочаровывать дирижера. Короткая экономная очередь срезала их, словно тонкое деревце.

На какое-то время воцарилась тишина. Потом из леса ударило несколько истеричных автоматных очередей, и вновь все стихло. Нет, если дело и дальше так пойдет, мои парни вполне успеют. Мечты, мечты, где ваша сладость...

Видимо, перегруппировавшись под прикрытием совершенно неприцельного автоматного огня, сразу с двух сторон бегом кинулись десятка два человек. Метнув гранату в тех, кто был справа, я несколькими короткими очередями вспахал жирный дерн на левом фланге так, что земля брызнула во все стороны. Спрятаться там было негде, и, полосонув еще разок для верности, я перенес огонь на другую сторону, где кто-то еще шевелился в чахлай траве.

Отшевелился. Я аккуратно переполз в сторону. И вовремя. Бухнуло сразу несколько подствольников, и чуть левее моей старой позиции звонко гроыхнуло.

Нет, господа, так дела не делаются. Один из стрелков задрал ствол слишком высоко – никак высоким навесом стрелял – и тут же стал мишенью. Ненадолго.

И вновь стало тихо.

Теперь, надо полагать, пойдут люди посерьезнее. В подтверждение последней мысли, в пенек, совсем возле моей головы, сухо чмокнула пуля из бесшумной винтовки. Машинально

я упал лицом в теплую влажную землю. И сразу вжикнуло еще и еще. И к бабке не ходи, что под прикрытием огня снайперов в мою сторону ползут злобные негодяи, жаждущие снять с меня скальп.

Я выдернул кольцо и разжал руку. Послушно шелкнув, из гранаты полез тоненький дымок.

Пятьсот один, пятьсот два, и я мощным броском подкинул ее по высокой дуге вверх. Радиус сплошного поражения сто метров. Но в отличие от меня, уютно лежавшего за пеньком, люди на лужайке не имели укрытия, а стало быть, даже шансов на выживание у них не было. Хотя математика, и особенно та ее часть, которая ведаёт статистикой, некий процент на подобного рода чудеса все-таки отводила.

Припасенной заранее длинной палкой я аккуратно шевельнул травинку.

Чпок! С мрачным удовольствием я наблюдал, как кучно ложатся пули. Да. Мастерство, как известно, за деньги не купишь.

Аккуратно, по миллиметру, подхватив пулемет на локтевой сгиб, я пополз в сторону давно облюбованной мною кочки. Так себе укрытие. Но за неимением лучшего...

Успел как раз вовремя, чтобы увидеть, как мою прежнюю точку накрывают дружным залпом из подствольников. А потом, под прикрытием плотного автоматного огня, мимо меня бешеным зигзагом рванула целая орава.

Добежали не все. Точнее, никто не добежал. Дальнейшее помню смутно. Помню, как поливал лесную опушку свинцом, выкрашивая в труху древесные стволы, помню, бросал гранаты...

Очнулся я только тогда, когда, почувствовав спиной движение, крутанулся вбок, выдерживая из кобуры пистолет. И уже всаживая пули одну за другой, я понял, что человек был мертв. Он завалился набок, показав свежие дырочки в спине.

– Змей, – тихо донеслось из дальних от меня кустов.

– Эркен? – Веточка аккуратно кивнула два раза.

Ну все. Кавалерия прибыла. Я откатился подальше в сторону, уходя с директории огня, и с удовольствием наблюдал, как ребята в четыре ствола (вот девка неугомонная) подпаливают хвост моим загонщикам.

Не ожидавшие такого поворота событий, нападавшие дрогнули и рассыпались по лесу.

Самым лучшим событием дня стала встреча со старыми друзьями и сослуживцами по бывшей Конторе. Без слов, молча, мы смотрели друг другу в глаза, а потом, словно стряхивая наваждение, Эркен, отвернувшись, и одним движением сбросив с плеч лямки «аварийного» контейнера, поставил его рядом со мной.

Пока я разбирался с плотно упакованной амуницией, Сник и Волк залегли по сторонам в боевом охранении а Эркен, взяв в помощники Астру, взялся за мои раны.

Маленькая пластмассовая коробочка с коротким антенным хвостиком и единственной кнопкой на корпусе пробудила спящего где-то неподалеку зверя по имени «Крест». Спецгруппа зачистки. Собственно говоря, пора и честь знать. В смысле сваливать. Но мне казалось, что одно дело еще требовало завершения.

Жестом остановив врачевавшего мои ноги Эркена, я стал натягивать штаны.

– Э? – Опешил он.

– Одно маленькое дельце, Джинн. Астра, прогуляйся. – Я расстелил на траве карту. – Тебе с ребятами, – вытащить остальных. Егерей, спасателей, ребят из Академии наук... Всех. Возьмешь из второго контейнера детонационный шнур, и вот здесь, – я провел ногтем линию, отделявшую бараки от фальшивого озера, – полосой перебьешь все нити. Раздать оружие, занять позиции и держаться до прихода спецкоманды. Ясно?

Кивнув мрачно и сосредоточенно, он сжал губы в плотную линию.

– Ясно. А ты?

– У меня свои танцы.

Я проводил уходящую в маршрут четверку тоскливым взглядом и поднялся на ноги. Боль от ранения напомнила о себе лишь короткой вязкой вспышкой и тут же стихла. Ну и славно. Полностью экипированный из аварийного комплекта, пусть не так, как вначале, но тоже неплохо, я был готов к своей маленькой личной войне.

Гель-озеро, как я его про себя называл, открылось, едва я обогнул раскидистый куст.

– Эй, водяной, или как-там-тебя. Выходи, – проговорил я, не особенно надеясь на успех.

Все, что надо для достойной встречи я уже приготовил, и теперь просто ждал. В основном потому, что люблю, как тот князь, предупреждать: «Иду на вы».

Тишина и покой. Ладно. Посмотрим, в каком месте у тебя смерть, Кощей. Я выдернул кольцо из гранаты и метнул прямо в середину зеркальной глади озера. Положенные четыре секунды миновали, а взрыва все не было. А вот так? Я положил ребристый бочонок на ладонь и, дернув кольцо, отсчитал две секунды и запустил ее в одну сторону, а сам рыбкой нырнул за бугорок. Новая граната, как и задумано, рванула прямо над поверхностью, стеганув студенистую жижу осколками. И вновь тишина.

Так. Чувствую, намек не понят.

Мины МОН 25, взятые исключительно из соображений «в хозяйстве все сойдется», давно уже зеленели у моих ног своими полукруглыми тельцами. Но будить водяного черта я собирался не этим. Тонкая антенная проволока, автоматный шомпол и еще один армейский шокер – вот та комбинация, на которую я очень надеялся.

Разряд! И озеро будто вздрогнуло. Второй, третий... Тяжелые мутные волны шевельнули поверхность и, будто живые, побежали в стороны. И, словно взрыв, над водой выплеснулись водянистые белесые щупальца и метнулись в мою сторону.

Я только успел нырнуть за спасительный бугорок, когда грохот от двух мишенных мин почти оглушил меня. Осторожно я выглянул наружу. Срезанные направленным взрывом щупальца размело во все стороны. Над водой торчал лишь венчик, окруженный короткими обрубками. Поднапрягшись, я запустил в него еще одну гранату. И, наверное, святой Георгий направил мою руку, ибо граната попала в самый центр оборванных щупалец. И в этот момент они с шумом погрузились на глубину. Я уже успел пожалеть о том, что истратил последнюю гранату так бестолково, как на глубине что-то протяжно ухнуло и через полсекунды взлетело на воздух фонтаном каких-то ошметков. Озеро словно вздрогнуло и затихло. Ну все. Кажись, отмутился вторженец.

Я сделал уже несколько шагов в сторону, как что-то заставило меня резко обернуться.

Длинное шипастое щупальце со свистом рассекло воздух как раз в том месте, где я должен был находиться. По инерции оно захлестнуло широкой петлей, и с треском распрямилось, пойдя волной в мою сторону. Сам не очень понимая, что именно я делаю, – я развел ладони в стороны, и, ухватив правой несуществующую рукоять меча, рубанул крест-накрест. И на месте щупальца осталось лишь небольшое облако смрадного дыма быстро тающей формы. И так же, словно подчиняясь чьим-то подсказкам, я раскрыл ладони к небу. Секунд пять было тихо. А потом огненный столб рухнул с неба, выжигая озеро до чуть дымящейся воронки.

Последнее, что я успел услышать, оседая безвольным кулем в чьи-то крепкие руки, было:

– Колдуна в «вертушку»! Если загнется, всем жопы порву!

7

День начинался на редкость отвратительно. Снова кружилась голова – косвенное напоминание о давней прогулке по теплым африканским краям. Сейчас даже не скажешь, повезло тогда мне или нет. Плата за сверхвозможности оказалась велика. Велика до... сверхвозможности.

Не вставая с кровати, я отодвинул рукой плотную занавеску, и в глаза ударил сочный сноп горячего южного солнца. Ну, хоть с погодой все в порядке.

Опустив ноги на старенький вытоптанный ковер, я лениво размышлял о том, что сделаю в первую очередь. Завтрак, ванна или разминка. С одной стороны, неплохо было бы размяться, но до ванны вообще жить не хочется, а после захочется есть. Наконец я решил скомбинировать мероприятия. Я наскоро облился водой, натянул новый спортивный костюм и выскочил в парк, примыкавший к гостинице.

В этот час он был почти пуст. Ни степенные пенсионеры, ни бабушки с шумными внуками еще не заполнили его тенистых аллей. Только торопливые прохожие, сокращавшие себе дорогу на работу, суетливо, как захваченные врасплох тараканы, шуршали по красновато-коричневому гравию дорожек. Я хорошо понимал, что чувствует человек, вынужденный работать, когда все вокруг отдыхает. У меня тоже такая планида. Я работаю во время праздников и отдыхаю тогда, когда нормальные люди только идут на работу. И дело тут не в характере моих занятий. Просто другой ритм жизни. Я ночной хищник. Даже встаю по ночам, чтобы поесть.

Ритмично поскрипывая тапочками по направлению к спортивной площадке, я не сразу обратил внимание на еще одного бегуна. Точнее, бегунью. Одета в белоснежный спортивный костюм, она направлялась в ту же часть парка. Легкое недовольство по поводу нежеланного зрителя сразу испарилось, когда я увидел, как она бежит. Двигалась барышня с легкостью и грацией, появлявшейся только после долгих и изнурительных тренировок. Или от природы. Но в любом случае на такое стоило посмотреть. Она бежала, как дышала. Ровно и легко. Когда я увидел, что она сворачивает в сторону, я испытал и разочарование и облегчение одновременно. Любопытно, конечно, было бы взглянуть на нее поближе, но зрителей действительно не хотелось. Именно для этого я и вставал ни свет ни заря, насилюя свой организм, отчаянно желавший спать в эти утренние часы.

Тренировка – это тоже бой, как говаривал один из моих учителей. Растяжки, статические и динамические нагрузки и, наконец, жесткое ката «Ранхин» из «Вьет-до». Ранхин – это вам не показательные па на чемпионатах. Тут не посачкуешь. Сконцентрировавшись на движении, я увидел приближение чужака, как проблеск алого цвета. Тело мгновенно среагировало на команду мозга, но завершить атаку на поражение не дал включившийся тормозной механизм. Мышцы сработали в противоположных направлениях, и я остановился, чувствуя себя, как автомобиль, резко затормозивший на скорости двести км. В облаке резиновой гари и с ревушим на полных оборотах двигателем.

Понемногу дым рассеялся, и я увидел ту самую бегунью. Надо сказать, вблизи она выглядела еще прелестнее. Тяжелый сноп каштановых волос обрамлял красивое девичье лицо с мягкими чертами лица и бархатным взглядом зеленых глаз. Мой любимый цвет, кстати. И костюмчик у нее, между прочим, не с китайского рынка. А вот кроссовки недорогие и нефирменные, а просто удобные тапочки.

– Я не помешала? – спросила она мягким мурлыкающим голосом.

– Уже нет, – через силу улыбнулся я.

– Что это было? – поинтересовалась она.

– Что это? – уточнил я.

– Ну, – она неопределенно повела в воздухе рукой. – То, что вы делали.

– А... Это... – Я постарался рассмеяться как можно естественнее. – Просто дыхательная гимнастика. Приобрел по случаю видеокассету с курсом, и вот.

Я развел руками.

– А меня научите?

Я внимательно взгляделся в ее глаза и понял, что погиб. Ум, красота, молодость и хорошее воспитание в совершеннейшей пропорции. Одна на десять миллионов. Не спугнуть бы...

Я улыбнулся.

– Прямо сейчас?

– Ну, – она шаловливо наклонила голову, как котенок. – Мы ведь в отпуске?

– Хорошо. Только снимите куртку. Сейчас будет жарко.

Улыбаясь, я наблюдал, как белоснежная ткань сползает с загорелых и налитых сталью мышц, и ощущал, как улыбку мою замораживает струящийся из позвоночника холод. Рассматривая тонкие и рельефные руки, я пытался сообразить одновременно две вещи. Айкидо или у-шу, это во-первых. И чей это подарочек. Моих многочисленных друзей или моих не менее многочисленных врагов – это во-вторых.

«Спокойно, Маня! Я Дубровский!»

– Какие красивые у вас руки! Занимались спортом?

Я просто сочился вежливостью и куртуазностью.

Она кокетливо улыбнулась, показав две славные ямочки на щеках, и даже не проговорила, а проворковала:

– Гимнастикой.

«Щас! А я испанский летчик!»

– Долго?

– Нет, только в школе.

«Конечно! Лет пять, как минимум, моя дорогая, ты поливала своим потом и кровью татами...»

– Ну что, попробуем? – спросил я.

И мы попробовали. Как два клоуна на Плющихе. Я показывал движения, делая легчайшие и видимые только профессионалу ошибки, а она их повторяла, совершая ошибки куда более серьезные. Но ошибалась совсем в другую сторону. Баланс – дыхание, стопа – ладонь... Все было на очень высоком уровне. Нет, все-таки у-шу.

– Ну что, на сегодня хватит? – спросил я тоном любящего тренера.

– Да, наверно... – неуверенно проговорила она.

Она выглядела разочарованной. Как ни странно, разочарование, похоже, было вполне натуральным.

Я помахал рукой и затрусил было к своей гостинице, но, не пробежав и пяти метров, был остановлен ее чудным голосом.

– Постойте! – Она быстро подошла ко мне. – У меня сегодня вечеринка, и я хотела бы вас пригласить.

Вместо ответа я кротко склонил голову и шлепнул подошвами кроссовок, словно каблуками.

– Андрей.

Неожиданно она опустила голову и, взмахнув ресничками из-под пушистых бровок, тихо сказала:

– Лена. Придете?

– А куда?

Она просияла, словно я сказал ей изысканнейший комплимент.

– Липовая аллея, 41, в восемь часов.

– А квартира?

– Какая квартира? – удивилась она. А потом рассмеялась. – Нет. Это частный дом. Приходи, ладно?

При этом она заглянула мне в глаза, и я почти растаял.

– Обязательно.

С тем и расстались.

И завтракая, и толкаясь на рынке, целый день я напевал одну и ту же песенку:

В этом мире случайностей нет.
Каждый шаг оставляет след.
Случайностей нет,
И крайне редки совпадения...

(А. В. Макаревич)

Вообще-то надо по идее предупредить местный филиал «Зоопарка».
Телефонная трубка пахла табаком, дешевой косметикой и горячей пластмассой.
– Алло? Это Виктор?
Голос на том конце был вежливым и усталым.
– Виктор на работе. Что ему передать?
– Это его старый приятель, попросите его быть вечером дома. Я перезвоню между шестью и восемью часами.
– Шесть и восемь. Я правильно вас понял?
– Да, все верно. До свидания.
Вместо ответа трубка загудела короткими гудками.
Так, хорошо. Часть дела сделана. Теперь осталось еще немного. Выбрать место, где можно вкусно и недорого пообедать.

8

Мысли неторопливо шевелились в такт шагам, постоянно возвращаясь к одному и тому же предмету. Ибо проблема, из-за которой я торчал здесь в этом городишке, в провонявшей клопами и мышами гостинице, никак не решалась. Проблема называлась длинно и путано. А коротко заключалась в том, что в городе завелся серийник. За ним уже числилось девять смертей, и в преддверии визита Самого, вдруг решили немного подмести. Всякая шушера поспешно сматывалась, солидные люди залегали по тихим дачам, а моя проблема так и не сдвинулась ни на миллиметр. Убивал этот подонок всех подряд. Но был у него свой «фирменный» почерк. Удар в голову. Как говорилось в одном милицейском протоколе, «...тупым тяжелым предметом, возможно, головой...». Или кулаком, добавил бы я. Именно так погиб Бегемот – оперативник из группы «Агат». Неслабый, кстати, опер. И весом более центнера. Очевидцы твердили что-то несуразное. Не то великан, не то тигр-людоед. Неясного вида следы, пара отпечатков пальцев, не проходивших ни по одной картотеке, клочок шерсти, сведший с ума экспертно-криминалистический отдел... Вот и все, что у нас было. Милиция и контрразведка круглосуточно перепахивали город, но все было тщетно. И как решающее средство, была поднята моя команда.

В общем, именно в эту честь меня практически сняли с моей любимой секретарши, надали кучу более или менее полезного барахла и огромную гору совершенно бесполезных советов, отправили в этот, в общем-то тихий, а по случаю разгара сезона битком набитый курортниками город.

Лавируя в праздной толпе, я неторопливо направился в небольшой ресторанчик с задумчивым названием «Тихая пристань». Пристань здесь была действительно тихой, и кормили вкусно. Хозяин заведения и повар по совместительству Зураб Кочиа был настоящим мастером своего дела. Сюда приходили поесть и просто посидеть те, для кого еда была процессом, а не результатом. В уютных кабинетах было прохладно даже в самую разнузданную жару, а с террасы ресторана было видно море и ароматно пахло дымком от большой чугунной жаровни, у

которой и священнодействовал батоно Зураб. Собственно говоря, это и была точка «шесть-восемь».

Меня здесь уже узнавали, потому обслужили быстро и качественно. Полтинник перекочевал из моего бумажника в кармашек фартука официантки, оставив мне в качестве компенсации чувство сытости и кучу мелочи.

Лениво бредя по раскаленным улицам приморского города, я размышлял о затайливой судьбе, ждущей мою скромную купюру в пятьдесят евриков. Сначала ее отвезут на окраину города, в неприметный тихий особняк, главным достоинством которого были шесть подземных этажей, потом затолкают в дурно пахнущую жидкость, и будут держать там, пока не проступят буквы, написанные специальным карандашом. Затем вконец испорченную бумажку просто сожгут, а пепел выльют в унитаз, предварительно размешав его в стакане с водой. Такая вот незавидная доля.

Убивая время до вечера на пляже и на спортивной площадке, я так увлекся, что едва успел заскочить в гостиницу, принять душ и переодеться.

Одевался я тщательно. Все-таки первое свидание. Тонкий стилет со смешным названием «Эфа», специальный ремешок с вмонтированной удавкой и метательным ножом, мягкая и необыкновенно практичная обувь. Часы, гордость нашей фирмы, портсигар, зажигалка и ручка – все было солидным, в меру новым и готовым снизить температуру человеческого тела до комнатной.

В назначенное время я стоял у высоких и широких ворот дома на Липовой аллее. Полная луна не хуже отсутствующих фонарей освещала и особняк с примыкавшей к нему площадкой для разворота машин, и невзрачный пыльный фургончик, скромно притулившийся на обратной стороне дороги. Похоже, вечеринка была в самом разгаре. За восьмиметровой монолитной оградой звучала музыка, и слышались громкие голоса. В длинных витражных окнах высвечиваясь над кронами деревьев башенок мелькали тени. Рассматривая причудливую и почти средневековую архитектуру особняка, я подумал о том, что девочка явно поскромничала, назвав этот дворец домом.

Я нажал на одну из многочисленных кнопочек на корпусе часов, и через двухсекундную паузу они отозвались легкой вибрацией. Значит, все в порядке. Страховка на месте.

Маленькая белая кнопка на серой коробочке с названием Press to talk недвусмысленно намекала на свое предназначение.

Густой бархатный голос, настоящий профундо, сотряс переговорное устройство, словно землетрясение, чуть не вывернув наружу динамик.

– Говорите.

О господи, ну и бас. «Вам, батенька, петь надо в хоре».

– Андрей. Приглашен на восемь часов.

– Вас ждут, – прогудела коробочка и затихла. Зато оживился замок и приводной механизм дверей. С легким шелестом гидравлики и характерным лязгом бронированная дверца распахнулась, пропуская меня внутрь ограды.

Опасливо проскользнув мимо стальных челюстей – «не прищемило бы» – я боковым зрением заметил бегущую ко мне Лену. Одета в легкое шелковое белоснежное платье, она была действительно великолепна. Крепкие стройные золотисто-коричневые ноги, полупрозрачная ткань, под которой шоколадной тенью мелькало гибкое подвижное тело...

– Андрей! Как я вам рада. Пойдем скорее.

Она подхватила меня под руку и буквально потащила по дорожке в дом.

– Так мы на ты или на вы? – спросил я, улыбаясь, и попытался попасть в такт ее суетливым движениям.

Она вновь озорно улыбнулась.

– Но ведь мы еще даже не представлены друг другу! – с шутливым ужасом воскликнула она.

Мы как раз находились в тени большого платана, скрывавшего нас своей ажурной тенью и от дома, и от возможных камер на стене.

– Это легко поправить, – сказал я и в долю секунды сгреб ее в охапку, жадно припав к прохладным и сладким губам. Целую вечность мы стояли, торопливо поглощая друг друга. Затем отскочили в стороны и от неожиданности почти синхронно рассмеялись.

Она укоризненно покачала головой:

– Хулиган...

И уже не приближаясь, махнула рукой в сторону дома:

– Follow me!

– Ya-ya! – Я шутливо отсалютовал рукой и поспешил следом.

9

Лужайка перед домом открылась как-то сразу и вся. Первое, что бросилось в глаза, это какая-то невероятная пестрота толпы. И через секунду я понял, что попал на бал-маскарад. Тут были и дворяне в одеждах разных стран и веков, дамы в кринолинах и даже какой-то экзотический тип в костюме придворного эпохи фараонов. Эта многочисленная толпа бурлила и переливалась всеми цветами радуги, вспыхивая то искрами золотого шитья, то сверканием начищенной стали. Чуть позади и немного сбоку располагалась стоянка автомобилей, заполненная хищно удлиненными телами дорогих иномарок.

Но на лужайку мы не пошли, а завернули по боковой тропинке в дом. Красивое крыльцо из резного белого мрамора обрамляли два великолепных изваяния крылатых тигров из полупрозрачного зеленого камня. Я вскользь коснулся одного, и он отозвался бурным эхом ощущений. Нефрит. Циньская династия. Восстановлен из разбитых кусков. Лежал в земле лет триста, пока не собрали. Интересно, откуда?

Внутри дом действительно оказался настоящим дворцом, сделавшим бы честь любой из правящих и давно ушедших династий. Лепные потолки, позолота и настоящие фрески украшали высокие своды. Изящные витражи на сюжеты классических мифов в высоких стрельчатых окнах и явно хрустальные люстры со свечами – все это рухнуло на меня сияющим водопадом роскоши и великолепия. Но меня увлекали все дальше, и, пройдя по коврам и паркетам длинной анфилады, мы оказались в обширном и немного темноватом зале, заполненном музейного вида витринами. За толстыми стеклами тяжеловесных резных шкафов висели костюмы всех времен и народов.

Прямо напротив меня на трех манекенах портновского вида висели церковные христианские одеяния примерно восемнадцатого века. Монашеская ряса из грубого крупноволокнистого сукна, полный кардинальский и папский парадные костюмы. Массивные створки, легко скрипнув, распахнулись, даря рукам целую гамму ощущений. Дерево, вроде мореный дуб, а вот прозрачная и маскирующаяся под стекло плита – похоже, цельный кусок хрусталя. Затем ряса. Похоже на натуральную овечью шерсть грубого плетения. О господи. Неужели настоящая?!!

Я повернулся к притихшей Лене.

– Это что, все настоящее?

Она гордо и несколько удивленно кивнула.

– Конечно. Если это костюм монаха, то это костюм монаха, понимаешь? Его костюм или предназначенный для него, а не тряпка, пошитая в театральном ателье.

– А это чье? – поинтересовался я, показывая рукой на папский наряд с небрежно привалившейся к основанию манекена тиарой.

– Принадлежало Пию IX, великому греховоднику, – ответила она, рассыпав свой серебряный смех по каменным плитам мрачного зала.

– А это?

Я остановился возле неприметного костюма английского буржуа середины прошлого века.

– О-о... – Она подошла ближе. – Это принадлежало Джеку-Потрошителю. А вот это, – она шагнула к другому шкафу, – форма, в которой Отто Скорцени получал свой первый Железный Крест. Но Дон Альваро не любит об этом вспоминать, – добавила она загадочно.

– А что мне надеть? – спросил я, внимательно посмотрев на нее.

Немного устало, словно выполнив свою основную задачу, Лена обвела весь зал руками.

– Выбирай сам. Но помни, от твоего выбора кое-что зависит.

Не давая мне возможности задать еще какие-нибудь вопросы, она быстро вышла в другую дверь, оставив за собой дорожку упоительно сладкого запаха.

Не в силах остановиться на чем-то одном, я бродил между рядами, казавшимися мне бесконечными. Не могу сказать, что я отношусь к одежде равнодушно, но здесь было из чего выбирать. Мундиры, церемониальные одежды и костюмы всех времен выстроились в неярко мерцавших шкафах живой историей цивилизации.

Но в итоге я действительно нашел нечто, весьма близко соответствующее моему внутреннему состоянию – мундир кавалергарда екатерининской эпохи, сверкавший золотом аксельбантов и бриллиантами искусно инкрустированной шпаги. Осторожно я потянул ее за гарду, будучи в полной уверенности, что увижу просто короткий обрубок клинка, так называемую «парадную шпагу». Но вместо этого с легким звенящим шелестом из черно-золотого чрева серебристой змеей выскользнула полоса хорошо заточенной стали, чуть более метра длиной. Почти не веря своим глазам, я покачал ее в руках, легко крутанул сначала в «тройку», а затем в «пятерку».

«Парадная шпага» оказалась хорошо сбалансированной, а главное, удобной и вполне боевой. Не знаю, кто ее делал и для кого, но эта штука мне нравилась. С легким вздохом сожаления я вложил ее в ножны. Легко свистнув на прощание, шпага мягко стукнулась гардой об устье ножен. Материал мундира, казалось, ждал прикосновения и отозвался уютной прохладой.

Я решительно распахнул створки настерж, и снял манекен с пьедестала в шкафу. Внезапно свет мигнул, и в зал легко, словно мотыльки, вбежали три девушки в легких шелковых платьях. Их невесомые тела закружили меня искристым смеющимся водоворотом, словно я попал в бокал шампанского. Они отобрали у меня мундир, подхватили под руки и потащили в дальний угол зала.

Распахнулась маленькая дверь, и мы ввалились в небольшую туалетную, где с меня быстро и ловко содрали всю одежду, а затем принялись одевать. Несмотря на мою, в общем, нестандартную фигуру, все сидело, будто родное. Я рассматривал свое отражение в высоком зеркале, размышляя о том, как, в сущности, костюм меняет человека. В моем облике уже почти ничего не напоминало человека двадцатого века. Даже легкий шрам на губе теперь уже не казался следом от давней драки, а скорее напоминал о юношеской дуэли.

Последняя вспышка бурной активности, и, вскипев, словно пузырьки, девушки растворились, унеся с собой, однако, почти все мои вещи...

Шестизарядный портсигар калибра 5мм, магнитная зажигалка с часовым механизмом, туфли, разрезающие металл, метательный ремень – все исчезло. Остались только часы. Да и то, наверное, потому, что снять их с руки, не набрав предварительно разрешающего кода, просто невозможно. Черт! Занятый самолюбованием и рассматриванием мелькавших вокруг полуобнаженных фей, я самым постыдным образом прощелкал свое и так немногочисленное снаряжение. Да и хрен с ним. Кое-что все-таки осталось. Часы, шпага. Я приподнял ее змеиное тело

на ладони и легким движением кисти бросил назад. В ответ она хищно и довольно смачно звякнула, выражая готовность побывать вместо ножен в ком-нибудь еще. Ладно, прорвемся. В ауле Катмал вообще ничего, кроме длинного гвоздя, не было.

Я подвигался по небольшой комнатке, привыкая к одежде и, главное, к обуви. Все было на удивление неплохо. Кроме сапог. Резины тогда еще, к сожалению не знали. Ну да не скользят и ладно.

«Ну что, пошли?»

Придерживая ножны левой рукой, я решительно толкнул дверь, в которую удалились девушки. Закрыто, однако, как сказал бы наш батальонный снайпер Эркен Джаналов. А в какую же я вошел? Эта тоже заперта. Оставалась последняя. Внутренне готовый к чему угодно, я чуть не вывалился наружу, не рассчитав усилие.

Шум хлынул на меня, словно поток воды. В бальном зале, залитом мягким светом восковых свечей, было полным полно мужчин и женщин. Среди них сновали, словно мелкая рыбешка, проворные лакеи в расшитых золотом ливреях багрового бархата. С верхней галереи легкими волнами неслась музыка. Я нерешительно сделал несколько шагов вперед и осмотрелся.

За моей спиной на небольшом подиуме стояли два монументальных кресла из черного дерева. Настоящие троны. Сходство добавляли подлокотники, выполненные в виде крылатых пантер. Поражало мастерство резьбы. Под короткой, слегка вздыбленной шерстью кошек ясно проглядывали бугры налитых яростной мощью мышц. Я любовался этой потрясающей работой, когда ко мне подскочил разодетый в белоснежный смокинг неуклюжий толстяк, сделал смешной неловкий реверанс и важно произнес, придыхая и глотая кусочки слов:

– Геерал! Крлева жжет Всс...

Генерал? Я покосился на эполет. Звездочек, естественно, не увидел и немного неуверенно подвигал шей.

– Королева, говоришь? – Я кивнул головой. – Веди!

Он чуть не поперхнулся. И вытаращился на меня, словно я сказал несусветную глупость.

– Как это «веди»? Вы... вы должны сами выбрать ее!

Продолжая улыбаться, я ласково положил руку ему на плечо и склонился так, что мог посмотреть в его глаза.

– За что такая честь?

– Вы гость!

– А остальные?

– Ну... Они... как бы вам сказать... – Он неуверенно помялся, подбирая слова, а затем, видимо найдя их и довольно улынувшись, произнес: – Они... члены... ммм... клуба.

– Я, что же, единственный гость? – я немного подозрительно оглядел его мешковатую фигуру.

– Нет! – неожиданно твердо и торжественно сказал он. – Но выбор за вами.

– И я могу выбрать любую даму на празднике?

– Разумеется!

Он нетерпеливо подвигал копытами.

– А пригласившую меня?

– Попробуйте, – толстяк несмело улынулся. Он обвел зал рукой: – Они ждут, Ваше Превосходительство...

10

Предоставленный самому себе, я бродил по залу, лениво перебрасываясь дежурными фразами с гостями, чем-то неуловимо похожими друг на друга. Все они, даже пожилые, были гибкие, подтянутые и грациозные, словно кошки. Создавалось впечатление, будто я попал на вечеринку спортивного клуба.

Мне улыбались, словно старому знакомому, иногда обращаясь ко мне с пустяковыми фразами на языках, точно соответствующих костюму говорившего.

Пожилый загорелый господин в роскошном шелковом кимоно говорил на чистом японском, правда, с легким непонятным акцентом. Он пожелал мне удачного выбора. И я не нашел ничего лучше, чем ответить ему старинной танкой Басё на императорском диалекте, которым владел довольно сносно. В результате мы обменялись церемониальными поклонами и разошлись, довольные друг другом. Другой господин в расшитом золотом камзоле времен короля Людовика XIV, оживленно болтавший на незнакомом мне языке с девушкой в тонкой нежно-голубой накидке-пеплосе, посетовал на жаркую погоду, правда, перейдя для этого на древнеславянский. Сомневаюсь, что фраза «У природы нет плохой погоды» в моем переводе на старофранцузский выглядела вполне пристойно, но он меня понял.

Женщины в кринолинах, декольте, туниках и еще черт знает в чем, были молоды, если судить по голосам и манере двигаться, и хороши собой, что вытекало из того, как уверенно они держались с собеседниками. Ничего больше сказать было нельзя, так как лица полностью закрывали тонко сделанные маски, многие из которых были настоящим произведением ювелирного искусства. Но той, которую я искал, не было. Это я знал точно, потому что тогда, днем, хорошо запомнил ее запах. А это, как известно, не лицо. Его не скроешь.

В растерянности я оглянулся и поискал глазами того толстяка, а он, встретившись со мной взглядом, мгновенно бросил своего собеседника и подскочил ко мне.

– Господин генерал?

– Все женщины, приглашенные на бал, находятся здесь?

– Есть еще сад, оранжерея, лужайка перед домом...

Я прервал его короткой командой:

– Показывай!

Он только коротко кивнул, проговорил нечто неразборчивое и мелко засеменял в сторону. Не раздумывая, я отправился следом.

Тускло освещенная оранжерея была пуста, если не считать парочки, притаившейся в темноте между розовым кустом и раскидистым авокадо. Я втянул носом густо сдобренный запахом пряностей влажный воздух и прошел мимо. Женщина в объятиях кавалера была молода и возбуждена. Но... не она.

Не нашел я ее и в саду. Зато почти сразу увидел на лужайке, где начались танцы. Одета в черную бархатную амазонку, и убрав волосы в плотный жгут на затылке, Елена ловко танцевала гавот, ярко блестя своей маской, украшенной мелкими бриллиантами и сапфирами.

Не успели ливрейные музыканты закончить танец, как свет над маленькой сценой погас, и включился другой, освещая такую же сцену, но с вполне современными ребятами с электрогитарами в руках. Лихо и бесшабашно они врезали такой рок-н-ролл, что у меня ноги сами стали приплясывать. А Лена, казалось, вообще взвилась, как фейерверочная ракета. И ее партнер, высокий крепкий мужчина в костюме американского фермера, того стоил. Танцевали они просто замечательно. Да и все остальные гости двигались с грацией профессиональных танцоров. Ощущения были, как на чемпионате по бальным танцам. Так все было здорово.

И вновь свет стал гаснуть, но я был уже готов, и, оказавшись рядом с Леной, склонил голову в коротком поклоне.

– Сударыня позволит?

Ни одним жестом не показывая, что узнала меня, она тихо проговорила на валлийском, изменив по возможности голос.

– Невозможно отказать такому галантному кавалеру, милорд.

Музыканты на первой эстраде могли заиграть все, что угодно. Ну, например, краковяк. Но, видно, судьба была милостива ко мне в этот вечер, и, взлетев над садом легким скрипичным аккордом, в воздухе заискрился лучистый вихрь от маэстро Штрауса.

Легкой лодочкой я вел свою очаровательную, но вдруг ставшую такой задумчивой партнершу сквозь волны «Голубого Дуная», а ее упругое и молодое тело нестерпимо жгло мне руки через бархат, словно раскаленная сталь.

– Лена, вы не подскажите, какова дальнейшая программа увеселений?

У нее даже шаг не сбился. Она изящно откинула свою прелестную головку и, не глядя на меня, тихо, но четко и внятно произнесла, как пропела, в ритме вальса:

– Все зависит от вашего желания рискнуть собственной шкурой, генерал!

– Это в честь чего, извините? – улыбнулся я.

– После выбора королевы вам предстоит ритуальный поединок. Только один из вас проведет ночь с королевой.

Почему-то я поверил ей сразу и во всем. Может быть потому, что она говорила о смерти, как говорят хирурги и солдаты. Грустно, но неизбежно.

– А я могу уйти?

– Ну конечно! – она как-то натянуто засмеялась и отвернулась, чтобы не было видно лица. – Хоть сейчас...

– Послушай, – я был терпелив, как любящий отец. – Ни ты, ни твои друзья не выглядят ни придурками, ни маньяками. Что, острых ощущений маловато?

Неожиданно она остановилась и тихо спросила:

– А выжить – это много или мало?

– Вам что, нужны донорские органы? – я уже не шутил.

– Нам нужна свежая кровь.

Я оторопел и оглянулся вокруг. Клыки вроде ни у кого не выросли. Хотя, с другой стороны, до полуночи еще далеко. А моя любимая осина как на грех осталась дома.

– Вы что, вампиры?

Она засмеялась.

– Нет, конечно! Ну, посмотри же внимательно.

Я еще раз оглянулся. Раскладывая движения на сегменты, я вычленял характерные. Мягкая фиксация окончания фаз, мгновенный набор скорости, уверенное зависание в неудобных положениях... Но ничего путного в голову не лезло.

– Ну и кого мы тебе напоминаем?

– Кошек вы мне напоминаете... – буркнул я.

Она грустно рассмеялась.

– Правильно! Мы и есть кошки.

– Как это кошки?

Легкий холодок винтом закрутился вверх по моему позвоночнику.

– Мы все оборотни, – терпеливо, как тупому ученику, пояснила она.

Так, приплыли... Мне не хватало еще только оборотней в и без того до предела криминализованном городке. То, что оборотни существуют, я теперь знал точно. Но с их организа-

цией или, если хотите, сообществом подобного рода ни мне, ни, насколько я знаю, коллегам сталкиваться еще не приходилось.

– Бред какой-то, – я немного натянуто рассмеялся. – Ну и зачем вам человечья кровь? Вечная молодость?

Она легко улыбнулась.

– Что-то вроде того. Но я не сказала «человечья». Я сказала свежая.

– Ну и пейте коровью!

От досады она даже притопнула ногой.

– Ты не понимаешь! Мы очень маленькое племя. И если время от времени не будут уходить старые и приходиться молодые, мы очень скоро вымерем.

– Ну а я-то тут при чем?

– Если победишь, то станешь одним из нас...

– А ты спросила, оно мне надо? – грустно спросил я с интонацией одесского еврея.

– А если я скажу, что это нужно мне?

От напряжения она почти звенела.

– Для чего?

Она почти отвернулась в сторону и негромко произнесла:

– Он побеждает во всех турнирах вот уже десять лет. Потом выбирает меня и насилует.

Если ты не выиграешь, я умру вместе с тобой.

– А если я выберу другую?

– Тогда он после турнира снова выберет меня.

– Если выиграет?

– Если выиграет... – словно эхо повторила она.

Я внимательно взгляделся в бездонную зелень налитых слезами глаз. Если она врет, то Сара Бернар просто неумеха из провинциального театра.

Вальс закончился, словно ручеек. Тихо и незаметно. Преодолевая небольшую скованность мышц, я склонил голову в коротком поклоне.

– Ваше величество...

В ответ она присела в изящном реверансе, ухитрившись при этом незаметно смахнуть слезы кружевным платком.

– Генерал...

– Королева избрана, королева избрана! – громко заверещал толстяк. Гости разошлись, образуя рукоплещущий коридор, и я повел ее в зал, где она уверенно и грациозно села на один из двух тронов.

Я было направился ко второму, но предостерегающий жест распорядителя бала остановил меня.

– Ваше превосходительство... Турнир...

Ах да! «За мной пришли, спасибо за внимание. Сейчас, наверно, будут убивать...»

Толстяк с грацией бывалого секунданта принял мой колет и ножны. Я повязал шарф вокруг пояса и вышел в центр зала.

Первый противник – тот самый пожилой мужчина в кимоно – вышел в круг, образованный зрителями, и, не опуская глаз, неторопливо поклонился. Я встал напротив и отсалютовал шпагой по французскому обычаю. Потом обернулся к королеве. Она в ответ только отрицательно качнула головой. «Не он». Ну и славно. А то этот дядька мне был и вправду симпатичен.

– Хаджиме!

– Ангард!

Легкая, словно бабочка, катана выпорхнула из ножен и описала молниеносную полудугу наискосок снизу вверх. Моя шпага только чуть подправила это движение. Резко шагнув вперед, я ткнул гардой ему в лицо. Когда левая рука самурая заблокировала рукоятку моей шпаги, я выпустил оружие из рук и, ухватив его за отвороты кимоно, мельницей крутанул его в воздухе, припечатав к гранитным плитам так, чтобы он с гарантией вырубился.

Я пощупал артерию на шее (живой!) и, подхватив шпагу, успокоенно отошел. Не успели его унести, как, небрежно расталкивая зрителей, в круг вышел настоящий гигант.

Обнаженный до пояса, в тонких коричневых шароварах на восточный манер, масляно блестя черными, как смоль, волосами, убранными в тонкий хвостик, он насмешливо смотрел на меня, словно моя смерть была уже решенным делом. Бугры могучих мышц броней покрывали все тело. Огромные кувалды кулаков были обмотаны тонкими ремешками. Мне не надо было оборачиваться к Лене. Я и так понял, это тот самый урод. Атмосфера в зале вдруг так сгустилась, что, казалось, еще секунда, и под ногами захлупает трясина ненависти и страха. Не знаю почему, но я вдруг подумал, что четырнадцатимиллиметровая бронебойная пуля наверняка заставила бы его раскинуть мозгами. Эта мысль так развеселила меня, что я усмехнулся ему прямо в физиономию. И, уже не обращая внимания на его побелевшее от злости лицо, полуобернулся к распорядителю:

– Голыми руками?

– Если ваше превосходительство не возражает...

– А если возражаю?

Толстяк был краток.

– Холодное, огнестрельное, метательное?

Так... Застрелить бы этого говнюка, и дело с концом. Или проткнуть, как вальдшнепа? А может, утыкать его стрелами, словно подушечку для иголок? Но и вправду нет выше наслаждения, чем задавить противника, чувствуя, как крошится его плоть в твоих руках.

Я махнул рукой.

– Ладно. Руками так руками.

– Я только хотел предупредить... – распорядитель склонился к моему уху. – Он очень, очень сильный боец. Его любимый удар – прямой в голову. Я бы порекомендовал вам...

Что он там хотел мне порекомендовать, я не услышал, так как внезапный вскрик Лены заставил меня обернуться. Видимо, не дождавшись официального начала поединка, великан решил как можно скорее покончить со мной. Я мгновенно увернулся от огромной ручищи, со свистом расколовшей воздух у моего виска, и отскочил в сторону, успев сломать ему пару ребер ударом локтя на проходе. Один-ноль. Но вот моему толстяку повезло намного меньше. Он лежал на полу бесформенной кучей тряпья, а придавленный безжизненным телом мой бело-снежный колет и его смокинг медленно набухали алой кровью. Черная ярость на мгновение опалила мой мозг. Крутанувшись вдоль невидимой оси, сознание погрузилось в бездну боевого режима.

Немыслимо громко скрипнули сапоги, и кожа болезненно заныла, отзываясь на прикосновение легчайшей, словно шелк, замши лосин. Напор встречного воздуха шершавыми струями взбил тонкую пену кружев и закружился за спиной суетливыми вихрями.

Великан сделал шаг вперед и медленно, словно паровоз, понес свой чудовищный кулак к моему лицу.

Я скользнул вдоль руки и с коротким выдохом впечатал раскрытую ладонь прямо ему в корпус, чувствуя, как ударная волна катится от моей руки по всему телу, и слушая, как она дробит кости и рвет мышечную ткань, превращая его в грудку фарша. Последним умер мозг. Я поднял голову, и наши взгляды встретились. Боль еще не парализовала сознание, когда глаза

его, мгновенно налившись кровью, лопнули, словно два перезрелых плода, и пролились багрово-белой слизью на черный гранит.

Он сделал еще шаг, а затем рухнул тяжелой тушей, глухо скрипнув переломанными костями.

Я оглянулся вокруг, но, похоже, нападать никто не собирался. Нагнувшись над толстяком, я бережно пощупал пульс. Сердце билось ровно. Потом повернул его голову. Толстяк легко отделался. Кулак великана содрал кожу с виска и отправил распорядителя в глубокий нокаут. А в остальном все было вполне приемлемо.

Услышав противный скребуший звук, я резко обернулся туда, где лежал поверженный мною противник. Огромная туша, безвозвратно мертвая по моим понятиям, расплывалась, дрожала, словно в потоке горячего воздуха, и... двигалась!!! Как в фильме ужасов, она судорожно оплывала, трансформируясь во что-то совсем невероятное и явно живое. Сначала показалась оскаленная пасть с длинными саблевидными клыками, потом каким-то невероятным и диким изгибом скрючило и повело ноги, превратившиеся в поджатые лапы с огромными когтями, и так далее, пока тело не закончило трансформацию. Гигантский, примерно трех с половиной – четырех метров в длину саблезубый тигр, настоящий реликт, со шкурой ненормально серого с рыжими подпалинами цвета, несколько раз неловко дернул когтями, пытаясь встать, а мое тело приняло за меня решение и бросилось в его сторону. Тигр, еще не вполне пришедший в себя, попытался отодвинуться, но моя рука уже обрушилась на его хребет. От отвращения, а может, от чего-то еще, я бил так, как не бил никогда в жизни. Окажись в этот момент на месте живой плоти бетонная балка, боюсь, и она была бы раскрошена в мелкий щебень. Еще и еще раз я поднимал и опускал руку, дробя неподатливые пластичные кости и разрывая плотные, словно резиновые, внутренности.

Тигр еще сопротивлялся смерти, он хотел жить, но жизнь уже покидала это великолепное тело почти совершенного убийцы. Последним движением я перевернул окровавленную тушу на бок и приподнял его огромную башку с оскаленными в предсмертной судороге клыками. Его душа уже рвалась наружу, потеряв все сдерживающие барьеры. Но я хотел, чтобы на кругах перерождений и перекрестках звездных дорог это воплощение Великой Идеи больше никогда и никому не встретилось. И поэтому я выпил его душу по капле, впитал в себя его проекцию и растворил без остатка.

Тьфу! Какая гадость... Нет, только большое оцинкованное ведро старого доброго армянского избавит меня от этого поганого привкуса.

– А мы-то надеялись вас удивить!

Подошедший ко мне мужчина был высок ростом, статен и полон истинно испанского достоинства. Может быть, тому виной сказанные вскользь слова Елены о хозяине парадного мундира оберфюрера СС, но я сразу узнал его лицо, украшавшее каждый мало-мальски подробный учебник, посвященный военной разведке и диверсионным операциям.

Человек-легенда, оставивший двойника, а сам пропавший бесследно после развала нацистской Германии, стоял в двух шагах от меня и улыбался. А я думал о том, что ему-то как раз и удалось меня удивить, хотя и не так, как он того желал.

Ладно, теперь мы его удивим.

– Дон Альваро, если не ошибаюсь?

Собой он владел с виртуозностью настоящего профессионала. Но на какую-то тысячную долю секунды легкая тень все же появилась на его лице.

– Мы знакомы? – спросил он, внимательно вглядываясь в меня.

– Я с вами. И только заочно.

– Откуда, если не секрет? – спросил он тоном любящего учителя.

– Из учебника.

Простота ответа его явно обескуражила. Несколько секунд он соображал, каким должен быть этот учебник, чтобы туда попала его фотография, а потом удивленно поднял брови:

– Коллега?

– До некоторой степени.

– Гражданская служба?

– Ну, что-то вроде.

Он понимающе усмехнулся.

– Понятно. Не уделите ли мне несколько минут?

– Для чего?

– Для беседы.

– Но ведь мы и так вроде беседуем? – удивился я.

– Нет! – Он улыбнулся. – Приватного характера.

– А как же?..

Я обвел рукой и лежащего толстяка, и труп гиганта, и окружавшую нас толпу.

– Пойдемте, и ни о чем не беспокойтесь. На сегодня ритуалы окончены.

– Честно говоря, хотелось бы в душ и переодеться. – Я брезгливо оглядел свою залитую кровью одежду.

– Нет-нет! – он даже руками замахал от возмущения. – Пусть пока все будет на вас. Потерпите?

– Ладно, – буркнул я. – Не впервой...

Он довольно ощерился и проговорил, уже ведя меня куда-то за руку:

– Я так и подумал. – И уже обращаясь к Лене, через мою голову: – Несколько минут, моя королева!

Два коротких перехода и полутемный, пахнувший пылью и плесенью коридор привели нас в небольшой зал, освещенный лишь ярко пылавшим камином. Несмотря на жаркую летнюю ночь за окном и горевший огонь, в зале было прохладно. Тяжелые драпировки вдоль стен прерывались лишь глубокими нишами с античными статуями, которые казались прозрачными из-за танцующего в камине пламени.

Два глубоких кресла с высокими, почти в мой рост спинками, трубочный столик между ними, уютный пушистый ковер – все здесь, казалось, было приготовлено для неспешной спокойной беседы.

Я поднял глаза, ожидая увидеть замшелые дубовые балки и почерневшие от времени стропила. Вместо этого взгляду открылось южное, щедро усыпанное яркими звездами небо. Легкая решетка, на которой держались стекла, почти не портила ощущения открытого пространства над головой.

Мой собеседник терпеливо ждал, пока я осмотрюсь, небрежно облокотившись на небольшой сервировочный столик у стены. Он даже не сделал попытки присесть и не предложил этого мне. Наверное, разговор и в самом деле будет коротким.

– Я хочу предложить вам работу.

Я усмехнулся.

– Как государственный служащий, я вынужден отклонить ваше предложение.

Он тоже в ответ заулыбался, но, скорее, как нерадивому школяру.

– Вы наверняка очень ценный оперативник.

Я не возражал, а лишь внимательно фиксировал психо- и вазомоторику и все остальные нюансы его поведения.

– Не исключено, что через пару дней, когда вас вызовут в Центр, вам предложат ознакомиться с положением дел в одном научном учреждении.

– Однако у вас недюжинный дар предвидения.

– Нет, предвидение тут пока не при чем. Просто у меня допуск класса А-А, и мне известно, что проблема, возникшая в этом учреждении, значительно превысила возможности ответственного за этот участок подразделения.

Внутренне я сжался. Допуск А-А предоставлялся только высшему командному составу или руководителям обособленных специализированных подразделений.

Если не врет, то он один из нас. Командир эдакого тихого и дружного коллектива, предназначенного для выполнения особых, ну совершенно специальных акций. Например, политических убийств или похищений с целью психологической перекодировки. Или еще чего-нибудь столь же невинного.

– Насколько мне известно, уже погибли несколько оперативников. Подразделение «Топаз-5», восемь «волков» и один оперативник ранга «гепард».

Я ахнул про себя. Ни хрена себе! «Шакалы» не в счет, у них работа такая. Но девять матерых бойцов, способных в одиночку накрошить в лапшу хваленых «тюленей»... Это чего же там творится?

Бушевавший в моей душе ураган никак не отразился на лице. Это я знал точно. «Маска льда» – это такая, брат, штука, понимаешь. Ну, ни хрена сквозь нее не разглядишь.

Немного помолчав, он спросил:

– Доказательства нужны?

Я небрежно качнул головой:

– Зачем? Если вы не врете, то случится именно так, как вы говорите. А если...

Я не закончил фразу. И так все было ясно. Ну что он мне мог сказать такого, чтобы я поверил? Да ничего. Даже если бы мне его представил наш уважаемый президент. Как говорила старуха Шапокляк, «людям надо верить лишь в крайнем случае». И в этой жизни я не верил никому. Совсем.

Он сухо поджал и без того тонкие губы.

– Вы правы. Итак, вас почти наверняка попросят ознакомиться с положением дел в некоем институте. Если вам нужно, я могу снабдить вас, в частном порядке, разумеется, картами, схемами помещений и даже некоторыми кодами их охранной системы. Это, без сомнений, поможет вам в выполнении вашей миссии. Я же со своей стороны желал бы лишь одного маленького одолжения.

– Что вам нужно?

Он немного нервно помассировал свой затылок.

– Да! Именно нам, как вы очень точно выразились. Всем нам, – повторил он устало, а затем продолжил: – Это секция «К» Института генных проблем. Собственно говоря, сам институт нас (он подчеркнул это слово) не интересует, хотя занимались там очень и очень важными вопросами.

– Например?

– Ну, например, разрабатывали универсальное лекарство от СПИДа и тому подобное. Сама же секция «К» – это просто полигон, где испытывают различные вещества – трансформеры.

Увидев непонимание на моем лице, Дон Альваро, он же Отто Скорцени, пояснил:

– Мы трансформируемся благодаря уникальному стечению природных явлений или под воздействием очень мощного волевого импульса. Там, куда вы попадете, похищенных людей-оборотней просто пытаются, заставляя таким образом трансформироваться. В это время собирают биометрию. Они считают, якобы таким образом смогут продюсировать оборотней для военных нужд.

– А это в принципе возможно?

Ответ его был сух и краток.

– Да. И тогда любой кошмар покажется вам детской сказкой.

Я не собирался его задевать, но не удержался.

– А вам?

Он отвернулся и глухо, на пределе слышимости прошептал:

– И нам...

– А почему вы употребили прошедшее время, говоря об остальных проектах?

– Да потому, что их просто нет. Часть помещений уничтожена, персонал, которому повезло, разбежался, остальные...

Он развел руками.

– Если все, что вы говорите, правда, что я должен сделать?

Он резко повернулся. Глаза его горели, как два зеленых изумруда, а слегка удлинившиеся клыки обнажились, словно он собирался броситься в атаку.

– Уничтожь там все! Выжги это логово дотла! Не оставь камня на камне от этого места. Никаких документов, приборов или сотрудников. Стопроцентная зачистка.

Голос его сорвался в хрип.

– А ваши люди?

– Сделай это, а остальное...

Зря я спросил. И без того понятно, что они и так трупы. Это только в кино можно вывести толпу больных и ослабленных людей из зоны боевых действий.

– Хорошо. Если ваша информация верна, я сделаю это.

– Наша благодарность будет более чем значительной...

Я прервал его.

– Не надо. А то пахнет обыкновенной торговлей.

Он не сдавался.

– И все-таки мы вас найдем... После.

Неожиданно он хлопнул в ладоши, и в зал вошли уже знакомые мне девушки. Я успел взглянуть на него в последний раз, но Дон Альваро сделал жест рукой, словно прогонял с глаз долой, и меня увели.

11

Совсем другой дорогой, ведущей светлыми и тщательно обставленными комнатами, меня втащили в искрящийся крохотными позолоченными рожками зал, который я принял сначала за салон или гостиную. Но я изменил свое мнение, увидев бассейн почти в половине совсем не маленького пространства.

Они только принялись меня раздевать, как резкий окрик вспугнул их, словно стаю мотыльков.

– Гемистах легон!

Девушек просто вынесло через ту дверь, в которую мы вошли.

Я поднял голову.

В зал медленно, словно вплывая, вошла Елена, одетая во что-то совершенно прозрачное. Мое сердце споткнулось об это фантастическое видение и сделало синкопу.

Идеальное. Вот все, что я мог сказать о ее теле, едва скрытом легким туманом тончайшей кисеи.

Не говоря ни слова, она подошла, пододвинула невысокий стульчик и усадила меня на него. Затем, мягко опустившись на колени, стала стаскивать с меня ботфорты.

Я было попытался помочь ей, но она так решительно отбросила мою руку, что я сдался. Медленно, по одной вещи, она раздела меня до трусов. Затем потянула меня за руку, и я понял – она хочет, чтобы я встал.

Вода была свежа и горяча одновременно. Словно драгоценную вазу, Лена оттирала мое тело от боли и усталости. Время остановилось, застыв в воздухе сверкающими капельками наслаждения.

Не знаю, сколько длилась эта ночь. Внутренний таймер остался где-то на обочине вместе с осторожностью и благоразумием. Какое-то время я еще держал и коридор, и прилегающие помещения, а затем ушло и это. Первый раз за всю жизнь я забылся в руках женщины. Но она того стоила. Она не просила пощады, но и сама не отдавалась. В ту ночь я любил ее с отчаянием приговоренного к смерти.

Ненавижу прощания.

Беззвучной тенью я выскользнул в коридор, осторожно прикрыл за собою дверь и тут же наткнулся на одну из служанок. Завернутая в небесно-голубое сари, смуглокожая и изящная, будто статуэтка, она выскочила из глубокого и, наверное, очень удобного кресла и склонилась в низком поклоне.

– Господин чего-нибудь желает?

– Одеться.

Она тихо склонила голову.

– Что желает надеть господин?

Я только вздохнул.

– Ну, например, господин желает свои собственные вещи. Это возможно?

– Принести сюда?

– Да нет... А есть где-нибудь...

Я неуверенно пошевелил в воздухе пальцами, пытаюсь поймать разлетающиеся после бурной ночи слова.

К моему удивлению, она меня поняла и произнесла, еще раз поклонившись:

– Идите за мной.

Комната, куда меня проводили, оказалась просто душевой. Правда, большой и весьма удобной. Пока ходили за моими вещами, я успел принять душ и даже побриться любезно выданной мне бритвой.

Как ни странно, все из моего барахла было на месте. Даже мелочь в карманах брюк, которая обычно выпадает на пол.

Я только-только оделся и уже затягивал шнурки на туфлях, как в комнату вошел Дон Альваро.

– Уже собрались?

– Не люблю прощаться.

Он секунду помолчал.

– Что ж, наверное, вы правы. Пойдемте.

Следуя за ним, я прошел несколько коридоров и комнат, пока мы не вышли на лужайку за домом. Прошли ее и сквозь щель в заборе оказались на территории другой виллы. Дом выглядел заброшенным и пустым, а сам парк напоминал скорее джунгли, чем культурные посадки.

Не пройдя и нескольких шагов, Дон Альваро остановился.

– Дальше без меня.

И, наткнувшись на мой вопросительный взгляд, пояснил:

– На первом этаже дома, в большой гостиной лежит ваш трофей. Держите, это вам.

С этими словами он подал мне крохотную таблетку, похожую на прессованный гашиш.

– Это микрофильм. Там все, что нам известно об институте. И еще... – Он немного помедлил и достал из жилетного кармашка небольшой медальон на цепочке. – Лена просила передать, когда вы будете уходить. До свидания, генерал! – добавил он со значением и удалился.

Внимательно и осторожно я пробирался в зарослях, отслеживая все, вплоть до возможных минных закладок. Однако ничего такого не встретил. Скрипучая рассохшаяся дверь нехотя открылась, и глаза, не сразу адаптировавшись от яркого солнца к полумраку, царившему на покинутой даче, разглядели нечто темное, лежащее почти у самого порога.

Я аккуратно двигался по дуге, пока не понял вдруг, что это тот самый великан, которого я завалил на турнире в честь королевы бала.

Что-то смутное, вроде угрызений совести, сверлило меня, пока я рассматривал безжизненную тушу. И только подойдя ближе, я понял, что именно было не так. Труп был теплым, словно я убил его минуту назад. Воистину чудны дела твои, Господи!

Рука сама собой нащарила нужную кнопку на часах.

– Дракон два ноля третьему.

Шелестящий голос отозвался мгновенно.

– Два ноля три на приеме.

– Заброшенная дача на Липовой аллее, рядом с сорок первым домом. Эвакуация по третьему номеру.

– Оставайтесь на месте, Дракон. Бригада в тридцати секундах от вас.

Я достал из портсигара последнюю сигарету и закурил.

Отвлёк меня шум на лужайке. Два здоровенных бугая с внешностью одесских биндюжников направлялись прямо к дверям, неторопливо и небрежно помахивая авоськой с мелодично звеневшими бутылками.

На всякий случай я вкрутил ручку в портсигар и взвел затвор.

Не доходя до крыльца несколько шагов, один из бугаев сунул руку в карман. Часы на моей руке тихо булькнули.

Все в порядке. Это свои. Но все же...

Стоило им войти в дом, как их развязные и ленивые движения вдруг стали мягкими и пластичными, а в руках появились одинаковые «Глок-29» с металлокерамическими глушителями.

Я осторожно вышел из-за поворота коридора, удерживая обоих на прицеле.

Один из них вздрогнул от неожиданности, потом опустил оружие и представился:

– Эвакуатор-22.

– Дракон. Вольно, ребята...

– У нас машина возле забора. Дом под наблюдением. Пошли? – подал голос второй.

– Не все так просто. Надо утащить вот это, – я небрежно ткнул ногой в лежащий на полу труп.

– Ох! Здоров же...

– Ладно, чего базарить! – прервал его второй. – Потащили.

– Не... – довольно ухмыльнулся первый. – Не так сразу.

Он быстро расстегнул заляпанную солидолом спецовку, а под ней оказалась вторая точно такая же. Затем стянул с себя штаны и бросил все это мне.

– Одевайся.

Натягивая провонявшее смазкой и потом тряпье на свой белоснежный костюм, я мысленно чертыхался, но не спорил. Ребята знали свое дело, и от меня сейчас требовалось самое большее – не мешать.

Пока я возился с одеждой, парни так же споро и без лишних разговоров одели труп. Правда, несмотря на то, что на одном остались лишь шорты и грязная майка, а на втором только штаны, колорита они не потеряли.

– Ну что, пошли?

Случайный зритель мог увидеть, как трое подвыпивших работяг тащили своего пьяного вусмерть товарища. Потом, поймав на дороге какой-то серый микроавтобус, они удалились восвояси.

12

Убитый мной верзила оказался тем самым серийником, которого мы разыскивали. Образцы тканей, микроследы и даже отпечатки были его. В общем, все по полной программе, словно в учебнике криминалистики. Но не об этом думал я, нежась в постели в своей двухкомнатной берлоге. Уже прошло три дня, как я покинул южные берега, а обещанный Доном Альваро вызов все не приходил. Версию о розыгрыше я даже не рассматривал. А вот справиться без моего участия они вполне могли. Даже скорее всего. Все-таки штурмовые операции – не мой профиль. Вот просочиться, подобно Кристобалью Хозеевичу, куда-нибудь через канализацию – это запросто.

Так что авгур из Дона Альваро никакой. Тем не менее все предоставленные им материалы я просмотрел со всевозможным тщанием. Хотя смотреть-то там было, в общем, не на что. Спутниковая съемка горного массива, где располагался окаянный институт, поэтажные планы помещений с массой белых пятен, короткий, на пол-листа, анализ систем безопасности. Разумеется, это лучше, чем ничего, хотя и с таким набором информации я бы поостерегся.

Но особую ценность документам, полученным мной «в частном порядке», и, я бы сказал, пикантность придавали подробнейшие инструкции по убийству полиморфов или, если хотите, оборотней.

И адрес, обратившись по которому, я получил десять коробок бесшумных патронов СП5 и столько же СП6 со специальными пулями, дающими стопроцентную гарантию поражения оборотня. И жемчужина коллекции – двадцатикилограммовый цилиндр с недвусмысленным клеймом – трехлепестковой звездочкой в треугольнике. Tактический ядерный боеприпас. Нефиговые арсеналы, однако, у моего нового приятеля.

Но кое-что у Дона Альваро явно не сложилось. Вероятно, он предполагал, что недостаток времени заставит меня тут же схватить оружие и нестись на встречу с врагом, молясь, чтобы не подвели его боеприпасы. Но все сложилось немного по-другому.

Сеня Чердынцев, родной брат моего старинного приятеля и по совместительству доктор наук в Институте физической химии РАН, специально для меня провел комплексное и всеобъемлющее исследование полученных боеприпасов.

Крошечный компонент, содержащийся в большинстве месторождений самородного серебра и бесследно выгоравший при дальнейшей обработке, видимо, был именно тем веществом, который гарантировал смерть оборотня. Теперь становилась понятной та путаница, которая возникла вокруг легенд о серебряных пулях.

Представляю, как веселился оружейный отдел, изготавливая по моему заказу пули, гранаты в серебряной рубашке и мишенные мины с шариковыми убийными элементами из того же серебра. Но это только пиздон мог топтать на дело, вооруженный лишь пулевым оружием. Мне же для спокойствия требовалась достаточно разнообразная куча снаряжения.

Из сладкой полудремы меня выдернул крохотный пейджер, вмонтированный в дешевенький китайский калькулятор. Конечно, никому бы и в голову не пришло, что в топорно сделанном агрегате может находиться что-нибудь кроме примитивной микросхемки и пары батареек. То, что батарейки принадлежали малоизвестной фирме «Феникс», специализирующейся исключительно на выпуске элементов питания для спецслужб США, было исключительно моим секретом. Тем более что выходных данных на них не стояло. А в остальном все, как положено. Маде ин Чина и так далее. Умела машинка, конечно, немного. Хотя это с какой

стороны посмотреть. Она могла, вот, например, как сейчас, заставить меня вскочить с постели и заметаться по комнате в ее поисках. А затем, после осознания короткого – всего три цифры – сообщения, одеться и выскочить под московский промозглый дождь.

Из машины я набрал контактный номер.

– Фирма «Арго» слушает!

Какой все-таки у нее сладенький голосок. Щебечет, словно птичка. К сожалению, путь туда мне заказан наглухо. А то бы давно познакомился...

– Алло? Добрый день. Могу я попросить к телефону Виктора Николаевича?

– Кто его спрашивает?

– Это Леонидов из «Ойл Банк».

Чудная крыша этот «Ойл Банк». Тихий, спокойный банк со смешанным австрийско-швейцарским капиталом и уставным фондом в десять миллиардов долларов. Я там, между прочим, главный эксперт по капитальным вложениям. Суть в том, что с моими связями не стоило никакого труда навести справки относительно жизнеспособности любого из контрагентов банка. Чем я и пользовался, честно отработывая весьма высокую даже для иностранного банка зарплату.

– Соединяю.

И без паузы в трубке возник скрипучий и густой, словно у простуженного робота, голос моего настоящего шефа.

– Валентин Александрович?

– Да-да, слушаю вас.

– Мы поработали над вашим контрактом. У юристов есть некоторые замечания. Вы можете принять документ сейчас?

– Да, разумеется.

– Тогда я отправляю его вам, а вы свяжитесь со мной после консультаций с советом директоров.

– Одну минуту.

Не отпуская баранку своего дирижабля, я запустил на ноутбуке программу связи. Через пару секунд компьютер довольно противно хрюкнул, сообщая, что связь вроде бы есть.

– Я готов.

– Посылаю. Желательно обработать контракт как можно быстрее. Вы меня поняли?

– Разумеется, Виктор Николаевич.

– Тогда до встречи.

– До свидания.

Документ шел долго. Судя по времени, в нем было страниц двадцать. Теперь осталось совсем чуть-чуть. Не прекращая слалома по беспокойным столичным улицам, нужно умудриться набрать двадцатизначный код на клавиатуре телефона, а потом, после ответа системы – собственно сам пароль на ноутбуке.

Я уже поднимался по витой беломраморной лестнице в офис банка, а комп у меня под мышкой все еще урчал, пережевывая все перекрестные коды, которыми был закрыт документ.

Не успел я подняться в кабинет и поздороваться с Людочкой – моей очаровательной секретаршей, как внимание привлек непрерывно трезвонящий телефон темно-красного цвета.

Похоже, кто-то из директоров.

Если мне не изменяет память, впервые за мою почти годичную службу в банке директорат вспомнил о моем существовании.

* * *

– У аппарата.

– Валентин Александрович?

– Да-да.

– Это Епифанов. Зайдите ко мне, пожалуйста.

– Понял. Иду.

Зачем это я понадобился президенту банка? Может, познакомиться захотел?

Нормальный пожилой человек. Немного грузноват, но даже под объемистым пиджаком угадываются стальные мышцы бывшего борца-тяжеловеса. Мешки под глазами. Сами глаза красноватые, с воспаленной склерой. Руки чуть дрожат. На столе среди вороха бумаг початая упаковка седуксена. Сейф распахнут. В сейфе незнакомой модели – несколько папок, пачки денег и нечто, тускло блестящее вороненой сталью...

– Анатолий Сергеевич?

– Валентин Александрович, мне говорили, я могу на вас рассчитывать в... ну как сказать...

– Одну минуту. Я бы хотел кое-что прояснить по поводу контракта с фирмой «Арго»...

Не прекращая молоть всякую чушь, я вынул из кармана то, что у нормальных людей зовется сотовым телефоном, раскрыл его пополам и нажал несколько клавиш. Тут же небольшой экран тревожно побагровел и встроенный компьютер запустил процесс анализа. Через десять секунд экранчик сменил красный цвет на зеленый и мигнул.

– Теперь говорите.

– Что это? – удивленно показал он на прибор.

– Это? – в свою очередь удивился я. – А... Да так, чтобы не мешали. Глушилка такая. Друг спаял по случаю. – Я улыбнулся. – Не люблю, когда подслушивают...

Он побарабанил пальцами по массивной столешнице красного дерева и выдавил, глядя куда-то в пустоту:

– Лена говорила, я могу на вас рассчитывать... в определенных ситуациях.

Интересно...

– Она, наверное, что-то передала для меня?

Президент сунул руку в боковой карман пиджака и вытащил шикарный портмоне из желтой крокодиловой кожи. Поковырялся в одном из бесчисленных кармашков и метнул в мою сторону темно-коричневый диск.

Почти не глядя, я поймал его на лету и медленно разжал кисть.

На моей ладони лежал небольшой медальон, центром которого был искусно изготовленный кошачий глаз. Точно такой же, как тот, какой висел на моей шее. Напоминание о ночи с Еленой. Несмотря на то, что в любом случае соваться в эту историю было опасно, я решил увеличить долг Дона Альваро. Но главным соображением было то, что он передал привет от Елены. А это с некоторых пор очень много для меня значило.

Как говорят компьютерщики, пассворд комплит.

– Что у вас случилось?

История была проста, как день.

Бывший начальник службы безопасности банка, в недавнем прошлом генерал ФСБ, похитил его дочь и вымогал крупную сумму плюс какие-то документы.

Естественно, платить не было никакого резона. Девочку все равно убьют. Ясно, что и в официальные инстанции обращаться нельзя. Если он генерал, то у него такие связи, что о готовящейся операции ему станет известно через пять минут. В общем, по идее – полный привет.

И все это как раз в тот день, когда «задул северный ветер». Едрить его коростой в семь крестов...

Из своего кабинета я вышел в дождь, сжимая в руках один из аварийных телефонов-призиков.

– Джинн?

– На проводе.

– Слушай сюда. Коломиец Анатолий Николаевич. Бывший генерал ФСБ. Действует с группой из бывших сотрудников своего ведомства. Он похитил дочь хозяина моей «крыши». Вымогает деньги и какие-то контракты.

На другом конце тяжело вздохнули, намекая, что самая грязная работа достается именно им.

– Джинн, не вздыхай так. Иначе займусь сам.

– Девочку куда?

– Отдашь мне на растерзание.

– А этого...

– Зачистишь «под ноль».

– Конец связи.

– Конец связи.

Не нужный более телефон полетел в монументальную чугунную урну, чтобы через несколько секунд обуглиться и превратиться в комок обгоревшей пластмассы.

Я работал с документами, присланными из Конторы, почти до ночи, когда пришел сигнал от Эркена.

Сидя в своем «экспедишене», я смотрел кино, передаваемое с камеры одной из машин оперативного прикрытия.

Очень редкий формат видеосигнала. Просто уникальный. Расшифровать в теории можно, но на практике совершенно нереально. Хотя бы потому, что у меня и всех сопряженных устройств аналоговая система кодирования.

На небольшом, но чрезвычайно четком экранчике бортового компьютера я видел всю сцену и декорации предстоящего спектакля. Это все, что мне пока оставалось. Сидеть, курить, наблюдать и расслабляться, поскольку в виртуозности труппы полковника Джаналова я ничуть не сомневался.

Старинный особняк, заботливо реконструированный и щедро украшенный видеокамерами, сканерами и прочими приметами богатой и интересной жизни. Увеличив до предела левый нижний край картинки, я получил изображение таблички с названием улицы и номером дома. На всякий случай.

Я закурил сигарету и наблюдал, как у дверей дома остановился фургончик муниципальной аварийной службы. Два неприметных, если не сказать больше, мужичка, не торопясь, вышли из машины и, игнорируя звонок, постучались в дверь большим гаечным ключом. Постояв некоторое время, они нашли-таки кнопку звонка и долго держали ее нажатой. Потом потоптались еще немного и уже сделали несколько шагов от двери, когда что-то произошло. Видимо, ожило переговорное устройство. Судя по жестам работяг, лексика употреблялась исключительно ненормативная.

Выговорившись, а точнее, наматерившись, они степенно двинулись в сторону ожидавшего их фургона. Но дойти не успели. Дверь неожиданно распахнулась, и на пороге появился хорошо одетый коротко стриженный господин, что-то прокричавший им вслед.

Сказанное, видимо, изменило планы работяг. Так же неторопливо бухая своими тяжелыми ботинками, они пошли обратно. Но стоило ремонтникам подойти к дверям, как буквально из воздуха нарисовались еще несколько неприметно одетых парней, которые и внесли в особняк разговаривающую на пороге троицу.

И вновь на короткое время воцарилось затишье.

Коротко булькнул радиотелефон, и одна из машин, резко набрав скорость, осадил свое продолговатое иномарочное тело прямо у дверей. Тут же выскочившие из особняка двое ребят воткнули в распахнутые двери что-то завернутое в нечто, похожее на одеяло, прыгнули следом и унеслись, подхватив по дороге еще две машины.

Все. Дальше не интересно. Зачистка, уборка территории и так далее.

Коротко засвиристел сотовый в кармане пиджака. Оторвавшись от экрана, я вытянул его наружу.

– Смольный. Железный Феликс у аппарата.

Голос Эркена был торжествен и строг.

– Феликс Эдмундович, вам пакет с фронта. Куда прикажете доставить?

– Пакет свежий?

– Обижаете...

– Тогда на «Ближнюю Дачу». К первому входу.

– Будет исполнено.

По заботливо набросанной на бетонку грязи я доехал до места, ностальгически называемого нами «Ближняя Дача».

Старая войсковая часть. Были там когда-то не то пограничники, не то моряки, не то летчики... А то, что до моря и границы как до неба, так это нам фиолетово. Зато в округе ни одного высотного здания. Освежали пейзаж только караульные вышки и «Спираль Бруно» поверх стены. Строго говоря, это еще не сама дача, а так, нечто вроде предбанника. Или, говоря точнее, один из входов. Выкупили все это великолепие вместе со всеми потрохами за сущие пустяки и приспособили, как могли, для наших беспокойных целей.

Я развернулся на небольшом пятачке, загнал машину в огромный авиационный ангар и через многочисленные посты охраны спустился в бункер.

Девочка?..

На продавленном кожаном кресле еще сталинской эпохи сидела кареглазая и белокурая молодая женщина двадцати с хвостиком лет, закутанная по самые плечи в пушистый плед. Она нервно курила, отбрасывая время от времени непокорные соломенного цвета пряди с высокого лба. Не считая нескольких царапин на лице, вроде в норме. Только взгляд полон затаенного страха и боли.

– У вас все в порядке?

Она подняла на меня глаза.

– Да... А вы кто?

– Я друг вашего отца. А это, – я обвел рукой вокруг, – мои друзья из ФСБ. Сейчас я позвоню и отвезу вас к нему. Хорошо? Бояться ничего не нужно.

Она только кивнула.

После звонка папе, я отвел Эркена в один из пустовавших кабинетов.

– Слышь, ей бы чего-нибудь успокоительного в чае там или соке.

– Уже, – буркнул он.

– Как там прошло? Все в порядке?

– Минус один.

– Черт. Кто?

– Да нет, – поправился он. – Легкий.

– Правда?

Он пожал плечами.

– Справимся.

– Ладно. Слушай сюда. Я уезжаю, – и добавил, отвечая на невысказанный вопрос: – Не знаю. Возможно, надолго. Запомни номера.

Я продиктовал ему несколько телефонов.

– Первый номер, это человек, которого зовут Канцлер. За ним должок. Скажешь от Дракона. Беспокоить только в крайнем случае. Остальные – это прямой линк на Кантору. Еще. Запомни адрес. Ленинский проспект, дом пятьдесят сем, квартира сто двадцать восемь. Это моя точка. Не засвеченная ни разу. За телевизором сейф. Код – телефон Канцлера в прямом и обратном прочтении. Потом возьмешь дистанционку с телевизора и наберешь год, месяц, число. Набираешь так: две цифры – год, потом кнопку стоп, две цифры номер месяца, стоп, и день. Проверь батарейки, они могли сесть. Если не уверен, воспользуйся любым пультом «Филипс». В сейфе, в контейнере, деньги и документы. Деньги забирай все. А с документами так: сбоку на контейнере есть кнопка. Нажмешь ее и все. Ящик потом где-нибудь утопишь. Там еще несколько мин-ловушек. Одна в туалете, за бачком, вторая в потолке гостиной под люстрой. Они простые, сам разберешься. За бачком в туалете аварийный контейнер – шестерка. Остальное найдешь сам. Там вообще много интересного. Все твое.

Всю эту тираду Эркен выслушал молча, покусывая роскошные усы. Потом порывисто вздохнул и, опустив голову, глухо произнес:

– Прощаться надо. Да?

– Да, Эркен.

Мы обнялись.

– Все. Поцелуй Лейлу от меня.

– Удачной охоты, командир.

– И тебе удачной охоты.

* * *

Мотор «форда-экспедишн» мягко гудел, отмеряя километры обратной дороги, а у меня на душе было гадко и пресно. И только ощущение хорошо проведенной операции лишь немного скрашивало общее ощущение хреновости.

Интересно, это предчувствие или просто желание разрядиться?

Я глянул в зеркальце обзора салона. На широком, словно диван, заднем сиденье лежала девушка, укрытая с головой несколькими кевларовыми покрывалами. И не то чтоб я боялся еще каких-либо гадостей, но знать, где находится «Ближняя Дача», ей совершенно ни к чему.

Удерживая руль одной рукой, я выщелкнул из зажима на приборной панели телефон и набрал номер.

Солидный мужской голос ответил почти сразу:

– Охранное агентство «Форт» слушает.

– Петра Леонидовича.

– Он сейчас занят. Кто ему звонит и что передать?

– Передай, что беспокоит его Робинзон. Только трубку не клади.

Как я и предполагал, Петя отозвался мгновенно. Длинная фраза, скорее всего, одно колено малого шлюпочного загиба, переводилась просто и коротко: «Где тебя носило, старый черт?!!»

– Петь, у тебя как с работой?

Он тихо посопел в трубку и начал путано и долго рассказывать про каких-то там клиентов и так далее.

– Короче, – прервал я его, – у тебя найдется сейчас пять-шесть парней посерьезнее? Есть работенка.

– Да мне же их с объектов снимать надо... – почти простонал он.

– Петь, слышь, если все пройдет как надо, то никаких сараев ты сторожить больше не будешь!

– Да? – с сомнением спросил он.

– Железно. Я тебя когда-нибудь подводил?

– Ну, нет...

– Так. У тебя оружие есть?

– Да какое там оружие... Слезы одни. Два «пээма» да пять дробовиков.

– О! Я-я... Натюрлих! Дробовики – это классно. А держать есть кому?

– Да у меня тут почти весь «Вектор» в полном составе.

– А Лебединский, Мухин, Пашка Свиридов?

– Да здесь, здесь они. Куда нам деваться с этого корыта...

– Привет передавай.

– Вот приезжай, и сам передашь.

– Нет, мне пока не судьба. Как у тебя с транспортом?

Голос у Петра совсем скис.

– Хреново.

– Так, водоплавающий, не кисни. Знаешь стоянку на Лесном?

– Ну, найду, наверное, – неуверенно ответил он.

– Найдешь, – успокоил я его. – Темно-синий забор, разукрашенный всякими машинками.

Там такой один. Слушай дальше, – продолжал я. – Прямо за будкой охранника, под навесом, два джипа GM Alaska. Синий и черный. Ключи внутри бампера. Черный – бронированный. Забирай оба. Это мой подарок. Скажешь сторожу, что Егерь велел открыть ворота. Повтори.

– Сказать, что Егерь велел открыть ворота. Ни хрена себе подарок... Ты, что, миллионера грабанул?

Я прервал его.

– Документы, техпаспорт и чистая доверенность в бардачке. Там же девяносто третья «беретта» и гранаты. В багажнике синей – два «Вала», «Вул», девяносто вторая и патроны. Маленький чемоданчик – уничтожить прилагаемыми термитными шашками. Жадность губит фраера. Ты хорошо меня понял?

Он вздохнул.

– Понял.

– Все. Я жду тебя с твоими орлами в шесть утра на стоянке «Шереметьево-2». Найдешь?

– Да его только слепой не найдет, – несколько растерянно сказал он.

– Конец связи.

– Конец связи.

13

Покружив по городу какое-то время и утолив свой синдром преследования, я скоротал время в одной из снятых на подобный случай квартир. Уложив девушку спать, сел работать с присланными документами.

Все как предсказал именитый диверсант. Твердое пожелание ознакомиться с ситуацией, возникшей на объекте 206, и все имеющиеся на данный момент материалы по объекту. Тоже не ах. Но вот вместе с информацией господина Альваро, уже не так безнадежно. Удивительно только, что две конторы одного государства имели практически не перекрывавшие друг друга данные.

Не знаю, кому пришло в голову упрятать институт в подземное убежище, но я бы этому парню сейчас с удовольствием оторвал башку. Теперь стало понятно, почему мои драгоценные начальнички не вызвали армейскую дивизию, чтобы поиметь всех оставшихся в живых. После

распада Союза там уже другое и не во всем дружественное государство. Не будешь же сознаваться в том, что в горах шесть лет втайне функционировал почти военный объект. Скандал многим мог бы стоить очень-очень дорого. Во всех отношениях...

А мне предлагалось всего-то пара пустяков. Залезть в это осиное гнездо, вынести блоки памяти из центрального компьютера и заглушить реактор. Эвакуаторы, группа поддержки из нимфеток и прочие радости жизни только после достижения результата.

Естественно, в случае провала меня никто не знает, и о таком человеке наше государство впервые слышит.

Я провозился с бумажками почти до утра, а потом повез Светлану в аэропорт. Там меня уже ждали Петины ребята и отец девушки. Я только успел обняться с парнями и переброситься с ними парой внешне ничего не значащих фраз, как ко мне подошел мой работодатель.

Разговор с президентом банка был коротким. Я представил ему Петра и объяснил, что почем. В том смысле, что охрана банкира сейчас нуждается в длительном и неоплачиваемом отпуске. Или оплачиваемом. На его усмотрение. Поскольку даже если они не работали на покойного генерала прямо, то, во всяком случае, косвенно содействовали тому, что произошло. Это, кстати, подтверждает наличие подслушивающих устройств в его кабинете. И таких парней, как офицеры диверсионного отряда флотской разведки «Вектор», ему самому не найти нипочем. Так что шанс на спокойную жизнь у него есть, а вот воспользуется он им или нет, это уже его проблемы.

– А вам лично я могу чем-нибудь помочь? – спросил он, глядя мне в глаза.

– Конечно, – улыбнулся я. – Скажите все самые замечательные слова той, которая дала вам медальон.

– Как-то недорого вы цените свои услуги. А?

– Вспомните, во что вам обошелся этот кусочек металла, – спокойно возразил я и отклонился, махнув на прощанье Петьке с ребятами.

14

Так, с этим делом вроде бы все. Светлана, сопровождаемая двумя Петиними парнями, улетела чартером в Абу-Даби. А может, и не туда. Мне это было как-то не интересно. Сам Петр со своим новым шефом убыл в неизвестном направлении, а меня ждал рейс на Алма-Ату.

Огромный аэробус постепенно набивал свое чрево разнообразным более или менее деловым людом, а я лениво рассматривал входящих, бегло оценивая их на предмет возможных неприятностей. Было в этом нечто скорее от рефлексов, нежели от реально существовавшей опасности.

Я прикрыл на долю секунды глаза, и мгновенно, словно цветной фотоснимок, перед внутренним взором высветилась и роскошная полутемная спальня, и Лена. Ее невероятное, звериной гибкости тело, выгнувшееся сладострастной дугой в моих объятиях. Услужливая память тут же воспроизвела всю сложную гамму запахов, от четкого тона палисандрового дерева до безумных аккордов любовных ароматов. Я всего несколько секунд наслаждался воспоминаниями той ночи. Потом жесткая, словно доска с тысячью иголок, волна психоскана ударила по всем нервам и рецепторам одновременно и покатила дальше.

Наверное, меня ну если и не спасло, то, во всяком случае, пронесло мимо неясных пока еще проблем именно то, что в момент психозонда я наслаждался видением обнаженной феи...

Все было, как прежде, только изображение Лены словно выпцело и остановилось. И мозги, мгновенно разделившись на две неравные части, методично занялись своим делом. Меньшая половина все так же баюкала образ обнаженной девушки (уже не Лены) во всех физиологических подробностях, а большая выглядывала из-под нее, осторожно осматриваясь.

Автор наглого вторжения нашелся сразу. Закрытые глаза мешали разглядеть его оптический образ, но зато сущностный просматривался аж на пять кругов, до того они были яркими и насыщенными.

Несмотря на исключительно красивый и ритмичный рисунок переплетения его аур, чего-то в нем явно не хватало. А пытаясь понять, чего в супе не хватает, я обнаружил в салоне еще одного носителя Древнего Знания.

Этот был попроще. Его цветки, всего трехлучевые, тоже простирались на четыре уровня вверх, едва не захватывая круг огня. Зато в нем была та деталь, которая начисто отсутствовала в первом. Ритмичное биение сетки боевых цепей. Они мерцали в слаженном перекрестном ритме, отслеживая ситуацию на физическом, эмоциональном и внешнем астральном уровне примерно в пяти-восьми метрах вокруг.

Вглядевшись повнимательнее, я вдруг понял, что никаким Знанием у него и не пахнет. Просто этого типа с детства затачивали только на одну-единственную работу, которую он должен был делать во всех отношениях блестяще. Короче говоря, за три сиденья от меня находился человек, задача которого – убивать Носителей. Или, говоря понятнее, колдунов.

А вот старичок, так занятно перебиравший лапками в своем поношенном чемоданчике – просто самый настоящий колдун, или маг, или волшебник. Тут уж кому как нравится. Самое интересное, что у него отсутствовали все опознавательные знаки клана. Ни пульсирующего красного столба Ахурмазды, ни бледно-зеленой звезды клана Риго – вообще ничего.

И весьма вероятно, именно ему и предстояло быть скорой жертвой «несчастливого случая». Например инфаркта. Защититься от той акулы, которая села сейчас ему на хвост, у него не было никаких шансов. Старик, скорее всего, Лекарь или Визионер. Конечно, пара-тройка фокусов защитного плана у него найдется. Но сегодня все они мимо кассы. Слишком все серьезно. Такой кадр мог даже мне доставить проблемы. При неосторожном обращении, разумеется.

Лихорадочно размышляя, что и, главное, как делать, я аккуратно прокачивал все вероятностные линии в поисках подходящего варианта. И тут, словно яхта по фьорду, короткими галсами вдоль прохода заскользила хорошенькая стюардесса. Недаром говорят, что лучшие трюки – старые трюки. Когда она, оглядывая пассажиров, наткнулась взглядом на киллера, все ее тело пронзила такая острая волна вожеления, что у нее даже дыхание сбилось.

Весь последующий спектакль я вел, словно кукловод, дергая в нужный момент за веревочки.

Наклонившись над убийцей так, что ему, наверное, сквозь вырез в блузке стали видны ее трусики, она о чем-то его спросила и, получив ответ, удалилась дальше по проходу, так призывно качая бедрами, что увлекла бы за собой и восьмидесятилетнего скопца. Естественно, внимание убийцы, пусть на краткий миг, но ослабло, переключившись на такой привлекательный объект.

Я привстал, поправляя багаж в отсеке у себя над головой, и моя верная авторучка расписалась на его шее тонкой пластиковой иглой с высокотоксичным композитом. Можно гордиться. Восемь метров, неудачный угол, вибрация, качка, плохое освещение... И глаза человека, в последний момент понявшего, что его уже убили.

Голова киллера расслабленно откинулась. Весь он как-то осел. Даже не глядя в его сторону, я мог с абсолютной точностью выписать свидетельство о смерти. Инсульт. С кем не бывает. Особенно при такой вредной профессии. Строго говоря, он еще не умер. Просто в глубокой коме. Смерть придет к нему позже. Примерно через три часа.

Я дождался, пока самолет наберет высоту, и вдавил кнопку вызова стюардессы у себя над головой.

Через полминуты ко мне подошла та самая, над которой я так нехорошо пошутил, вызвав у нее приступ сексуальной агрессии.

Несколько удивленно и раздосадованно она поглядывала на безмятежно спящего, по ее мнению, человека.

На карточке, приколотой к белоснежной форменной блузке, на западный манер значилось только имя. Вера. Максимально тихо, но четко и внятно, я спросил:

– Вера, я бы хотел узнать, на борту есть салон первого класса?

– Да, но он сейчас занят...

– Верочка, – я перешел на доверительно-хамский тон и вложил в ее пухлую ладошку заранее подготовленный пакетик. – Здесь доллары. Если их не хватит, чтобы решить нашу маленькую проблему, то вы скажите мне. Хорошо?

Я усмехнулся про себя, глядя боковым зрением, как она осторожно проминает конверт, пытаясь понять, сколько там денег.

Честно говоря, наличных с собой у меня было немного. Я ведь не в Монте-Карло летел. Но возможность поговорить с незарегистрированным и не принадлежащим ни одному клану магом была способна перевесить любые финансовые соображения.

Озадаченная стюардесса уплыла пересчитывать зелень, и через три минуты у моего кресла с выражением лица любимой наложницы султана стояла старшая их смены. Высокая, скуластая смуглокожая красавица с явной примесью туркменской крови.

Я изобразил на лице вопросительный знак, а она в ответ, также на лице, изобразила восклицательный, проскочив при этом целую гамму эмоций – от восхищения моей крутизной до желания отдаться прямо тут, на неудобном кресле, под восторженные рукоплескания зрителей. Нет, все-таки это, наверное, любовь с первого взгляда. Ну и в самом деле, не может же она отдаться первому встречному за каких-то жалких полтысячи зеленых?

15

Каюта первого класса оказалась просто крохотным, три на три метра, отсеком с продавленным диванчиком и небольшим столиком перед ним. Но был даже душ! Совсем миниатюрный, правда. Я еще не решил, что полагается за пользование такого рода удобствами – медаль за гигиеническую отвагу или просто диплом цирковой академии. Но площадь в воздухе и вправду недешево стоит.

Бесшумно и быстро девочки сервировали столик, уставив его при этом вполне пристойной посудой.

Еще через некоторое время в сопровождении старшей бортпроводницы появился дедуля, он же колдун и несостоявшийся покойник.

– Петр Аркадьевич! – умиленно проговорил я. – Какая встреча! – И, поймав его удивленный взгляд, я, поправляя волосы, изобразил на краткий миг Знак Дахо, понятный даже магу-школяру. – Вы меня не помните? Я Сергей, сын Виктора Даниловича Селиверстова.

Старик оказался на высоте. Ему понадобилась на ориентацию лишь доля секунды.

– Сереженька! – Улыбка, радостно-глупые глаза, суетливое протираание очков. – Какая встреча! Какими судьбами?

– Да вот, – я развел руками, – дела. Присаживайтесь! Вы ведь наверняка не ели?

С многозначительными и обещающими всевозможный сервис глазами и словами «Если что, мы рядом...» девушки исчезли, оставив нас вдвоем.

– С кем имею честь? – вежливо и очень чопорно поинтересовался старик.

Вместо ответа я провел ладонью в воздухе, словно разгонял несуществующий дым, и из всех углов комнаты к моей руке помчались маленькие зеленые точки, пока не образовали плотный светящийся столб зеленого света.

В принципе на этом можно было бы остановиться. В качестве укороченного опознавательного знака зеленого столба было вполне достаточно. Но он сегодня получился немного бледным и вовсе не впечатлял. Поэтому, повинаясь моим рукам, столб плавно расслоился, и теперь неправильной формы восьмиконечная звезда мерцала в воздухе, а каждая образующая ее линия уходила вверх светящимся изумрудным ломтем. И над центром звезды, сначала неярко замерцав сине-красными сполохами, а затем, вспыхнув чистой кровью огня, лезвием вверх возник Жнец.

Меч мечей, Убийца убийц, скованный Кузнецом для Защитников. Пламя, которым горел клинок, разом осветило всю нашу авиаконуру, осветив суть всех предметов. И в этом свете, ломавшем привычную перспективу, сидящий рядом старикашка выглядел уже не стариком, а мужчиной зрелых лет с соломенно-желтой шевелюрой и в необычном форменном костюме или, скорее, комбинезоне ультрафиолетового цвета.

Вот тебе и старичок.

– Красиво... – задумчиво проговорил он, подхватив со столика пакетик с соком, и замер, глядя на свой рукав. Потом медленно оглядел себя.

Человек был бледен, если не сказать больше. И хотя он все еще держал себя в руках, пальцы его едва заметно дрожали.

– Защитник? – утвердительно спросил он.

Я кивнул и в свою очередь поинтересовался:

– Кто?

– Наблюдатель Виссои Холар.

– Мир?

– Империя Инис.

– Нарушаем конвенцию? – ровным голосом спросил я.

Он знал, что при желании, собравшись вместе, Защитники могли, если и не стереть из реальности их империю, то, во всяком случае, сильно уменьшить ее население.

А то, что об агрессивности и силе Защитников крохотного периферийного мира под названием «Земля» шла слава среди Воинов Ойкумены, думаю, знал даже он.

Сбивчиво и путано он начал излагать мне историю прорывов Инферно в наш мир, которую я теперь прекрасно знал и без него.

Знал я и о взбесившихся ядерных реакторах, и о протекающих, словно решето, глухих бункерах с отравляющими веществами. О многом мог бы я поведать, поскольку эту часть истории заучил, словно «Отче наш».

А он длинно и велеречиво плутал по лабиринтам слов, пока не подошел наконец к сути дела. А суть оказалось до боли простой. Защитники Инис во время очистки одной из своих провинций ухватили след пребывания Гаки. Демоны, тупые, будто бульдозер, были невероятно сильны и изворотливы. Вечно голодные демоны иновселенного инферно, они не желали ничего знать о равновесии и Мировом Плане. Они просто просачивались в любую щель и жрали все подряд. Люди в их присутствии теряли рассудок и превращались в слепых участников кровавых оргий. Теперь они пролезли в нашу Вселенную и, по словам Наблюдателя, окопались где-то на Земле...

По следу был послан мой визави, и теперь он ехал в то же место, что и я, вполне серьезно предполагая в переделанном под институт подземелье инферно-прорыв нулевого класса.

Тут шутки с границами и конвенциями заканчивались. Каждый Защитник, Воин и даже рядовой Наблюдатель были обязаны лечь на эту дыру и держать ее, если понадобится, хоть зубами, до подхода... Ну, назовем их условно Ликвидаторами. Хотя займись кто-нибудь из них

проблемой Чернобыльской АЭС, в этом месте сейчас можно было бы закладывать ферму по производству диетических продуктов.

Конечно, можно было его прижать пунктом о неинформировании территориальных Защитников, но тут все очень сложно. Не впервые вспыхивали скандалы с вставшими на сторону Крови Защитниками. Увы, предательство не обходило стороной даже их.

* * *

Я прикинул про себя, каким временем мы располагаем. Время реализации Ликвидаторов в нашем пространстве – от трех суток до десяти. Слишком громоздкая энергосфера. Самое большее, что я мог сделать, – это поставить в известность «Олимп» и учинить проверку своими силами.

Я протянул руку к все еще мерцавшему в воздухе Жнецу. Взять Меч я, естественно, не мог. Но прикосновение к его стальной плоти, холодной и горячей одновременно, всегда придавало мне уверенность.

Совершенно неожиданно для меня рукоять ответила ровной теплотой. Не совсем отдавая отчет в своих действиях, я аккуратно потянул Жнеца на себя, пока не вынул из света тяжелый и непропорционально большой клинок. Луч тут же погас, а предметы сразу обрели привычный облик. Только меч, отсвечивающий изнутри ровными сполохами огня, оставался у меня в руках.

Вот так просто. Сообщение еще не отправлено, но ответ получен. Означало сие, что надеяться мне не на кого, кроме себя. Это раз. Полномочия мои автоматически возросли до статуса «Воин Престола» или, если хотите, «Власти», и что все проверки уже произведены. Это два. А мне осталось совсем немного. Выжечь этот гадюшник дотла. Что называется, начать и кончить. Наверное, об этом меня предупреждало мое предчувствие. А может, и не об этом. В том смысле, что главные неприятности еще впереди...

И словно вестник грядущих бед, я буквально всем телом ощутил, как всю планету накрыло плотное облако энергоинформационной блокады. Вот теперь точно все. Приплыли. Я в тоске хмуро выругался. Как же это я вляпался, хотелось бы знать? Ладно. Помирать, так с музыкой.

Несмотря на то, что мне нравилась традиционная форма, в моих руках Жнец послушно съезжился до точной копии 92-й «беретты» – моего любимого прибора. А тонкая ленточка на рукояти, мгновенно среагировав на изменение габаритов, превратилась в новенькую кожаную кобуру. Оставалось только приладить ствол под мышкой и набросить пиджак.

Наблюдатель смотрел за моими манипуляциями немного саркастически.

– Так значит, Защитник? – произнес он, прищулив глаза и намекая на то, что по рангу защитника мне никак не полагалось иметь живого Атрибута.

Вместо того чтобы длинно и долго объяснять ему, что такое динамическая иерархия, я спросил:

– А кто, кстати, мог желать твоей смерти до такой степени, что посадил тебе на хвост убийцу?

Он вздрогнул и заметно побледнел.

– Это ты его...

Он не договорил. Видать, в его лексиконе слово «убил» носило табуированный смысл.

– Не надо было? – невинно поинтересовался я. – Еще можно поправить. Из меня, правда, плохой реаниматор, но можно попробовать.

– Нет, нет... – он улыбнулся. – Я благодарен тебе, Защитник, за проявленное действие. Если я могу чем-то ответить...

– Можешь рассказать, например, кто и зачем.

Он тяжело вздохнул.

– Даже толком не знаю. Зацепили меня в Москве после информационного выброса. Пытался несколько раз сбросить их, но...

Он виновато развел руками.

– Конспираторы. – Я беззлобно ругнулся. – Ходите в чужие информполя, словно по бабам!

Я еще несколько раз морально повозил его мордой об асфальт, пока он совсем не сник. Так ему, поганцу, и надо. Не фиг. Тут у нас не курорт. Каждый второй землянин – потенциальный энергопат, причем с inferнальными замашками. И так далее, до каждого десяти тысячного – просто стихийного мага. При почти повсеместной жесточайшей борьбе за существование шанс на то, что они будут на стороне Света, весьма невелик. Хотя, как известно, дороги Света – это не всегда прямые пути. Что бы там по этому поводу ни говорили...

Пока мы тихо разговаривали на наши невеселые темы, звуки внутри салона медленно, но верно приобретали характер скандала.

– Я думаю, Наблюдатель Виссои Холар, у нас скоро будут гости.

– Гости? – Он ошарашенно вскинул голову и быстро глянул по сторонам.

– Да не мотай ты головой, словно цирковая лошадь! – Я привстал. – Оторвется... Сиди тихо и не высывайся. Сам разберусь.

Я выскользнул в коридор и оглянулся в поисках источника шума. А найдя его, даже не успел дать команду мышцам. Просто попал на самый последний такт этой мелодии.

На моих глазах оживший каким-то чудом киллер с хрустом вдавил черный полированный клинок в хрупкое тельце стюардессы, загораживающей проход к пилотской кабине. Но повернуть его, по обычаю своего жуткого племени, не успел. Другая девушка, та самая, со смугловатым лицом, молниеносным движением раскроила его почти надвое чем-то похожим на игральную карту.

В два шага я оказался рядом и подхватил оседающую на пол девушку. Вогнанный по самую рукоять нож торчал из сердца. Помню, я успел лишь подумать: «А девчонку-то за что?» – и, не совсем соображая, что делаю, понес ее в каюту.

– Оставь ее... – хрипло сказал Наблюдатель, пряча глаза.

В ответ словно звериный рык раздалось мое «НЕТ!»

Осторожно, словно боясь причинить ей боль, я вытащил нож. Ни капли крови не пролилось наружу. Предназначенный для убийства сверхживучих Носителей Знания, клинок мгновенно сворачивал кровь во всем теле. Теперь в ее жилах вместо горячей и живой крови только черный песок...

Вереница мыслей и чувств в одно мгновение пронеслась перед моим внутренним взором, словно вихрь. Помочь сейчас этой девочке значило не только засветить себя по полной программе: «Вот он я! И скоро буду. Встречайте!», но и, возможно, поставить под удар выполнение всей миссии. Наверно именно в этом и заключался дьявольский план убийцы. Но тогда зачем я вообще ввязался в это неблагодарное дело... Ведь в итоге ради таких вот, как она, мы и существуем. Можно потом уверять себя в том, что ты оставил ее умирать, зато спас многие сотни жизней. Только вот сотни эти ты, может, и не увидишь, а эта смерть невинного ребенка у тебя на руках будет преследовать тебя очень-очень долго.

Повинуясь моей воле, серебристой каплей жидкого серебра Жнец вытек из кобуры и завис в воздухе сверкающим облаком света, а затем растекся переливающимися всеми цветами радуги коконом, накрыв меня с девочкой на руках. И все пропало. Пропала обшарпанная каюта

старенького «ильюшина» и все люди вокруг. Только уходящий в небо Престол, я с девочкой на руках и голос, грозный и суровый.

– Зачем?

Я замялся на секунду, а потом, собрав дыхание, произнес:

– Великий Страж! Отдаю Тебе на суд человека, отдавшего свою жизнь во славу Твою.

И словно отпущение всех грехов....

– Рано ей еще... Иди. – И через паузу: – Будь тверд, Воитель! Твой последний бой рядом...

Меня вдруг окатила такая волна нежности и любви, что я задохнулся, вглядываясь до рези в глазах в сверкавшее ослепительным светом облако.

А через долю секунды все кончилось. Жнец тихо, будто мышонок, втянулся в кобуру, а я стоял на коленях над испуганно ощупывавшей себя девочкой. Тут же в каюту ворвалась старшая стюардесса и после мгновенного шока стала осыпать девчонку поцелуями, приговаривая какую-то ласковую ерунду. Дочка, похоже. Ну и ладно. Пока они там миловались, я вынырнул обратно в коридор и втащил обе половинки теперь уже безнадежно мертвого убийцы. Но мертвого не значит молчаливого. Под моими руками его одежда расплзлась, обнажая расплосованный надвое мускулистый торс.

– Это ты его так?.. – почти небрежно спросил Виссои Холар.

– Ты знаешь, нет.

– Тогда кто? – он недоуменно и недоверчиво смотрел на меня.

Не отрываясь от изучения тела, я в ответ только коротко мотнул в сторону старшей бортпроводницы.

– Чем!??

– О господи, ну ты и зануда. Чем убивает обычного зомби рядовая стюардесса Аэрофлота? Ну, конечно же, «Ладонью Кали», если ты понимаешь, о чем идет речь. У вас в адаптационном курсе об этом что-нибудь было?

– Нет...

– И чему вас только в школе учили? – проворчал я, не отрываясь от осмотра. – «Ладонь Кали» вызывает в месте прикосновения активной части локальный разрыв метрики пространства.

– И ты так спокойно об этом говоришь? Это же страшное оружие!

Он испуганно отодвинулся в сторону.

Вот, блин, напарничек...

– А «Вуаль Тьмы», или, как ее еще называют, «Тьма Египетская», или «Глаз Мазды», «Черная ладонь»? – разве детские игрушки? Ты это объясни тем, кто тебя послал в эту мясорубку. За две тысячи лет своей истории наша цивилизация не только собрала по крупинкам все то, что растеряли предыдущие, но и успела наворотить такого, отчего они все вздрогнули бы разом. Первая вычислительная машина была придумана триста лет назад. Между первым автомобилем и открытием ядерного синтеза – пятьдесят лет. Между появлением полупроводников и глобальной сетью – тоже полвека. Ты подумай! Живы еще люди, родившиеся в эпоху изобретения радио. Вот подожди, лет через сто откроют они межпространственный проход, и тогда вы все, вся Звездная Федерация вздрогнете...

– Это почему же? – несколько обескураженно спросил он.

– А потому, что впервые, насколько я знаю, в истории миров в космос выходит раса, владеющая магией и инженерией одновременно. И вот когда колдуны и ученые договорятся окончательно...

– А что, уже договариваются?

– Уже, уже, – успокоил я его. – Так вот, когда они договорятся и от договоров и разговоров перейдут к делу, вот тогда держитесь!

– А вы что, будете просто смотреть на все это? – возопил он.

– Не ори! – оборвал я его и оглянулся на стюардесс, спешно приводящих себя в порядок. – Девчонок напугаешь. А мы и не будем смотреть, как ты выразился. Мы будем активно следить, чтобы никто нашим питомцам не мешал. Помнишь миротворцев из империи Фарон? Знаешь, что с ними случилось? Только горсть камней между орбитами Ленедис и Томарасис.

– Вряд ли та жестокость была оправдана.

– А гибель целой цивилизации во взбесившемся океане?! И скажи спасибо, что на большом совете Защитников не прошло предложение Тора убить империю Фарон.

Я перевернул труп и продолжил осмотр. Никакой зацепки. В карманах пусто, билет и паспорт не в счет, поскольку подлинный билет был приобретен на явно поддельный паспорт. Кстати, неплохая работа. Пара ляпов, а так на твердую троечку, и для рядового мента вполне сойдет. Конечно, рядового не в смысле звания, а в смысле «обычного». Встречал я таких мате-рых сержантов, которые кололи фальшивые документы на ощупь, по фактуре бумаги.

Наблюдатель не приставал, а я, успокоенный тишиной, продолжил осмотр гораздо более тщательно. И, как награда, едва заметное пятнышко на затылке. Собственно, это был не сам знак или его аналог, а просто след, оставшийся от посвящения. Конечно, мне повезло. Еще пять-шесть месяцев, и от знака не осталось бы и следа. А так вот он, след-то, словно второй паспорт. Игла оставила вечную отметину в его сознании, превратив в слепое орудие любых поступков, и подарила сверхживучесть. На каком-то изгибе сознания я даже восхитился, когда узнал об этой технологии. Один укол, и все! Почти мгновенная психофизиологическая перекодировка на клеточном уровне. На уровне абстрактного знания это, безусловно, Ни-Тес, даже для нас. Да вот только абстрактное знание существует только в абстрактном мире.

«Воины Тьмы» – одна из самых молодых конфессий Древнего Знания. По идее, у них еще нет ни врагов, ни друзей. Хотя врагов-то они себе, пожалуй, понапридумывали, а вот друзей сочинить не сподобились. Интересно все же, какого черта ему здесь надо?

И главное, за кем он охотился? Хочется думать, что все-таки не за мной...

Душа его, черная и грязная, все еще находилась в оболочке, несмотря на то, что рвалась наружу. Знала бы она, что ждет ее, сидела бы тихо и не высывалась до полного растворения. Но у души это своего рода рефлекс. Лететь после смерти туда, где всем сестрам воздается по серьгам.

Только на один миг я погрузился в ее темные складки, а вынырнул с чувством, словно просидел сто лет на дне самого зачуханного солдатского сортира.

Нет, не умею я делать это, как, по слухам, делает сэр Роджер Бэкон. Тот препарирует души подобно биологу, не оставляя на своем белоснежном халате ни капельки грязи. Утешало лишь то, что результат у меня не хуже. Теперь я знал все, или почти все, что знал убийца. Доли секунды я оценивал полученное знание, одновременно фильтруя его на предмет оперативно-необходимых данных. Но ничего полезного не узнал. Этот солдат, кроме своего маневра, не знал больше ничегошеньки.

Пока я возился с трупом, в каюте произошли некоторые изменения. Воскрешенная исчезла, зато предо мною на коленях, с выражением ожидания на красивом смуглом лице, стояла старшая бортпроводница.

Увидев, что я оторвался от изучения тела, она склонила голову и молча положила на пол перед собой толстый красный шнур.

Она, наверное, и не сомневалась в том, что я знаю и значение этого жеста, и в том, что я подниму этот чертов шнурок. Наблюдатель Холар, догадавшийся об общем смысле предложения, с любопытством наблюдал за развитием событий.

Но ее жизнь была мне вовсе не нужна.

– Забери его и уходи.

– Нет.

Ее отказ был тверже стали, и темное пламя, полыхнувшее на мгновение из черных, словно южная ночь, глаз, заставило меня внутренне ойкнуть.

Подумав секунду, я как можно мягче произнес:

– Там будет ад... Возврата не будет.

– Честь не умирает, – ответила она и гордо вскинула голову.

16

Конечно, карты, которые ко мне попали, были не ахти какие. Спасала до некоторой степени спутниковая съемка, получаемая на портативный коммуникатор. Я представляю, сколько было проблем у Конторы, чтобы перетащить геостационар в этот сектор и непрерывно сканировать мертвый кусок горного массива.

Судя по картам, новых детекторов на внешних уровнях не было. Видимо, до полного восстановления охранных систем у них еще не дошли руки, или они целиком полагались на какие-то мне неведомые способы обнаружения. Информационная блокада планеты держалась на прежнем уровне, если не стала плотнее. Любые попытки прикосновения к полю блокады вызывали не просто болевую вспышку, но и почти физическое ощущение длинных черных щупалец, простирающихся прямо к моему сердцу.

Щелочка, в которую мы собирались просочиться, начиналась на глубине трех метров холодной, как лед, и бурной горной речки. Именно сюда выходил канализационный коллектор скрытого в горах секретного института. Предполагалось, что из-за холода и скорости течения, а главное, из-за полной секретности планов расположения коммуникаций бывшего бомбоубежища, этот путь был абсолютно неприступным. Мне предстояла самая малость. Доказать ошибочность расчетов специалистов по пассивной, а затем и по активной безопасности.

Я закрепил репшнур за подходящий валун, уложив все свое хитрое и не очень хозяйство по кармашкам подвески и рюкзака и, проверив респиратор, стал потихоньку стравливать конец, все больше и больше погружаясь в воду. Несмотря на роскошный спецкостюм, холод понемногу пробирался к моему телу. Или мне это казалось? Но уже через пару секунд, когда я попал в створ течения, мне стало совсем не до холода. Меня мотало и било, как щепку, закручивая пропеллером в бурлящем потоке. В итоге, я чуть не проскочил нужное мне место. Решетка сливного отверстия была, как я и ожидал, забрана крупными прутьями, толщиной почти в большой палец. Минут десять потребовалось на то, чтобы гибкой пилой перегрызть несколько штук, а остальные отогнуть. Чуть не разодрав гидрокостюм, я проскользнул мимо торчавших, как зубы, обломков и начал карабкаться навстречу теплому потоку. Где-то сзади пыхтели мои неожиданные компаньоны. Я искренне пожалел наблюдателя, так как ни гидрокостюма, ни подходящего снаряжения на него не хватило.

Ладно. Сами навязались.

Через некоторое время я вместе со своими спутниками оказался в колодце водосброса. Почему резервный, а стало быть, по идее, нерабочий колодец шуршит на всю железку, я даже не задумывался. А вот напарник мой, выглядевший после вод бурной реки и канализации так, словно всего лишь прогулялся с девушкой под луной, заставил меня сильно усомниться в его неготовности к грядущим передрягам. Он сбросил фантомную оболочку, и его комбинезон мягко переливался фиолетовыми искорками. Марджан – так звали мою вторую спутницу, деловито и ловко, словно занималась этим всю жизнь, поправляла свое разболтавшееся снаряжение.

Я в этой жизни, и насколько я помнил, в предыдущих, повидал всякого. В том числе и средств убийства себе подобных. В конце концов, это все-таки моя профессия. Но то, что

доставала из небольшого кожаного мешочка и цепляла на себя эта внешне хрупкая девочка, боюсь, не приснилось бы мне даже в кошмарном сне. Просто еще одна, совершенно незнакомая мне школа боя.

Да, подвезло мне с попутчиками. А работа, судя по всему, предстояла нешуточная. По верху подземелье, а точнее все штатные и аварийные выходы минировала специальная группа. И, вполне возможно, что через какую-нибудь щель ползет, как и я, вторая, а может и третья команда. С моих начальничков станется.

Между тем все подземелье было просто пропитано аурой боли и страха. Верхним зрением кроме кровавой пелены я вообще ничего не видел. Так или примерно так дело обстояло со всеми экстрасенсорными способностями. Но было еще кое-что. Словно густой серый туман. Блокировка второго уровня была на порядок выше того, который я испытал в районе падения метеорита.

Ладно. Жаль конечно, что целый арсенал средств теперь недоступен. Но ведь руки-ноги на месте? И обоймы полны под завязку, и остальное... Ведь не мусором забит почти пятидесятикилограммовый рюкзак. И Жнец в нижней кобуре на правом бедре. Прорвемся.

На моей руке тихо пульсировал специальный браслет – подавитель охранных систем. Сработанный умельцами нашей фирмы, он давал мне пусть и не стопроцентную, но все же отличную от нуля гарантию тихого прохода по коридорам подземного комплекса. Как раз перед очередным поворотом он кольнул меня в запястье, предупреждая об очевидном заслоне. Мы как раз должны были выйти в главный радиальный коридор. Его нужно было проскочить по возможности тихо, ибо сюда можно было быстро перебросить охранные подразделения из других мест или из резерва, если таковой имелся. Хотя, если верить материалам Дона Альваро и данным нашей разведки, половина аппаратуры бездействует, а оставшихся на комплексе людей все равно не хватит для полноценной охраны всего подземелья, тянувшегося на многие километры в стороны.

Крохотный усик оптоволокну нырнул за поворот, давая возможность осмотреть предстоящую нам беговую дорожку. Штатных, то есть установленных еще при советской власти датчиков, здесь было два. Тензорные площадки, выглядевшие точь-в-точь как плиты фальшпола, но на крохотную долю светлее. Естественно, если бы полы были затоптаны сотнями шагов всякого обслуживающего люда, эта разница была бы не видна. А так крошечное различие в химическом составе плит и, соответственно, разная реакция на вездесущую коррозию выдавали их с головой.

Самым гнусным был дальний конец коридора. Там на могучем кронштейне, выкрашенном темно-зеленой краской, покоился автоматический пулемет с широким раструбом теплоуловителя. Несмотря на все внешнее уродство конструкции, машина эта была в десятки раз надежнее любой штатовской или японской техники. Будь ты хоть гением боевых искусств, проскочить сто метров коридора сквозь хаотично рикошетирующие от стен пули – нереально. Тело просто разорвет в клочья.

Сделав знак своим спутникам, чтобы отошли подальше, я положил тепловую гранату прямо перед самым поворотом, сдернул защитный колпачок и, хлопнув по запалу рукой, метнулся назад и залег.

Сначала зашипев, граната почти беззвучно превратилась в багровый шар огня, а ошалевший от теплового удара пулемет принялся палить в белый свет. Плотность огня была такой, что рикошеты долетали даже в перпендикулярный коридор. Однако обойма никогда не бывает бесконечной. Утих и наш терминатор, бессильно жужжа приводными моторами.

Разберутся, что к чему, надеюсь, не скоро. А пока мы проскочили коридор, перескакивая через плиты-датчики, и ввалились в узкий лаз главного электрического колодца. Брикет семтекса, взрыватель, элемент неизвлекаемости – подарок для тех, кто решит поиграть в сапера, –

и мы полезли вверх. Через пять секунд за спиной тихо щелкнуло. Это мина встала на боевой взвод. Теперь даже подходить к ней не стоило.

Десять метров и сорок скоб мы преодолели, будто на крыльях. Вот и массивная овальная дверь на клинкетях, за которой, судя по карте, начиналась секция «К». Пока было тихо...

Я вытек в Т-образный отросток, которым заканчивался коридор перед дверью, и замер, прислушиваясь. Сквозь гудение и хлюпанье многочисленных работающих механизмов подземелья, понемногу просачивался и другой шум. Явно биологического происхождения. То ли плач, то ли крик...

С приглушенным лязгом встал на место запорный шплинт двери, и, преодолевая немалую массу, я потянул ее на себя.

Странный звук стал намного громче и более похож на чей-то безысходный вой. Мы вошли в небольшой, тускло освещенный аварийными лампами круглый зал, из которого вело сразу несколько коридоров и дверей.

Я лишь успел сделать шаг, когда откуда-то сбоку в мою сторону метнулась продолговатая тень. Я качнулся вперед, пропуская атаку за спиной, и, продолжая движение, крутанулся вбок, ударом локтя вверх выбил и затем подхватил левой рукой металлокерамическое лезвие. Оно с противным хрустом вспороло толстую, жесткую, словно проволока, шерсть до самого позвоночника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.